

902.7 (42.7)

83

С.А. Лугуев, Д.М. Магомедов

**Каралал (каратинцы):
историко-этнографическое
исследование**

XIX – начало XX века

Российская академия наук
Дагестанский научный центр
Институт истории, археологии и этнографии

С.А. Лугуев, Д.М. Магомедов

**Каралал (каратинцы):
историко-этнографическое
исследование.**

XIX – начало XX века

Махачкала 2009

УДК 94(470.67)
ББК 63.3(2Р-6Д)521
Л-83

instituteofhistory.ru

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института ИАЭ ДНЦ РАН*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук **Б.М. Алимова**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **М.С. Гаджиев**
кандидат исторических наук **М.-Р.А. Ибрагимов**

Лугуев С.А., Магомедов Д.М.

Л-83 Каралал (каратинцы): историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2009. – 248 с.

ISBN 978-5-904017-40-8

182833

Монография посвящена изучению истории и традиционной культуры одного из малочисленных народов Дагестана – каралалцев. На основании материалов фондов архивов, источников и литературы по теме, а также полевого этнографического материала, в книге освещаются основные вехи истории каралалцев, особенности традиционного хозяйства народа, его материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта.

367030 Махачкала-30
ул. М. Фрагского, 75
ИИ ДНЦ РАН

УДК 94(470.67)
ББК 63.3(2Р-6Д)521

ISBN 978-5-904017-40-8

© Лугуев С.А., 2009
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009
© ИП Овчинников, 2009

ВВЕДЕНИЕ

В обстановке коренной ломки и перестройки экономических, общественных и социальных отношений необычайно возрос интерес ко всему национальному, этническому, составляющему духовное наследие народа, его этноспецифику. В этом плане появление работ, раскрывающих содержание традиционной культуры и быта того или иного народа, злободневно и актуально. Монография представляет собой одну из работ из серии исследований «Малые народы Дагестана: Историко-этнографические исследования. XIX – начало XX в.». Она посвящена анализу и описанию основных вех историко-этнографического развития, выявлению особенностей традиционного хозяйства, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта одного из малых по численности народов аварской группы – каралалцев¹. Настоящая монография решает две взаимосвязанные задачи. Во-первых, выполняется комплексное всестороннее этнографическое изучение традиционной бытовой культуры народов. Во-вторых, через решение этой задачи расширяются и дополняются наши знания об истории и культуре Дагестана в целом.

Главным источником для написания работы послужил полевой этнографический материал. Он собирался в местах традиционного расселения каралалцев, в селениях Ахвахского и Ботлихского районов Дагестана, а также в районах переселения части каралалцев, на Кумыкской плоскости. Целенаправленно сбор материала проводился в экспедиционные сезоны 1990 – 1991 гг. Однако авторами использованы в работе и те материалы, которые накапливались в результате 10-15 летних полевых исследований в различных районах Дагестана для выполнения других тем. Использована авторами и специальная литература.

Отдельных работ, монографий посвященных истории или различным сторонам этнографии каралалцев, нет. Разрозненные сведения о народе небольшими вкраплениями можно обнаружить в трудах дореволюционных путешественников, чиновников и ученых, так или иначе затрагивавших каралалцев. Это статьи и монографии Д.Н. Анучина, А.П. Берже, С.М. Броневского, Н.А. Буша, Е.Г. Вейденбаума, Н.Н. Воронова, К.Ф. Гана, П.А. Данилевского, Г.Н. Дубровина, П.П. Зубова, М.М. Ковалевского, Е.И. Козубского, А.В. Комарова, Ф.И.

¹ В специальной литературе для обозначения этой народности авторами употребляются разные названия: «каралал», «каратинцы» и т.д. Мы считаем правильным применение названия «каралал» для исследуемой народности, «каратинцы» - для обозначения жителей селения Карата Ахвахского района РД.

Леонтовича, Н. Львова, Е. Маркова, А.А. Неверовского, И. Пантюхов, П.Г. Пржецлавского, А.К. Сержпутовского и др.

Все эти имена неравнозначны для истории Дагестана, Кавказа, поэтому труды этих авторов использовались в работе в неодинаковой степени. В исследованиях дагестанских и вообще кавказских историков эти имена упоминаются очень часто, в том числе и с точки зрения оценочных критериев. Широко использованы нами в настоящей работе труды М.О. Косвена по проблемам семьи, тухума, патронимии, Е.М. Шиллинга по вопросам народных традиций и обычаев, Г.Я. Мовчана по проблемам поселений и жилищ, З.А. Никольской по проблемам материальной культуры и семейного быта и др.

Кроме того, в сравнительно-историческом плане или непосредственно по теме нами использованы труды М.А. Агларова, С.С. Агашириновой, А.Г. Булатовой, С.Ш. Гаджиевой, А.И. Исламмагомедова, М.М. Ихилова, М.О. Османова, Г.А. Сергеевой и др. Труды эти касаются самого широкого спектра этнографических проблем: традиционного хозяйства народов Дагестана, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта и др.

В разработке вопросов особенностей социально-экономических отношений в каралальской среде, взаимоотношений с другими политическими образованиями, специфики и этапов развития культуры, идеологии и т.д. мы постоянно обращались к работам Б.Г. Алиева, В.Г. Гаджиева, Г.Ш. Каймаразова, Р.М. Магомедова, Г.Г. Османова, Х.Х. Рамазанова, М.-С.К. Умаханова, Х.-М.О. Хашаева, А.Р. Шихсаидова и др.

В вопросах разработки основных этапов исторического развития народа мы использовали труды археологов: Х. А. Амирханова, Д.М. Атаева, М.Г. Гаджиева, О.М. Давудова, А.Н. Круглова, В.Г. Котовича, М.И. Пикуль и др.

Неоднократно обращались мы к четырехтомнику «История Дагестана» (М., 1967 – 1969), к двухтомнику «История народов Северного Кавказа» (М., 1988), к сборникам документов «Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в.» (под ред. В.Г. Гаджиева – М., 1988), «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX в.» (под ред. Х.-М.О. Хашаева – М., 1969) и др.

Много интересующих нас материалов и сведений содержится в сборнике материалов «История, география и этнография Дагестана» (под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева – М., 1958).

Пространственный этнографический и статистический материал содержится также в дореволюционных периодических изданиях, в частности, в «Обзорах Дагестанской области» (1892 – 1915 гг.), «Даге-

станских областных ведомостях» (1909 – 1917 гг.). Использованы нами также и статьи, заметки, бюллетени, содержащиеся в издававшихся в Тифлисе «Кавказском календаре» (1846 – 1917 гг.), в газете «Кавказ», в «Сборниках сведений о кавказских горцах» (1868 – 1881 гг.), в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881 – 1915 гг.), в «Актах кавказской археографической комиссии» (1866 – 1886 гг.), в «Сборниках сведений о Кавказе» (1871 – 1885 гг.) и др. Отдельные статьи, имеющие отношение к нашей теме, публиковались в центральных периодических изданиях: в начавших печататься с 1860 г. «Военном сборнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Юридическом вестнике», в «Известиях кавказского отдела Русского географического общества» (1872 – 1917 гг.), в издававшихся параллельно «Записках» того же отделения, в «Этнографическом обозрении» (1869 – 1916) и др.

Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН содержит важнейшие разработки и материалы по этнографии и истории Дагестана. Из фондов этнографов, историков и археологов нами использованы материалы и неопубликованные работы, как имеющие прямое отношение к нашей теме, так и привлекаемые в качестве сравнительно-исторического материала.

Использованы нами также и материалы фондов ЦГА РД: фонды командующего войсками; фонды управляющего гражданской частью; фонды начальника области; фонды канцелярии губернатора; фонды Областного по военным делам присутствия; фонды Областного народного суда; фонды Областного статуправления; фонды Комиссии по разбору сословно-поземельных прав.

Авторы считают своим долгом выразить глубокую признательность нашим респондентам, чей материал оказал огромную помощь при написании данной работы.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Каралал (*кIкIаралал*) – под этим термином вошел в историю немногочисленный этнос, проживающий в настоящее время в Ахвахском районе. По языку каралалцы относятся к аваро-андо-цезской группе дагестано-нахской ветви северо-кавказской семьи языков (подгруппа андийская). Названия «Каралал» и «Каратинский язык» исходят от одноименного аула, бывшего центра этносоциального общества *КIкIарата* (Карата). О происхождении этого названия имеются различные версии. Одна из них, на наш взгляд правдоподобная, гласит, что термин «*КIкIарата*» происходит от слова «*кIкIал*» (аварское «овраг»). Согласно устной традиции каралалцев, до образования современного селения, прежнее село было расположено в местности «Рехани *КIкIала*» и называлось «Эшхъо гъане» – от *эше* – «комната», «дом», и *гъане* – «селение». По всей вероятности, наименование «*КIкIарата*» дали ему ближайшие авароязычные соседи. Хотя на языке каралалцев слово «овраг» звучит точно так же, как и на аварском (*кIкIале*), однако, суффикс «*тIа*» присущ только аварскому языку и означает «над оврагом». Более того, носители каратинского языка селение называют иначе и не связывают его происхождение с оврагом (*кIкIале*). Селение Карата они называют «*КIкIира*», а каралалцев – «*кIкIирди*». Существует другая версия о происхождении термина «*КIкIаратIа*». Согласно ей название «*КIкIаратIа*» исходит от слова *кIкIарата* – «овод»¹.

На наш взгляд, топоним *КIкIаратIа* происходит от аварского *кIкIал* – «овраг» с суффиксом местонахождения *-тIа*. Согласно устной традиции, современное селение Карата образовалось гораздо позднее, чем другие населенные пункты каралалского общества, в частности сел. Анчих, Верхнее Инхело, Алак, Хелетури, Нижнее Инхело. Об этом свидетельствует тот факт, что каратинцы перешли на новое место после сильного пожара в старом сел. Эшха. Это произошло после принятия ими ислама, на что косвенно указывают остатки старой мечети в упомянутом селении. Что же касается территории современного сел. Карата, то заселена она была с древности. Об этом свидетельствуют могильники эпохи раннего средневековья, которые местные жители находят при строительных, земляных работах. В настоящее время сел. Карата является самым крупным населенным пунктом в данном регионе. После него наиболее крупным в составе

каралалского союза сельских общин считается сел. Анчих. Существует ряд легенд о его образовании. Согласно устной традиции, основоположниками селения считают трех охотников, обосновавшихся здесь еще с древних времен. Первый из них, по имени Гели, обосновался в пещере, которая расположена в нижней части селения; сейчас ее называют «ГьянтIокъи». Пещеру анчихцы называют по имени Гели – «Гели речIа» (*речIа* – «пещера»). Другой охотник, по имени Нильо, остановился в 1,5 км от современного сел. Анчих, в пещере, именуемой «Нильо речIа». И, наконец, третий из них, по имени ГьянтIю, обосновался в центре нынешнего селения, на утесе, который тянется с юга на север и который носит его имя.

Существуют версии об образовании селения Анчих армянами, тушинами и др. Можно, однако, с уверенностью утверждать, что анчихцы заселили эту территорию по крайней мере с раннего средневековья, о чем свидетельствуют остатки поселений этого времени недалеко от нынешнего селения.

«Анчих – одно из живописнейших селений в Ахвахском районе, – читаем мы в путеводителе, – это типичный горный аул со ступенчатой планировкой. Здесь много старинных домов, крытых переходов»¹. Термин «Анчих» происходит от слова *анча*, что по каралалски значит «камень», «каменная глыба». На самом деле, Анчих, по сравнению с другими селениями этого общества, расположен на склоне горы, под обрывистой скалой, в очень каменистом месте.

Другим старинным селением данного союза является Верхнее Инхело. Оно образовалось в XIV-XV вв., когда было разрушено раннесредневековое городище Инхело, расположенное у речки Энха. Часть жителей поселилась у будущего сел. Машдада и основала его, а часть в Верхнем Инхело. Название аула происходит от слова *энха* – «речка», а определение «Верхнее» используется потому, что на нижнем течении Энха со временем возникло новое селение Инхело – «Нижнее»². Верхнее Инхело у местного населения известно как ЧIабакъеро (от каратинского *чIабар* – «пол» и *къароб* – «жаркий»).

Рацитлинцы и машдадинцы являются выходцами из Инхело. Во всяком случае, так утверждают старожилы и сохранившиеся устные предания. Этимологизировать топоним «Машдада» нам не удалось. Наименование селения Рацитль, согласно устной традиции, происходит от слова *рец / рац*, что значит «покос» на аварском и каралалском языках. Рацитль (Рацитль), благодаря климатическим условиям, на самом деле отличался пышным травостоем. Инхеловцы еще

¹ *КIкIара* – на языке каралалцев означает «овод», на аварском – «комар» (по-каратински «комар» – *жизилца*).

¹ Атаев Д., Гаджиев К. Путеводитель по Дагестану. Махачкала, 1969. С. 38.

² Нижнее Ихело административно относится к Ботлихскому району.

до заселения этой территории имели здесь свои покосы. В историческом прошлом (XVI-XIX вв.) Машдада и Рацитль входили в одну сельскую общину – Верхнеинхеловскую. Они имели общие покосы, пастбища, леса, луга и т.д., что говорит об их исторической и этнической общности.

Селение Арчо тоже имеет подобное же происхождение. Оно образовалось относительно поздно. Согласно устной традиции, на данной местности в прошлом находились сеновалы (*арче / арчи*) каралалцев. По другой версии название Арчо происходит от каралалского *арчоб* – «зеленый». Местная устная традиция гласит, что арчинцы являлись выходцами из Караты. О том, что Арчо частично был образован переселенцами из Караты, подтверждается архивными данными, относящимися к концу XIX в. В последней четверти XIX в. между арчинцами и каратинцами возникает тяжба из-за использования пастбищных и покосных земель. Каратинцы запретили арчинцам-переселенцам пользоваться угодьями в местности «Ачикоро». Арчинцы в 1872 г. предъявили иск в Андийский окружной суд, который признал за ними право пользования каратинскими пастбищами и покосами. В 1900 г. жители сел. Карата стали оснаживать решение Андийского окружного суда, «заявляя, что таковое никем из судей не подписано и не внесено в книгу решения суда». В связи с этим, поверенные от переселенцев сел. Арчо Чезров Дибирмагома оглы и Юсуп Исмаил оглы заявили, что «доверители их и они сами в продолжение 28 лет и больше сего пользовались покосами и пастьбой наравне с каратинцами во всех землях общества сел. Карата сообща и вместе, как одно общество». В своей апелляционной жалобе поверенные каралалского общества пишут, что с незапамятных времен из Карата семь дворов переселилось в Арчо. Переселенцы неоднократно обращались с просьбой о разрешении пользоваться сенокосом и пастьбой их баранты на местности под названием «Ачикоро». Просьба была отклонена, тем более, что число дворов арчинцев-переселенцев увеличилось до 28. Коренных же оставалось только три человека¹. Эти документы говорят о том, что в далеком прошлом каратинцы и арчобцы составляли одно общество. Видимо, где-то в XVIII в. Арчо становится самостоятельным сельским обществом, сохранив свои былые связи с каратинцами. Об этом свидетельствуют также существующие в настоящее время многочисленные родственные связи жителей этих селений.

Ниже Арчо, к югу от него, на гребне, расположено небольшое сел. Рачаболда. Согласно преданию, рачаболдинцы являются остатками некогда живших здесь сиухцев. Последние из-за конфликтов с соседними селениями были вытеснены из этих мест, после обосновались в Гумбетовском районе. Сейчас они живут в Хасавюртовском районе, сохранив свой язык и изначальное название селения – Сиух (от аварского *си* – «башня»). Такое наименование селения получило из-за мощных фортификационных сооружений. В прошлом селение было известно также под названием «Рачабо-Сиуд». Местность, где оно было расположено, именовалось «Мугъа-Рачаболда». Видимо, это название сохранили за собой рачаболдинцы, переселившись на современную территорию.

У правого берега р. Андийского Койсу расположено сел. Нижнее Инхело, входившее в прошлом в состав Каралалского союза сельских общин. О своем происхождении нижеинхеловцы рассказывают, что некогда территория эта принадлежала анчихцам. Здесь был расположен пост анчихцев, где постоянно проживала караульная стража. С течением времени вокруг него образовалось селение, которое впоследствии стало самостоятельным сельским обществом. При этом пастбищные угодья долгое время оставались общими. Нижеинхеловцы пасли свой крупнорогатый скот в местности «Чанкари», расположенной напротив аула Анчих. Общими были также земли, находящиеся в местности «Хелдари». Согласно преданию, мельницы, расположенные в самом селении Нижнее Ихело, некогда принадлежали отдельным лицам из Анчха, а в конце XIX в. они были проданы нижеинхеловцам. Даже до недавнего времени в садах нижеинхеловцев были отдельные фруктовые деревья, принадлежавшие тухуму «Шейхоб» из Анчиха. Все это говорит о том, что нижеинхеловцы являлись выходцами из села Анчих.

До XV-XVI вв. каралалцы были в основном расселены в селениях Эшха (Карата), Анчих, Сиух, Инхело (Верхнее). Затем по социально-экономическим и политическим причинам от них отпочковывались новые поселения, ставшие в XVII-XVIII вв. равноправными и самостоятельными обществами. В состав Каралского общества входили также иноэтнические селения Алак и Хелетури (аварцы). О происхождении этих аулов в устной традиции сохранилось интересное предание. Оно гласит, что два брата, Али и Халил, выходцы из сел. Саситль (общество Ункратль), лет 400-500 назад поселились в данной местности, принадлежавшей анчихцам. Они выделили для поселения Халила местность, расположенную у скалы (карат. *къера*, авар. *къуру*), и она получила название «Халилил къуру-хелекъури». А для Али вы-

¹ РФ ИИАЭ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 139-е л. 1-3.

делили более просторную территорию выше Хелетури – «Авлахъ» (букв. «простор»). Отсюда и произошло название «Алил Авлахъ» – «Алахъ». Согласно преданию, Али и Халил являлись, как и другие жители Саситля и Кеды, выходцами из Хунзаха¹. Жители этих селений проникли сюда в период распространения ислама в XV-XVI вв., когда в обществе Ункратль возникли целые поселения выходцев из Аварии. Хотя Хелетури и Алак входили в состав союза Каралал, но не теряли связь с жителями Саситля. Рассказывают, что существовал общий большой котел, принадлежавший саситлинцам и алакцам. Котел этот по необходимости доставляли в Саситль и обратно. Сам факт существования такого предания говорит о том, что когда-то хелетурицы, алакцы и саситлинцы территориально представляли одно целое. Причина, побудившая их покинуть Саситль, остается неизвестной. Трудно также установить хронологические рамки освоения переселенцами современных мест их жительства.

В состав союза сельских обществ Каралал входили джамааты селений Карата, Анчих, Арчо, Рачаболда, Машдада, Верхнее Инхело (каралалцы), Алак и Хелетури (аварцы). В более ранние периоды в это этнополитическое объединение входило и селение Сиух. Исследователь каратинского языка З. Магомедбекова к этой же группе относит и тукитинцев. Однако, во-первых, каралалцы при общении с ними пользуются аварским языком; кроме того, в прошлом селение Тукита не входило в состав Каралалского общества. Но находясь по соседству с каратинцами, в прошлом тукитинцы играли определенную роль в их политической и экономической жизни. Жители селений Тукита, Цолода, Местерух, Ингерда с XV века входили в состав Хунзахского ханства и были его данниками.

По преданию, записанному нами в 1981 г., каралалцы в незапамятные времена пришли в места их современного расселения из южных районов, со стороны багвалалов, цунтинских и цумадинских ущелий². На территории каралалцев известна серия археологических памятников и отдельных археологических находок³, но серьезных археологических работ здесь не проводилось. Среди них выделяется грунтовый Каратинский могильник, расположенный на северо-восточной окраине сел. Карата, из которого происходят предметы, относящиеся к раннему железному веку (VI-IV вв. до н.э.) и к ранне-

му средневековью⁴. Погребения совершались здесь в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами. Подобные погребения распространены повсеместно на территории Дагестана. Видимо, из этого могильника происходят интересные бронзовые предметы: бляха с изображением головы медведя, державшего в пасти голову быка, стилизованная фигурка барана и две антропоморфные статуэтки⁵. В 1921 г. М. Джемал расчистил на Каратинском могильнике одно погребение, в котором были обнаружены пять культовых бронзовых человеческих фигурок (одна мужская и четыре женских, в позе адорации и фертообразная) и бронзовая ритуальная ложечка с ручкой, украшенной двумя утолщениями-четырнадцатигранниками⁶. На основании находки ложечки, выступающей хорошим хронологическим индикатором, М.С. Гаджиев отнес этот комплекс к раннему средневековью (V-VII вв.)⁴.

В 1965 г. Горным археологическим отрядом под руководством Д.М. Атаева были произведены разведочные работы в зоне с. Анчих. В результате разведок обнаружены древние погребения, в которых были найдены бронзовые украшения, керамические изделия и другой инвентарь, датированный ранним средневековьем⁵. Аналогичные памятники и находки обнаружены в сел. Карата, Арчо, Верхнее Инхело и других населенных пунктах общества Каралал⁶.

Весьма интересен другой памятник – культовое место на горе Берка, в 3-х км к югу от сел. Арчо. Здесь в 1930-х гг. землеустроителем Приговорским была обнаружена бронзовая статуэтка обнаженного мужчины и фигурка козла. В 1937-1938 гг. вершина горы Берка была обследована археологом А.П. Кругловым. В результате проведенных здесь раскопок были зафиксированы следы культового места (слои древесного угля, строительные остатки), а также найдены две статуэтки, изображающие ритуально обнаженных мужчин, железное

¹ Пиккуль М.И. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11. Л. 81-86; Она же. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала. 1967. С. 108; Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. С. 166.

² Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 94; Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. С. 166.

³ Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала. 1966. С. 87. № 1071. Табл. 11,1-5; Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. Рис. 4,6, 5,3,16, 12,8.

⁴ Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики) // Российская археология. 1997. № 2. С. 224.

⁵ Атаев Д.М. Отчет Горного археологического отряда // РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 12.

¹ Записано в селении Саситль Цумадинского района.

² Полевой материал, собранный в 1981 г.

³ Краткий обзор памятников см.: Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 166.

навершие и другие предметы¹. А.П. Круглов, а вслед за ним и другие исследователи, датировали этот комплекс, а также подобные найденным здесь статуэтки, ранним железным веком, скифским периодом (середина I тыс. до н.э.)². Однако, найденный вместе с ними массивный трехгранный черешковый наконечник стрелы указывает, как на то обратил внимание М.С. Гаджиев, на другую дату – на раннесредневековое время³. Характеризуя обнаруженные статуэтки, А.П. Круглов высказал мнение об изготовлении их на месте, в горах. Он писал, что «ограниченность района распространения этих фигурок по территории горного Дагестана указывает на их местное изготовление»⁴. Этого мнения придерживаются и другие исследователи – зона их распространения приходится на территорию горной части Северо-западного Дагестана и примыкающей территории горной Чечни⁵.

Пока невозможно определить этническую принадлежность названных археологических объектов и непосредственно связать их с предками каралалцев, но в этнокультурном плане они, несомненно, представляют местную (автохтонную) локальную группу. Вместе с тем, опираясь на сравнительные данные, можно с осторожностью полагать, что вершина горы Берка служила общим культовым местом общества Каралал. К примеру, таковым культовым местом для всех цезов (общество Дидо) являлась вершина горы Киделишан, расположенная в 3-4 км от селения Хутрах и где также в большом количестве обнаруживаются бронзовые антропоморфные (главным образом, мужские) статуэтки. Можно думать, что эти фигурки изображали почитаемое местными обществами верховное божество.

В ходе наших полевых работ на территории расселения каралалцев была зафиксирована серия поселений, в том числе укрепленных, которые по подъемному материалу относятся к раннесредневековому и средневековому периоду. Некоторые из них могут непосредственно связываться с каралалами. Так, развалины укрепленного поселения под названием Сиух расположены недалеко от местности «Мугъва», на первом берегу речки Энха. Другое подобное поселение, носящее название Энхели, находилось тоже у р. Энха, на спуске из современного селения Машдада. Древнее селение Эшха (позже Карата) было расположено на естественно укрепленном месте и имело, по

всей видимости двое ворот. Сохранились развалины поселения крепостного типа и недалеко от сел. Ингердах.

Время функционирования этих поселений, очевидно, приходится на период существования крупного раннефеодального государственного образования Серир. По сообщению Масуди (X в.), у правителя Серира (сахиб ас-Сарир – «владелец Трона») насчитывалось 12 тысяч селений¹. Согласно Ибн Руста (нач. X в.), ему принадлежало «20 тыс. долин (*шиб*), поселения разного рода, ... поместья и деревни (*дийа ва кура*)»², что позволяет говорить о крупных размерах этого «царства». Но мы ничего не можем сказать о том, входили или нет каралалцы в состав этого государства и каковы были их взаимоотношения.

Одним из крупных поселений на территории каралалцев было Сиух. Согласно преданию, в поселении и вокруг него располагались многочисленные боевые башни. Устная традиция гласит, о всевластии какого-то хана, имевшего сильную военную дружину и бывшего владельцем этой территории (Каралалского общества). Власть его носила деспотический характер. Почти во всех селениях существуют легенды и предания, связанные с Сиухом и с его жителями. В памяти населения сохранились самые мрачные воспоминания об этом периоде, когда над всеми каралалцами верховодили сиухцы.

По тем же преданиям, на территории Каралалского общества, недалеко от Ингердаха, существовало и другое укрепленное селение, соперничавшее с Сиухом. Между ними шла борьба за верховенство. В конечном итоге сиухцы, видимо не без помощи и поддержки всех каралалцев, одержали верх, разрушили селение, а жителей переселили на территорию современного Ингердаха. «По мнению стариков, оно было обитаемо 400-500 лет тому назад»³.

Известно, что нынешние селения Ингердах, Цолода, Местерух образовались примерно в XVI-XVII вв., в ходе исламизации каралалцев. Их население составили в основном переселенцы из Хунзаха. После описанных событий сиухцы стали притеснять своих же одноплеменников. Так, например, сиухцы свой скот стали перегонять на пастбище, принадлежащие анчихцам. Стадо коров сиухцев на пастбище проходило через Анчих. Согласно преданию, анчихцы утром, перед выгоном скота на пастбище, и вечером, после возвращения стада, в обязательном порядке должны были поить коров пойлом, специально приготовленным из отходов хлеба и других добавок (*чучариб*).

¹ Круглов А.П. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 31-40.

² Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана... С. 226.

³ Круглов А.П. Культовые места горного Дагестана. С. 31 – 40.

⁴ Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. С. 91.

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 204.

² Там же. С. 217.

³ Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала. 1975. С. 262.

От сиухцев страдало и население других населенных пунктов. В итоге все каралалцы объединились, напали на Сиух, разрушили и сожгли аул. По этому поводу во всех каралалских селениях существуют легенды, связанные с уничтожением Сиуха. Оставшиеся сиухцы переселились в Гумбет.

Для уточнения времени выселения сиухцев с территории каралалцев значение имеет материал, касающийся образования крупного селения Чиркей. Согласно сохранившимся сведениям, селение это было образовано переселенцами из разных мест Дагестана. Среди них упоминаются Тагирилал. Они сначала переселились из сел Рачаболда (Каралал) в Сиух (Гумбет), а оттуда в Чиркей и обосновались там. В сохранившемся документе говорится, что процесс основания Чиркея относится к 911 г. хиджры (1506 г.)¹. В связи с этим надо полагать, что к этому времени гумбетовский Сиух уже существовал. И, видимо, вышеуказанные события с последующим выселением сиухцев из Каралала произошли где-то в конце XV – нач. XVI в. Земли и сады их перешли анчихцам и верхнеинхеловцам, которыми они распоряжались поныне. Эти события можно характеризовать как классовую борьбу, характерную и для других территорий горного Дагестана. Ликвидировав местных феодальных владельцев, каралалцы создали автономное самоуправляющееся общество, основанное на демократических принципах. События эти произошли, можно полагать, на рубеже XV-XVI вв., когда образовался Каралалский союз сельских общин с центром в селении Карата. Здесь надо отметить, что с самого начала возникновения, союз Каралал был одним из самых сильных и ведущих обществ в этой зоне.

Интересно отметить то, что каралалцы (в отличие, например, от их соседей тиндинов и чамалалов²) не упоминаются в списке подвластного населения, внесившего подати Казикумухскому шамхалу, что может указывать на сохранение ими своей автономии, независимости и на плоскости.

С момента своего возникновения союз Каралал, вероятно, отстаивал свою независимость и от сильного Аварского ханства (нуцальства). Борьба с хунзахскими нуцалами, видимо, началась с XVI вв., когда Хунзах стал распространять ислам в данном регионе. В преданиях повествуется, что когда хунзахский Ибрагим-хан с большими отрядами приблизился к высокой горе (видимо имеется в виду местность, где расположено селение Цолода), с которой, как на ладони, видна вся Карата, вплоть до Анди, Цунгы и Бурту (Чечня – авт.),

старшина каралалцев Малле послал гонцов по всем аулам с просьбой срочно послать отряды для битвы с Ибрагим-ханом. Предварительно Малле отправил всех каратинских женщин на поля, как ни в чем не бывало, продолжать заниматься полевыми работами, всех детей он послал играть на большом поле в мяч и приказал не обращать никакого внимания на приближающегося Ибрагим-хана. К тому времени подросла помощь из соседних селений. Малле разделил ополчение на небольшие отряды и отправил их по разным дорогам против врага. Ибрагим-хан, увидев людей, работающих в поле, играющих детей и направляющееся против него войско, испугался и повернул назад¹. Согласно преданию, Ибрагим-хан предложил каратинцам мир, и за ними сохранились гора и пастбище под названием Бахкул (*Бахъараб кули*, что по-аварски означает «Отнятый хутор»). Время правления Ибрагим-хана Т.М. Айтберов определил по надписи на камне из мечети в сел. Хуштада, где сказано, что эта мечеть построена в 1600/601 г. «в правление падишаха Ибрагима»².

Аварское нуцальство, со временем ставшее центром, откуда распространялся ислам в общества Северо-Западного Дагестана, в том числе в Каралал, предпринимало неоднократные нападения на этот край. С помощью союзников каралалцы сумели отстоять независимость в борьбе и против объединенного кумухско-гидатлинского войска³. В XVII в. каралалцы заключили военно-политический союз с тиндинцами, о чем повествует сохранившийся текст договора:

«Войска Тиндал и Каралал, малые и большие, договорились быть как (бы) одним войском в радости и в горе, не разделяться, даже если между ними произойдет убийство или смерть. Если между ними будет (иметь место) долг, засвидетельствованный гостем или признанный джамаатом, то *ишкил*⁴ делать не будут, а взыщут (этот долг), прислав исполнителей (*шурата*), подобно тому, как взыскивают в селении. Если кто-либо сделает ишкил, то на него (налагается) один баран, стоимостью две овцы. Они договорились также, что: если же пресечется род (*наслу*) султанов из Кеди и Сисики (Саситль – авт.), то местность Сикик будет (принадлежать) войску Тиндал, а местность Киди, Силди и Хакуб (Гако – авт.) войску Каралал, если они (султанские роды – авт.) пресекутся также. Если одно из двух войск отделится от другого, то на отделившееся первым (налагается) 70 коров в пользу того, которое не отделилось. Свидетели этому: кадий Карата

¹ Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 62.

² Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. С. 106.

³ Там же. С. 106.

⁴ *Ишкил* – насильственный захват имущества в счет неуплаченного долга.

¹ Там же. С. 211

² Очерки истории Дагестана: В 2-х томах. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 65.

Титилов, писавший эти строки (слова) – кадий Гинди Мухаммед-Али, кадий Анчиха Табакилов, Хаджи Абу-Бакар, Мухаммед ибн Ихаку. Тиндинцы – Мухаммед, Динга, Мухаммед бин Хаджияв, Анджулав и Мухаммад б. Исмаил; анчихцы – Хинтыр, Исмаил и Турач; Мукушилов, Хатул Алилав и кадий селения Хакори (Гаквари – авт.) Шамхал ал-Арчи. Исал Алим Кади и другие»¹.

Этот документ представляет большой интерес. Здесь идет речь не только о военно-политическом союзе двух самостоятельных обществ, но и о судьбе селений общества Ункратль – Кеди, Саситль, Сильди и Гако. Эти селения образовались в период исламизации общества Ункратль выходцами из Аварии. И из контекста ясно, что ранее эти земли в качестве пастбищных угодий принадлежали каралалцам и тиндинцам.

Аналогичные договоры каралалцы заключали с андийцами, багулалами и другими соседями. Например, такие клятвенные договоры заключались и в ходе Кавказской войны. 4 марта 1838 г. командующий отдельным кавказским корпусом барон Г.В. Розен сообщил военному министру Чернышеву следующее: «Кадий араканский и унцукульский Койсубулинского общества в письмах своих к ген.-м. Клюки фон Ключенау уведомил его, что в последних числах января было собрание из общества Гидатлинского, Карахского, Багульского и Гумбетовского в каралалском селении Карата, и что будто бы на этом собрании, как и на прежних, совещались о том, как им по открытии весны действовать против нас и в особенности Хунзахского гарнизона»². В том же году Розен сообщил Чернышеву, что жители этих обществ на общем собрании «клятвенно обязались, если летом сего года не будут оставлены нашими войсками горы, единодушно действовать против нас и, кто не явится из этих обществ, то подвергнуть штрафу. В собрании сем общим мнением положили:

1. Русским не делать никакого пособия.

2. Кто же после такового положения будет оные делать, наказывать смертью»³.

Итак, каралалцы в борьбе с Хунзахским ханством и царизмом оказывали военную помощь другим обществам и даже селениям, входившим в состав Хунзахского ханства, в частности тукитинцам. В продолжительной борьбе за пастбищную гору Чарумеэр между ханом

и тукитинцами последние одержали верх¹. Тукитинцев в этой борьбе поддерживали каралалцы. Таким образом, между обществами региона строились взаимоотношения на основе договоров, скрепленных клятвой, за нарушение которой виновное общество должно было платить установленное договором количество скота другой стороне.

Общество Каралал в данном регионе пользовалось авторитетом. Хунзахские ханы, прекратив распри с каралалцами, нашли в них посредников в решении своих вопросов. Так, в 1713 г. один из хунзахских ханов, Магомед-нуцал, обратился к каратинцам и аварам (видимо, к населению селений Ингердах, Местерух, Цолода) с письмом, уведомлявшим о том, что тукитинцы не построили дорогу, в которой хан заинтересован, в положенный срок. «Поэтому, – пишет Магомед-Нуцал, – я отозвал своих заложников из Тукиты»². Было и повторное письмо Магомед-нуцала каралалцам с жалобой на тукитинцев, в котором он писал: «Селения Кор и Тукал нам изменили. Они отказались от своего обещания построить дорогу для мусульман, как положено по адату. Если это так, то Тукал должны отпустить человека (заложника) по имени Михитили во избежание между ними вражды и усобицы»³. Хан хунзахский, имея своих заложников в Тукита, хотел таким образом урегулировать этот вопрос через каралалцев.

О независимости каралалцев от хунзахского нуцала свидетельствуют нарративные источники. В списке селений раятов Нуцал-хана, которые ему платили *харадж* и *магало*, перечислены многие селения Аварии, Чечни и Тушетии, но каралалцы отсутствуют⁴. Из этого региона названы селения Цолода, Ингердах, Местерух, Тукита и все ахвахцы. Каралалцы не перечислены также в перечне селений, плативших подати Умма-хану Аварскому, за исключением селения Нижнее Энхело, которое должно было платить 40 мерок виноградного сока и 10 мерок соли⁵. Иначе говоря, на протяжении XVI-XVIII вв. каралалцы сохраняли свою самостоятельность, играли важную политическую роль в данном регионе и, как показывают документы, хунзахским ханам приходилось с ними считаться.

Вместе с другими дагестанцами каралалцы, можно считать, принимали активное участие в борьбе с шахским Ираном и Османской Турцией, предпринимавшими попытки завоевать и подчинить

¹ Документ на арабском языке с переводом любезно предоставлен нам канд. ист. наук, доцентом Г.М. Айтберовым.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни (пер. пол. XIX в.) / Под редакцией С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Ч. 3. С. 388.

³ Там же.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX веков. Махачкала, 1957. С. 111.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 150.

Закавказье и Дагестан. Как известно, уже в XVI в. Грузия становится ареной разорительных и грабительских войн. Однако малочисленные силы отдельных грузинских княжеств не могли противостоять военной мощи Ирана и Турции, которых к тому же поддерживали их сторонники в Грузии. В такой ситуации противники агрессоров прибегали к помощи горцев Кавказа. Активно в эту борьбу включились и общества Западного Дагестана, которые издревле были экономически связаны с Грузией. В источниках нет сведений, конкретно указывающих на те или иные горские общества, принимавшие участие в борьбе против захватчиков. В основном встречаются собирательные названия горцев – «леки», «лезгины». Что же касается феодальных владетелей Дагестана, то они в большинстве своем, получая щедрые дары от шахов Ирана и султанов Турции, оставались нейтральными¹. За помощью к горцам обращались не только отдельные князья, но и цари Грузии, стремившиеся освободиться от иноземного гнета². Так, например, имеретинский царь Соломон в мае 1769 г. «преодолевал с небольшим числом войска, состоявшего из природных его подданных и из наемных лезгинцев, великие турецкие силы...»³. В документах подчеркивается, что имеретинский царь кроме природных имеретинцев нанимал всегда за деньги военных людей, «лезгинцев» и «осетинцев», до 40 тыс. и более⁴.

Аналогично поступали цари Картли и Кахетии. Они неоднократно обращались к горцам Дагестана за поддержкой и в междоусобной борьбе. Так поступил картлийский царь Гнорги (1692 г.), когда он пригласил горцев для борьбы против мтавара Истима Амилахвари, который сидел в Гори и разорял оттуда Картли⁵.

Когда летом 1738 г. спасалар Ирана Ибрагим-хан и брат Надир-шаха напали на Джары (Джаро-Белоканское общество), на помощь к джарцам и их соседям пришли горцы Западного Дагестана. Они вместе напали на вражеское войско, убили Ибрагим-хана и истребили его войско. С. Чехеидзе по этому поводу сообщал, что «лезгинцы гнали за ними и истребляли безжалостно до Алазани, потом захватили богатство спасалара и имущество войска»⁶. Необычайно

¹ Вахушети Б. История царства грузинского. Тбилиси, 1976. С. 84.

² См.: Умаханов М.-С. К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX веков (политический аспект). Махачкала, 2007. С. 209.

³ Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т.1 С. 40.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Вахушети Б. История царства грузинского. С. 84.

⁶ Чехеидзе С. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магомедан. Тифлис, 1849. С. 48.

мобильные и бесстрашные отряды горцев Дагестана наносили большой урон иноземным захватчикам. «Посылаемые против них (дагестанцев – авт.) отряды (персов – авт.) претерпевали одни только поражения, – пишет А. Неверовский, – которые навели такой страх, что говорят, будто-бы существует на персидском языке поговорка: «Если шах глуп, то пусть пойдет войною на лезгинов»¹. Еще шах Аббас II, вследствие частых опустошений, производимых «лезгинами», был вынужден предложить им ежегодную плату в сумме 1700 туманов.

Подобные факты, свидетельствующие о совместной борьбе горцев против иноземных завоевателей, имеются в немалом количестве. Вместе с тем, они принимали участие и в междоусобных столкновениях, происходивших в Грузии (Кахетии, Картли). Достаточно сказать, что лишь в 30-40-х гг. XVIII в. на территорию Грузии по приглашению местных противоборствующих сторон часто вторгались ополчения из Горного Дагестана, «состав коих исчислялся в 300, 700, 800, 1200 человек»².

В этих походах активное участие принимали и каралалцы, позже возглавляемые Уммаханом Аварским. Хайдарбек Геничутлинский приводит имена наиболее храбрых воинов – участников похода. «К названной категории людей принадлежали и совершенные во всех отношениях каратинские герои, борцы за веру Гари, Ша'и и Али. Во время кровопролитных сражений эти каратинцы стояли в первом ряду и дрались, всегда готовые к единоборству. В боях они подобны львам, у них был какой-то особый стиль»³. Видимо здесь речь идет о предводителях каралалских отрядов, которые в трудное время выставляли до 1500 воинов.

Традиционные дружественные торгово-экономические и политические отношения горцев Дагестана с Грузией заметно изменились с 1801 г., когда Грузия была присоединена к России. С этого времени Россия объявила торгово-экономическую блокаду горцам Дагестана, которым было запрещено иметь экономические связи с Грузией. Таким образом, были нарушены традиционные торговые отношения горцев с Закавказьем, активную роль в которых играли и каралалцы. Неоднократные их обращения к русскому командованию с просьбами о дозволении им вести торговлю в Грузии оставались без внимания.

¹ Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 9.

² Гамрекли В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дис. ... докт. исг. наук. Тбилиси, 1972. С. 98.

³ Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992. С. 56.

Больше всего от блокады страдали жители Западного Дагестана, которые стремились разрешить эти противоречия мирным путем. Их поверенные, посыльные неоднократно обещали принять подданство России, жить мирно и даже защищать северные границы империи. Но невыполнение и нарушение обещаний со стороны горцев в этот период было обычным явлением. Видимо, поэтому русское командование с недоверием относилось к их обещаниям, взаимное недоверие друг к другу обостряло отношения. Это было одной из причин организации горцами Западного Дагестана, в том числе общества Каралал, с начала XIX в. совместных походов в Грузию.

Так, в июле 1806 г. каралалцы, богосцы, годоберинцы и др., в количестве 1000 чел., сосредоточились на границе с Грузией с целью напасть на последнюю, но дидойцы сообщили об этом русскому командованию, которое успело принять меры по укреплению границы. Однако горцы через несколько дней повторно собрались и во главе с каратинским старшиной Курбаном и богосским Денгой напали на с. Напараули и разорили его¹. Естественно, горцы прекрасно понимали безвыходность своего положения и всячески искали мирные пути регулирования взаимоотношений с царским командованием. С этой целью общества уполномочивали своих старшин вести переговоры с русскими. Старшины сельских обществ были заинтересованы в этом, так как получали от командования щедрые награды и жалованье за прорусскую ориентацию. Поэтому старшины часто обращались к русским с просьбой о принятии их помощи войсками и с обещаниями обеспечить мир в своих обществах.

Летом 1809 г. к русским на Кавказе прибыл Гитинав Сагитов и объявил, что он уполномочен от обществ Шодрода, Ансалта просить о вступлении в подданство России. Далее он объявил, что если начальству будет угодно, то каратинский старшина Курбий (Курбан) и он сам окажут русским помощь и помогут привести лезгинское войско². В свою очередь, русское командование, заинтересованное во вхождении независимых обществ Западного Дагестана, в том числе Каралала, в состав России, действовало через посредничество Султан-Ахмед-Хана Аварского. Последний многократно был отмечен от имени императора за верную службу России. Султан-Ахмед-Хан пользовался уважением в обществах Западного Дагестана, и поэтому отдельные старшины поддавались его уговорам. В одном из писем Султан-Ахмед-Хана главнокомандующему на Кавказе А.И. Тормасову за 1810 г. говорится: «Я стараюсь увеличить число тех, которые вступа-

ют в подданство высокой Российской Державы... пребываем готовыми к Вашим услугам»¹. В ответном письме А.П. Тормасов пишет, что «для приведения жителей каратских, болхольских, каралалских, тондольских и прочих, от коих находятся здесь аманьты, к присяге на верность подданства требуйте от их старшин и духовных лиц, и наконец, за обещание употребить все старания к приведению прочих дагестанских народов в подданство Российской империи, я признательно Вас благодарю»².

Надо сказать, что переговоры имели определенные успехи, тем более, что сам Курбан Каратинский неоднократно обращался с просьбой о принятии жителей общества Каралал в Российское подданство. Впоследствии сам каратинский старшина стал посредником между русскими и отдельными обществами в урегулировании их взаимоотношений. Так, в 1812 г., в своем письме к ген. Ртищеву Курбан Каратинский выступал в роли защитника общества Шаитль. Он писал: «... общество Мешхик (Шаитль), имеющее ополчение в Иланхеви, объявило мне, что оно желает вступить в подданство высокой Российской державы и будет в числе тех, которые исполняют ваши веления». Далее он сообщает, что люди Зунтела (цунтинцы) наущничают против них, приписывают им ложь, не желают, чтобы это общество вступило в подданство России³. По просьбе Курбана Каратинского главнокомандующий на Кавказе Н.Ф. Ртищев дает разрешение жителям других обществ свободно спускаться в Грузию по торговым делам. Так, в июне 1812 г. Курбан обращается с просьбой разрешить жителям общества Хуштада свободный проезд в Закавказье. В частности в письме говорится: «Общество Хуштада, вступившее уже в подданство Государя, желает отправить людей в г. Тифлис для торговли и для свободного и безопасного хождения по базарам с промышленными целями. А потому я посылаю их вместе с моими людьми, как старшина Хаджи-Муса»⁴.

Здесь обращает на себя внимание мудрость и дальновидность Курбана Каратинского. Он одним из первых в этом регионе понял необходимости установления дипломатических и отношений с Россией для достижения мира и жизненно необходимых торгово-экономических связей с Закавказьем. Принятие подданства России, впрочем, мало к чему обязывало общества Дагестана. Единственное, что требовал этот акт, это обеспечение мирного сосуществования. В

¹ ЦГИА Республики Грузия. Ф. 16. Оп. 1. Д. 406. Л. 14 – 16.

² Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 187.

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. // Сб. док. М., 1988. С. 20.

² Там же. С. 291.

³ Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (АКАК) Т. V. С. 613.

⁴ Русско-дагестанские отношения. С. 301.

одном из писем Курбан Каратинский пишет А.Ф. Ртищеву: «Мое желание состоит в том, чтобы воинство нашего великого Государя было всегда победоносно, служило защитой земель и имущества обитателей деревень. Затем извещаю вас, что я вместе с моим обществом пребываю в подданстве в.п. с тех пор, как между мною и вами заключен мир, и с моей стороны не было никакой измены ни в отношении ваших людей, ни в отношении ваших подданных. Отныне и впредь остаюсь верным в подданстве и вашим союзником тайно и явно, пока буду жив»¹.

Выше мы говорили о важности торгово-экономических связей с Грузией для жителей обществ Западного Дагестана, носивших традиционный характер. Действительно, в начальный период, напуганные блокадой, обитатели этого региона были настроены воинственно и организовывали нападения на Грузию. Видимо к этому периоду относятся те действия Курбана, которые были направлены против царизма. Он даже выступил главным организатором военных походов в Грузию в нач. XIX в. Так, например, он пишет джамаату Андии: «Прошу вас участвовать со мною в этом походе»². Но в последствии русское командование в виде поощрения разрешило отдельным мирным обществам восстановить торговые связи с Грузией, что, естественно, изменило отношение горцев к политике царизма. Важность этого вопроса прекрасно понимал и Курбан Каратинский. В своем сопроводительном письме к Ртищеву он просит оказать содействие в вопросе «благополучного возвращения их (купцов – авт.), – ибо это поощрит жителей других деревень к покорности Вам и жителей других городов ко вступлению в подданство великого Государя»³.

По переписке видно, что между Курбаном Каратинским и Н.Ф. Ртищевым установились довольно теплые и доброжелательные отношения личного характера. Ртищев пишет ему: «... В знак моего к тебе благорасположения и признательности к твоему усердию при сем к тебе 100 руб. и 1 беличий мех, так как в горах бывает холод и по старости лет твоих для здоровья, в коем я беру участие, нужно тебе иметь теплое одеяние. Исполняя с охотой просьбу о сыне, находящимся здесь в аманатах, я отпустил его отсель, снабдив на дорогу нужным содержанием, ровно как и племянника твоего Хаджи-Мусу. Затем, пожелав тебе здоровья и многих радостей, остаюсь тебе усердный и доброжелательный»⁴. Вместо сына Курбана в аманаты был

принят его внук. Как известно, по обычаю тех времен, после принятия того или иного общества в Российское подданство, оно обязательно давало аманатов (заложников) из лучших семейств. Ртищев обещал содержать внука Курбана в «лучшем положении»¹.

Дальнейшую судьбу Курбана Каратинского по документам не возможно установить. После 1812 г. его имя, как руководителя общества, в документах не упоминается. Однако, в Центральном государственном историческом архиве Грузии обнаружены интересные документы, а именно поздравительные письма Курбана на имя ген.-фельдмаршала Паскевича, наместника на Кавказе в 1827-1830 гг.²

Полагаем что, биография видного ученого-арабиста, дипломата и предводителя общества должна быть тщательно исследована. Есть все основания считать, что он долгое время был неизменным предводителем Каратинского сельского общества еще с конца XVIII в. С 1815 г. отношения жителей обществ Западного Дагестана, в том числе каралалцев, с Россией вновь обострились, основной причиной этому послужило сокрытие царевича Александра³, наследника престола Грузии, горцами Дагестана. На неоднократное требование русского командования в выдаче его, горцы отвечали отказом. Тем временем, царевич Александр в горах Западного Дагестана собрал многочисленное войско для нападения на Грузию. В рапорте ген. М. Дельпоцо главнокомандующему Ртищеву от 1 июня 1815 г. сообщает следующее: «Известно, что царевич Александр собрал более семи тысяч вольных лезгин для нападения на Грузию»⁴. Кроме того, после заключения Гюлистанского мирного договора (1813 г.) Россия освободилась от русско-персидской (1804-1813 гг.) и русско-турецкой (1806-1816 гг.) войн, взялась за планомерное завоевание Кавказа. Особо в этом усердствовал ген. Ермолов, который непрестанно просил у императора Александра I разрешения увеличить количество войск для покорения горцев Дагестана⁵.

Жесткие карательные меры, применяемые царскими генералами, феодальный гнет местной верхушки, пользовавшейся финансовой и прямой военной поддержкой царизма, привели к тому, что отдельные общества стали открыто выступать против колониальной политики царизма. По указу военных чинов конфисковывался товар гор-

¹ Там же.

² ЦГИА Республики Грузия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. С. 2035.

³ Александр, сын Ираклия II, в нач. XIX в. бежал из Грузии, и после долгих скитаний нашел приют среди союза сельских общин Западного Дагестана.

⁴ ЦГИА Республики Грузия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 471. Л. 94.

⁵ ДФСВК. С. 23-28.

¹ Русско-дагестанские отношения. С. 302.

² Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1975. С. 214.

³ АКАК. Т.V. С. 301.

цев, предназначенный для продажи на кавказских рынках. По всему Закавказскому краю действовало строгое распоряжение арестовывать и сажать в тюрьму горцев Дагестана, пытающихся торговать с Закавказьем без специального разрешения¹. Так, в октябре и ноябре 1819 г. был задержан и конфискован товар, следовавший из Западного Дагестана в Грузию. За этот период было арестовано 63 человека, сопровождавших караваны². В своем рапорте комендант Телави капитан Петерс сообщает командующему войсками в Грузии ген.-л. Вельяминову следующее: «Вследствие предписания в.п. за № 2098 сим честь имею донести, что за проданные в гор. Телаве товары, арестованных у андийских лезгин, выручено денег, а именно: за 21 лошадь – 236 руб. 20 коп., за 346 бурок – 542 руб. 90 к., прочие вещи, значащиеся в имеющемся при деле реестре, все состоят в целости непроданными»³.

Подобные действия со стороны царских наместников привели к тому, что отдельные общества стали объединяться и выступать против царизма. Каралалцы совместно с богосцами и андийцами неоднократно нарушали спокойствие Грузии⁴.

Уже к концу 20-х годов XIX в. во внутренних обществах началась освободительная борьба против колонизаторской политики царизма⁵. Предводителем этой борьбы стал Гази-Мухаммед из сел. Гимры, человек из небольшого и невлиятельного рода⁶. «Сей аллим, – сообщает Муххамед Тахир ал-Карахи, – собрал вокруг себя народ и стал просвещать его в богоугодных делах. Он потребовал изъятия из жизненного обихода адатов и замены их шариатом»⁷.

Гази-Мухаммед обратился ко всем этим обществам с воззванием, где он призывал к защите божьей веры от безбожников и грешников. В противном случае шариатисты обещали разорить непослушных и изгнать их из родных аулов. Кроме того, Гази-Мухаммед и его сторонники призывали жителей обществ к борьбе против царизма⁸. Угрозы Гази-Мухаммеда оказали большое влияние на горцев, среди них все больше нарастало антирусское настроение. Уже к началу 30-х годов под его влияние попали многие общества горного Дагестана.

¹ ДГСВК. С. 7.

² ЦИАР Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 903. Л. 17-21.

³ Там же. Д. 746. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 1311. Л. 7.

⁵ См.: Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: Сб. документов. М., 2005.

⁶ См.: Абдурахман из Галикумуха. Книга воспоминаний. Под ред. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Пер. с араб. М.-С. Саидова. Махачкала, 1997. С. 28-39.

⁷ Мухаммед Тахир. Три имама. Махачкала, 1990. С. 4.

⁸ Там же

В марте 1830 г. военно-окружной начальник в Дагестане сообщил Паскевичу о том, что «Кази-магомед поселял в народе новую секту, успел склонить к принятию оной под присягою гумбетовцев, салаватовцев, койсубулинцев и многие деревни Мехтулинского и Шамхальского владений»¹. Под его влиянием оказались также некоторые внутренние общества Западного Дагестана, в том числе Каралал².

Каралалцы в числе прочих поддержали кандидатуру Гамзат-Бека на должность нового имама и принимали активное участие в освободительной борьбе. В связи с этим хунзахцы, ярые противники Гамзат-Бека, выразили недовольство позицией каралалцев и от имени кадиев, алимов, знатных и простых людей Хунзаха написали письмо, упрекая их в поддержке Гамзат-Бека. «Мы очень удивлены, – пишут они, – тем, что вы способствовали претендующему на имамство и признали его владыкой над собой и своим имуществом, содействовали также в назначении кадиев, хотя мудростью бога вы созданы свободными»³.

К концу 1833 г. койсубулинцы, гумбетовцы, андийцы и другие общества по Аварскому и Андийскому Койсу, за исключением андалальцев, перешли на сторону Гамзат-Бека⁴. «В этом же году Гамзат, возвращаясь из Ругуджа, направился в такие города, – пишет Хайдарбек, – как Тилитль, Батлук, Карата, а также к тем, кто поддерживал его. Жители этих городов, подчинившись имаму, вошли в число его поданных»⁵. С этого момента каралалцы становятся активными участниками освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа. Так, в июне 1837 г. они приняли участие в штурме аула Ашильта. На помощь защитникам резиденции имама прибыла огромная партия восставших из обществ Западного Дагестана: Тинди, Каралал, Багулал, Технуцал и другие, что заставило отступить русских в Шуру⁶. Они принимали участие во всех крупных сражениях, а Карата становится неофициальным центром имама Шамиля. Так, например, в 1837 г. ассинцы (Ратлу-Ахвах) отказались принять Шамиля с его мюридами, и он пришел в Карата, и расположился в местности Зониб. В течение 20 дней он собрал войско из соседних обществ и направился в

¹ ДГСВК. С. 63.

² Там же.

³ Там же. С. 133.

⁴ РФ ИИАЭ. Д. 1669. Л. 177.

⁵ Хайдарбек Геничуглинский. Историко-биографические и исторические очерки / Пер. Т. Айтберова. Махачкала, 1992. С. 68.

⁶ Донесение Головина с кратким обзорением военных действий на Кавказе в продолжении 1838 и 1839 гг. // Кавказский сборник. Т. 32. С. 369 – 370.

Тилитль, где защитники потерпели поражение, и Шамиль вынужден был идти на переговоры с ген.-л. Фези¹. «Карата являлась центром, – пишет князь Баратов, – вроде бы неофициальной резиденцией Шамиля. Здесь собирались наибы и старшины обществ перед походом в Кахетию»². Карата считается важнейшим пунктом Нагорного Дагестана, где соединяются горные пути из Андии, Аварии и Кахетии.

Главные военно-стратегические дороги Дагестана проходили: первая – Карата, через территорию обществ Цунта-Ахвах, Ратлу-Ахвах, Томс, Анцух, Анцросо, Джурмут, Белоканы; вторая – Карата, через Тлиси, Тлибишо, общества Багулал, Тинди, Цунта, Кодорский перевал – в Кахетию; третья, откуда наносили главные удары русские совместно с хунзахцами – Хунзах, Рацитль, Цолода, Карата³. Поэтому командующий ген.-л. Фези предусмотрел строительство дорог от Хунзаха к важнейшим пунктам Нагорного Дагестана. В 1837 г. он предпринял решение строить дорогу к сел. Карата, главному пункту в обществе Каралал. Шамиль тоже прекрасно понимал стратегическую значимость Караты и поэтому сделал её неофициальным своим центром. Надо отметить, что на протяжении Кавказской войны Карата и жители общества Каралал оставались надежной опорой Шамиля. Правда, бывали случаи, когда каралалцы и другие преданные Шамилю общества обращались к русскому командованию с изъявлением покорности. Так было в 1837 году после сражения под сел. Ашильта. В документе говорится: «Общества багулальцев, ахвахцев и каралалцев, участвовавшие в сражении под Ашильтой, узнав о возвращении войск в Аварию, прислали в Хунзах старшин с изъявлением готовности покориться и с просьбой, чтобы Ахмет-хан Мехтулинский прибыл на границу Аварии для посредничества между ними и означенными обществами»⁴. Переговоры начались на границе каралалского общества, но оказались безуспешными. Им помешал прибывший к каралалцам Алибек, наиб Шамиля, который уговорил последних отказаться от этого акта. Не добившись успеха в переговорах, отряд под начальством ген.-л. Фези прибыл в Аварию и расположился на западной ее границе, на хребте Толохари, близ сел. Ингердах, дабы удобнее было наблюдать за обществами, «обитающими между Кахетией и Аварией и по возможности препятствовать соединению их с Шами-

лем»¹. В августе 1838 г. ген.-л. Фези предпринял поход против непокорных обществ. Преданные Шамилю общества собрали отряды и сосредоточили свои силы за хребтом Тала-Кори у сел. Карата. «Горцы 6-го и 7-го августа атаковали ген.-л. Фези, и он вынужден был вернуться в Хунзах»². Согласно преданию, здесь погибло много мюридов из сел. Верхнее Инхело и других селений Каралалского общества. Все эти действия не помешали каралалцам принять участие в сражениях в сел. Аргвани, а затем и в Ахульго. В 1839 г. в Аргвани были сосредоточены главные силы Шамиля. Ген.-л. Грабе двинулся к аулу Аргвани, где Шамиль занял позицию со «скопищем», составленным из воинов обществ Гумбет, Анди, Чебирлой, Койсубули, Багулал, Каралал, Гидатль, Чамалал и др., в количестве 10 тыс. человек³. 30 мая Шамиль встретил главные силы русских. Первая атака русских, стоившая им много крови, была неудачной⁴. 31 мая войска снова пошли на приступ с трех сторон, овладели башнями и завалами. В этом двухдневном бою число убитых и раненных составило 695 человек. Потери Шамиля составили 400 чел⁵. Шамиль вынужден был отступить к селению Чирката, а затем в Ахульго. Из Чиркаты Шамиль отправил Ахверди-Магомед и Галбац-Дибир в общества, расположенные в левобережье Андийского Койсу для сбора ополчения. Галбац-Дибир с ополченцами успел вернуться в Ахульго до подхода вражеских сил⁶. В конце 1839 г., после падения Ахульго, Шамиль скрылся в Чечне. Кавказское командование, считая взятие Ахульго концом борьбы горцев, стало вводить в Чечне и Дагестане полицейскую систему управления. Горцы Дагестана и Чечни были обложены обременительной податью. По словам С. Эсадзе, «введение нового порядка управления усиливало всеобщее недовольство»⁷. Шамиль умело воспользовался создавшейся обстановкой. Как отмечает в своей докладной записке ген.-л. Пулло, весной 1840 г. положение края внезапно изменилось: Шамиль явился в Чечню, одно племя за другим стали под его знамена, и в первой половине марта часть аулов Большой и Малой Чечни и ичкерийцы открыто восстали против правительства⁸.

Не лучше обстояли дела царских войск и в обществах Дагестана. Не все горцы допускали к себе русских приставов, назначаемых

¹ ДГСВК. С. 168.

² Баратов. Описание нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 г. Тифлис. 1876. Т. I. С. 30.

³ Отношение барона Розена к ген.-адъют. Адлерберу от 25 сентября 1837 г. // АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 620.

⁴ ДГСВК. С. 170.

¹ ДГСВК. С. 184.

² Там же. 282.

³ АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 287.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 330.

⁶ Ибрагимов М. Имам Шамиль. М. 1991. С. 186.

⁷ Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1909. С. 109.

⁸ ДГСВК. С. 286.

командованием, ибо условия, предписываемые покоряющимся горцам, не удовлетворяли их. Согласно этим условиям, горцы должны были беспрекословно выполнять все требования пристава. Вот некоторые из них: исполнять все требования и приказания русского пристава, который будет назначен правительством; по требованию пристава выставлять арбы или ослов для перевозки тяжестей; в случае движения отряда выделять людей для устройства дорог и мостов; содержать при приставе достаточное число людей для перевозки бумаг; не переходить из одного аула в другой для постоянного жительства без дозволения местного начальства. Согласно предписанию, каждое селение имело право избирать свою администрацию, но с условием обязательного исполнения ею всех приказаний пристава. А в заключительном пункте сказано, что за неисполнение сих условий горцы подвергаются штрафам и арестам, вплоть до высылки в Сибирь¹.

Естественно, условия эти противоречили духу горцев, их общественно-политической структуре и задевали морально-этические основы их жизни. Да и какое нормальное общество добровольно приняло бы подобный полицейский режим? Поэтому большинство обществ Нагорного Дагестана не приняло его и не допустило к себе русских приставов. В обзоре о политическом состоянии Кавказа в 1840 г., касательно обществ Ахвах, Анды, Богос, Багулал, Каралал и др. говорится, что они имеют свое управление по обычаям и совершенно не покорны². Безусловно, командование в свою очередь принимало контрмеры против непокорных обществ. Так, например, андийцам категорически было запрещено торговать своими бурками даже внутри Дагестана, пока они не примут пристава, не предоставят аманатов и не исполнят все требования начальника левого фланга Линии³. Аналогично поступало русское командование и с другими непокорными обществами. Все эти меры еще более обостряли и без того натянутые отношения между горцами и русским командованием.

Более того, горцы были уже уведомлены о событиях в Чечне под руководством Шамиля, где развивалось всеобщее восстание. Шамиль рассылал письма отдельным предводителям обществ Дагестана с призывом продолжить борьбу против царизма. К середине 40-х годов Шамиль, укрепившись в Чечне, перекинул военные действия в Дагестан. Горские общества одно за другим переходили на сторону Шамиля. С начала 40-х годов каралалцы вновь вступают в борьбу против колонизаторов и становятся надежными сторонниками имама Шамиля. Общество Каралал с центром в с. Карата уже до конца осво-

бодительной борьбы становится местом, где собирались не только отряды отдельных союзов сельских общин, но и стекалось все войско имамата для военных действий в Закавказье. Сюда Шамиль высылал особо ненадежных представителей отдельных обществ. Так, например, за тайные связи с русскими Шамиль в виде наказания андийского кадия отправил в Карату. В обзоре «О бедственном положении дел в Северном и Нагорном Дагестане» говорится, что в Андии Шамиль казнил Бай-Сулеймана, знатного, богатого андийца, сменил и оштрафовал главного кадия за тайное расположение их к русским, выслал последнего в Карату¹. Данный факт, изложенный в сборнике документов, представляет собой интерес, так как он связан с именем каратинского наиба Галбац-Дибера, хотя его здесь и не упоминают. Мухаммед-Тагир Карахи убийство Байсулава связывает с совершенно другими событиями. В июне 1841 г. Шамиль, узнав о наступлении русского отряда в направлении Ауха, послал навстречу мюридов во главе своих наибов Галбац-Дибера и Гехула Андийского. «Скоро он (Шамиль) заметил, – пишет Карахи, – что мюриды бегут в беспорядке и без оглядки. Шамилю доложили, что мюриды отступают по приказанию своих наибов. За это дело наибы были смещены со своих должностей»². Байсулав узнал об этом и уговаривал мюридов требовать от Шамиля восстановления Галбац-Дибера на должность наиба. С этим требованием Байсулав прибыл в Дарго, где он и был убит³.

Согласно сведениям того же автора, в Карату для приема наибства, общественных сумм и имущества от Галбац-Дибера был послан Яхья из Чиркея. Как сообщает ал Карахи, Галбац-Дибера там не оказалось, он убежал оттуда с общественной казной. Каратинцы сообщили Яхье, что Галбац-Дибир давно готовится к борьбе с Шамилем и написал воззвание к Гидатлинскому обществу⁴. М. Ибрагимова в своем историческом романе по другому освещает этот вопрос. Следует сказать, что роман написан на основе подлинных документов, извлеченных автором из архивохранилищ страны, исторических музеев, письменных источников и множества мемуаров. Поэтому приведенный ею материал представляет большую ценность.

По поводу убийства Байсулава и смещения Галбац-Дибера с должности она пишет, что в 1841 г., во время сражения в Чиркее, на помощь Шамилю спешили андийцы, но каратинский наиб Галбац и его андийский помощник Байсулав повернули их обратно. Так передал Шамилю старшина андийцев. Доложил о случившемся на совете ученых наибов, он издал приказ о смещении Галбаца и Байсулава и

¹ ДГСВК. С. 263 – 264

² Там же. С. 238.

³ Там же. С. 241.

¹ ДГСВК. С. 312.

² Мухаммед-Тагир ал Карахи. Указ. соч. С. 58.

³ Там же.

⁴ Мухаммед-Тагир ал Карахи. Указ. соч. С. 58.

отправил их в Карату. Байсулав, сторонник Галбаца, пришел в Дарго для выяснения отношений, где один из муртазагетов, по имени Осман, пронзил его грудь кинжалом¹. Далее автор сообщает, что после этих событий наибом Караты был назначен Газияв Андийский². Таким образом перед нами три версии. Во всех трех подтверждается убийство Байсулава, в двух из них говорится о смещении Галбац-Дибера. Хронологически события во всех трех вариантах совпадают (1841 г.). Согласно утверждению ал Карахи, Галбац-Дибир вообще убежал с казной из Караты. В таком случае он должен был скрываться или перейти на сторону русских. Однако в последующие годы мы встречаем Галбац-Дибера в том же ранге в самых горячих точках рядом с имамом. Так, например, в 1842 г. он со своим отрядом сыграл решающую роль при осаде и взятии аула Харачой. В качестве наиба он принял участие также в Хунзахской битве³. А в марте 1843 г. все общества, расположенные от Анди до Казикумухского ханства, признающие власть Шамиля, официально были разделены им на шесть наибств. В обществе Каралал наибом был назначен Гадбац-Дибир⁴. Надо отметить, что Каратинское наибство не ограничивалось сугубо обществом Каралал. В состав данной административно-территориальной единицы Имамата в этот период входили багулалы, чамалалы, ахвахцы, союзы сельских обществ, расположенные на правом берегу Андийского Койсу⁵. Наиб Галбац-Дибир пользовался популярностью в Имамате, и Шамиль относился к нему с огромным уважением. «Среди наиболее выдающихся наибов в 40-х годах, – пишет Р.М. Магомедов, – назван также каратинский Галбац-Дибир»⁶. Хайдарбек со слов очевидца событий пишет, что в числе храбрых наибов был кадий каралалцев Галбац – набожный ученый, «подобный рыкающему льву», возглавлявший отряд каралалцев⁷. Этому свидетельствует также сообщение А. Руновского. Он в своих «Записках», видимо, со слов Шамиля или его приближенных, пишет: «Лет двадцать тому назад Шамиль очень опасно заболел и с целью обеспечить страну на случай своей смерти созвал свой Государственный Совет. На Совете было определено: наследником имамской власти, согласно предложению Шамиля, признать Гази-Магомеда, имевшего тогда

¹ Ибрагимов М. Указ. соч. С. 247.

² Там же. С. 175.

³ Ибрагимов М. Указ. соч. С. 322.

⁴ ДГСВК. С. 381.

⁵ См.: Дадаев Ю.И. Государство Шамиля: Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Махачкала, 2006. С. 224.

⁶ Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. С. 96.

⁷ Хайдарбек Геничутлинский. Указ. соч. С. 92.

семь или восемь лет от роду, а на время его несовершеннолетия назначить регентом известного Албац-Дибера (Галбац-Дибера)»¹. По всей вероятности, Совет был созван в 1842 г.

В 1845 г. все наибства данного региона подчинились Галбац-Дибери. 10 октября 1845 г. Шамиль пишет Галбац-Дидиру письмо следующего содержания: «От Эмира правоверных Шамиля к славному мюриду Галбацу. Вечный привет. А затем. Мы решили созвать в Аварии съезд наибов, алимов, лучших и благочестивых людей для решения важных вопросов. Тебе привести с собой наибов и ученых своего вилайета»². В том же году Шамиль пишет строгое письмо кадию андийскому, чтобы тот прислушался и подчинился приказаниям «нашего доверенного наиба Галбаца, являющегося нашим наибом в обществах вплоть до Мусук (Чечня)»³.

В апреле 1846 г. каралалцы под водительством наиба Галбац-Дибера приняли участие в кабардинском походе имама. Дальнейшая судьба Галбац Дибера, как наиба, остается неизвестной. Согласно устной традиции, они с имамом поссорились из-за дочери Шамиля. Последний в свое время обещал выдать Патимат за сына Галбац-Дибера, но, по настоянию жены Шамиля Загидат, ее выдали за Абдурахима, сына Джамалутдина. Возможно, это стало причиной разрыва отношений между ними. Об этом же пишет, хорошо знавший семейные дела Шамиля, А. Руновский: «Шамиль обещал выдать свою дочь за сына уважаемого в Дагестане наиба Албац-Дибера. А другую, Написат, за сына Кебет-Магомы. Однако по настоянию Загидат обеих выдали за сыновей Джамалутдина»⁴. Оскорбленные наибы поклялись отомстить за свою обиду и во время последних событий на Кавказе сдержали эту клятву⁵. После Галбац-Дибера наибом каралалцев стал Турач, который погиб в крупном сражении в Шали, где обе противоборствующие стороны понесли потери. «В 1850 г., – пишет ал-Карахи, – при битве в Шали погиб Каратинский наиб Турач; Шамиль завел разговор с учеными о назначении на место покойного сына своего Гази-Мухаммеда»⁶.

Каралалцы в начале проявили недовольство назначением Гази-Магомеда наибом этого общества, поскольку здесь было много известных всему Дагестану людей, заслуживающих этой должности. Однако, поближе узнав Гази-Магомеда и убедившись в его честности, справедливости и отваге, они смирились и поселили наиба в приме-

¹ Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989. С. 155.

² ДГСВК. С. 492.

³ ДГСВК. С. 502.

⁴ Руновский А. Указ. соч. С. 98.

⁵ Там же.

⁶ Руновский А. Указ. соч. С. 94.

четской школе среди ученых, известных во всем крае своей мудростью¹. Свою роль в этом сыграло и обращение Шамиля к каратинцам, где он изложил суть дела. Он писал им, что Гази-Магомед еще молод, а каратинцы являются самой надежной его опорой в этой части Дагестана, и поэтому он дал согласие на назначение сына наибом в обществе Каралал. «Свои наибские обязанности, – пишет ал-Карахи, – он исполнял успешно, добросовестно и справедливо, руководствуясь присущими ему чувствами милосердия, великодушия, мужества и отваги»². Гази-Магомед управлял обществом Каралал до конца освободительной борьбы горцев. За короткий срок своего наибства он приобрел известность среди жителей Западного Дагестана. «Несмотря на очень молодые годы, – пишет А. Руновский. – Гази-Магомед управлял своим наибством с такою уверенностью и тактом, что через несколько лет правители шести соседних с Каратой обществ постепенно обращались к Шамилю с просьбой дозволить им, по причине отдаленности их края от Дарго, обращаться во всем, касающемся гражданского и военного управления, к Гази-Магомеду»³. Просьба эта была удовлетворена Шамилем, и все шесть наибств фактически перешли в полное ведение Гази-Магомеда. Таким образом, Гази-Магомед стал полноправным хозяином данного региона, т.е. он выполнял функцию ставленника имама в этом крае.

В период блистательной эпохи Шамиля все общества Западного Дагестана полностью перешли на сторону имама. Жители каралалского союза сельских общин стали принимать самое активное участие в народно-освободительной борьбе против царизма. Так, 3 марта 1842 года, когда царские войска захватили Голотль и Гоцатль, главные силы Шамиля, куда входили каралалцы, гумбетовцы, ахвахцы, андийцы и др., поспешили на помощь Кебет Магоме, оборонявшему Куядинское ущелье⁴. Благодаря этому опасность вторжения царских войск вглубь гор была ликвидирована. В октябре 1843 г. объединенные силы Шамиля, куда входили каралалцы, штурмом взяли Гергебильскую крепость⁵. В рапорте ген.-м. Клюки фон Клюгенау ген.-адъют. Нейгардту от 18 января 1843 г. сообщается, что Хаджи-Мурат посылал в Карату и во все «окружные к ней деревни», в также в Гидатль послания, чтобы они по его требованию собрались и были готовы для выступления. «Жители означенных обществ, – говорится в рапорте, – охотно изготавливаются к объявленному им сбору»⁶. 21 марта 1845 г.

¹ Там же.

² Там же.

³ Руновский А. Указ. соч. С. 156

⁴ Рапорт ген. Фези ген. Головину // АКАК. Вып. 9. С. 353.

⁵ Там же. С. 365.

⁶ ДГСВК. С. 371.

начальник Чиркеевского отряда полк. Огиевский доносит, что «половинная часть казикумухцев и большая часть акушинцев», желая быть под властью Шамиля, сообщили об этом Даниель-Султану и попросили оказать им помощь. Шамиль, узнав об этом, приказал Даниель-Султану собрать из Каралалского общества 12 тысяч воинов. Он действительно собрал войско и 19 марта направился сначала на Казикумух, а затем на Акушу¹. Естественно, собрать такое количество воинов из одного общества Каралал было невозможно, так как по данным второй половины XIX в. здесь проживало всего 4592 человека. По всей вероятности, войско было собрано и в других обществах Западного Дагестана. С этими силами, на обратном пути из Кази-Кумуха, по приказу Шамиля Даниель-Султан осадил Чох. После десятидневной битвы аул был взят, разгромлен и сожжен. «Пробыв 4 дня в ауле, – пишет ал-Карахи, – мюриды разошлись по домам, похоронив на месте до 300 своих праведников и взяв с собой до 1000 своих раненых»². По всей вероятности, это было крупное сражение, где в основном приняли участие воины из обществ Ахвах, Багулал, Каралал и Чамалал.

Новый главнокомандующий граф М.С. Воронцов получил от Николая I директиву покончить с Шамилем одним решительным ударом, с нанесения его в центр могущества Шамиля, где он утвердился, т.е. в Дарго. С этой целью в мае 1845 г. с 12-ти тысячным отрядом при 46 орудиях и двумя тысячами конницы генерал Воронцов принял Даргинскую экспедицию. Ему удалось покорить андийцев, дойти до деревни Дарго и взять её, правда, уже пустую. По этому поводу генерал Воронцов писал военному министру князю Чернышеву, что были взяты Анди, Гагатль и др. селения андийцев, и серьезная угроза нависла над обществами Каралал и Технуцал, вооруженные силы которых в составе войск Шамиля отступили через хребет Асал в сторону Каралалского общества³.

Однако вскоре царские войска были выбиты из Анди, а затем началось общее их отступление.

Жители данного региона принимали участие во всех крупных сражениях. В 1270 (1854) г., по окончании посевной, согласно приказу имама, наибы Чечни и Дагестана приступили к сбору войск. Местом сбора было назначено местечко Зоно (Зани) в 2-3 км от Караты. Цель и направление похода были строго засекречены. Отсюда имам послал в Закаталы «шпиона-смутьяна» для сообщения тамошним русским властям о наступлении шамильцев с несметными силами для

¹ Там же. С. 495.

² Отношение графа Воронцова к кн. Чернышеву от 19 июля 1845 г. // АКАК. Т. 9.

³ Мухаммед Тагир ал-Карахи. Указ. соч. С. 78 – 79.

расправы. По прибытии в Тинди, имам послал в Кахетию другого шпиона с таким же поручением – смущать и будоражить местную русскую власть¹. Этим самым Шамиль ввел в заблуждение командование в Тифлисе. Воспользовавшись замешательством, Шамиль напал на Кахетию, где его меньше всего ожидали. В этом походе была взята в плен княгиня Чавчавадзе с детьми и прислугой, всех их вскоре обменяли на старшего сына имама Джамалутдина. Через некоторое время Джамалутдин тяжело заболел, и Шамиль в сопровождении Магомед-Шафи и Хаджиява отправил его в Карату. По другим сведениям, Джамалутдин находился в другом населенном пункте под названием Сул-Кади. Когда ему стало плохо, князь Мирский из Хасавюрта по просьбе Шамиля отправил в Карату врача Пиотровского. А. Дюма, описывая его маршрут из Хасавюрта, сообщает: «Сул-Кади был расположен в дневном переходе от Андия»². М. Ибрагимова тоже считает, что Джамалутдин находился в ауле Сул-Кади³. По её мнению Сул-Кади был расположен за Андийским хребтом на расстоянии дневного перехода. При всех наших усилиях, нам не удалось идентифицировать Сул-Кади с каким-нибудь населенным пунктом данного региона. Известно, что Шамиль отправил Джамалутдина именно в Карату, где наибом был Гази-Магомед. В Карате же находится и могила Джамалутдина. Поэтому нам кажется, что под Сул-Кади следует подразумевать аул Карата.

Здесь следует остановиться еще на одной личности, уроженце из Караты Хаджияве (Хаджио). Он был преданным другом имама и работал у него казначеем. Хаджио участвовал во многих боях, отличался храбростью, и в последний день кавказской войны, 25 августа 1859 г., вместе с оставшимися мюридами принял участие в защите последней крепости Шамиля – Гуниба. После взятия Гуниба он добровольно принял плен и первым вызвался сопровождать имама в Россию. Хотя казначей официально не входил в состав Государственного совета Имамата, он постоянно присутствовал во время заседаний, при этом обычно садился поблизости от имама, чтобы по необходимости отвечать на вопросы, касающиеся финансов. В Калуге он стал любимцем аристократической публики. В течение года Хаджио научился говорить по русски, танцевал кадрили⁴. «Хаджио – красавец собою, – пишет И. Захарьин, – белоснежное лицо, обрамленное изящною, небольшою бородкой, черные блестящие глаза и длинные ресницы, строгий профиль, алый рот, жемчужные зубы, среднего роста и боль-

шой физической силы; на нем был шелковый бешмет, дорогого сукна черкеска, редкое оружие – шашка и кинжал»¹.

Правительство не разрешило Хаджияву, казначею Шамиля, выехать с имамом в Мекку. Тогда он решил возвратиться на родину, где вскоре был назначен наибом Ункратльского участка. Вернувшись в Дагестан, Хаджияв рассказал о почестях и внимании, оказанных царем, его приближенным простыми русскими людьми Шамилю во время его пребывания в России, призвал горцев жить с русскими в дружбе. Он хотел искоренить преступность и грабежи на своем участке и в Дагестане, по необходимости и жесткими мерами, чем восстановил против себя жителей Ункратля. Особенно недовольна была молодежь. Согласно устной традиции, джамаат, особенно старики, неоднократно выступали в защиту наиба. Однако молодежь взяла вверх и во время его пребывания в сел. Нижнее Хваршины, дом, где он жил, был окружен разъяренной толпой. Хаджияв защищался мужественно, убил нескольких нападающих, но сам был сражен ударом кинжалов. За это убийство 5 селений – Нижнее и Верхнее Хваршины, Сильди, Гакко, Цихалак – были сожжены, а жители высланы в Ставропольский край². По другим версиям Хаджияв был убит в сел. Сильди³. Наместник Кавказа в 1871 г. сообщал царю, что в Ункратле жители сел. Верхнее Хваршины по случаю взимания податей возмутились, убили своего наиба Хаджиява⁴. Согласно этим же данным, царизм жестоко расправился с жителями этого участка: 1500 человек было выслано из Дагестана, населенные пункты были сожжены. Хаджияв был похоронен в родном ауле Карата. Здесь уместно также привести имена тех каралалцев, которые героически сражались и погибли в разные годы освободительной борьбы. Мухаммед-Тагир ал-Карахи среди почетных и храбрых ученых муалимов, павших при взятии Ахульго, называет и Алихана из Арчо⁵. Согласно устной традиции каратинец Микохаджияв и анчихец Газибалов Дибир на протяжении многих лет были знаменосцами Шамиля. До последних дней борьбы чапаром (посыльным) Шамиля был каратинец Чегерав Умар (Черный Умар). В 1859 г., когда Шамиль, преследуемый русскими, прибыл в Карата, с ним пришли и подданные ему мюриды – каратинцы Тавуш и Хунеш Багадур, героически сражавшиеся в Гунибе. Имена многих героев-каралалцев остаются еще неизвестными. Их, преданных Шамилю и борьбе горцев, должно быть очень много, так как каралалцы до конца борьбы оставались самыми надежными и верными воинами

¹ Там же. С. 98.

² Дюма А. Кавказ. Пер. с франц. Тбилиси, 1988. С. 191.

³ Ибрагимова М. Указ. соч. С. 515.

⁴ Руновский А. Указ. соч. С. 218.

¹ Вестник Европы. СПб. 1898. Вып. 3. С. 617

² Полевой материал, собранный в 1990 г.

³ Там же.

⁴ Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 71.

⁵ Мухаммед-Тагир. Указ. соч. С. 46.

имама. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что когда к концу войны от Шамиля отошли почти все общества (по выражению ал-Карахи «рассеялись по всем селениям»¹), каралалцы оставались верными ему. В июле 1859 г., когда всем уже было понятно, что судьба имама предрешена, он нашел защиту в обществе Карата². Шамиль, покинув с семьей свою последнюю крепость, переехал в сел. Карата. Сюда стекались самые верные соратники имама. В начале августа Шамиль оставил Карату и двинулся в Гуниб с четырьмя сотнями мюридов. Гази-Магомед, наиб Каратиснского общества, снял лагерь и оставил Карату. После ухода Шамиля в Карату прибыл главнокомандующий кн. Барятинский, которого каралалцы встретили с почестями. С этого периода, т.е. с начала августа 1859 г., Каралалское общество признало себя побежденным: почетная делегация в лице ученых и старшин сельских обществ изъявила России покорность.

О количестве каралалцев, участвовавших в Кавказской войне, можно судить по таблице, данные для которой извлечены из посемейных списков 1876 года:

№№ п/п	населенные пункты	число дворов	число жителей	число воинов, вставших под ружье в нача- ле движения		число воинов, вставших под ружье в конце движения	
				пешие	конные	пешие	конные
1	Карата	248	861	230	12	52	75
2	Анчих	133	503	140	4	43	55
3	Арчо	63	255	66	2	25	35
4	Рачаболда	21	73	21	3	12	24
5	Верхнее Инхело	95	334	92	5	30	35
6	Рацитль	72	292	60	6	27	32
7	Нижнее Инхело	104	384	95	3	43	42
8	Хелатури	96	360	95	6	26	30
9	Алак	173	508	190	8	42	53
Итого		1065	3370	995	44	299	381

Из Тинди генерал-фельдмаршал Барятинский донес царю, что «Авария, Койсубулу, Гумбет, Салатау, Технуцал, Каралал и другие верхние общества пали к стопам его Императорского величества»³.

Таким образом, с этого времени Каралалское общество окончательно вошло в состав России. Тем не менее, кавказское командо-

вание, не доверяя местному населению, решило построить на территории Горного Дагестана ряд пунктов, где содержались довольно солидные по численности и вооружению гарнизоны. С этой целью в 3-х км от Ботлиха, на магистрали, связывавшей каралалцев с торговыми центрами Дагестана и Чечни, 6 августа 1859 г., на левом берегу Андийского Койсу, кн. Барятинский заложил Преображенское укрепление, которое по его словам «будет началом утверждения русской власти в этом крае»¹.

Однако жители обществ Каралал и Технуцал вовсе не были склонны сразу примириться с пребыванием в Ботлихе царских войск и с колониальной политикой царизма. Поэтому, в 1860 г. объединенные силы этих обществ напали на укрепление Преображенское. Только прибывшие из Темир-Хан-Шуры отряды царских войск сумели подавить это вооруженное восстание². В 1861 г. вспыхнуло новое, гораздо большее по масштабам восстание. Оно началось в Ункратле. Восстание дошло до Ботлиха, где к ним присоединились ботлихцы и каралалцы³. Горцы, недовольные политикой царизма, неоднократно выступали против царских войск, дислоцированных в данном регионе. Так, в 1863 г. на поддержку восставших Закатальского округа вновь выступили жители Андийского округа. Восставшие приняли решение напасть на Ботлих и Тлох, где были расквартированы царские войска. Силы были неравными и, естественно, восставшие потерпели поражение.

Налоговая политика царизма и различные натуральные повинности, отбываемые государству, все более и более разоряли крестьянство, что привело к обострению классово-борьбы. Прямым протестом против налоговой политики царизма было восстание, вспыхнувшее в 1871 г. в Андийском округе⁴. Для подавления восстания начальнику Дагестанской области пришлось обратиться за помощью к нач. Терской области. После упорных боев, продолжавшихся около месяца, восставшие вынуждены были отступить в Ботлих. В итоге они потерпели поражение.

Выступления горцев не привели к улучшению их жизни. Напротив, они оказались под двойным гнетом – самодержавия и местных феодалов и поэтому проявляли крайнее недовольство и готовы были на любые жертвы, лишь бы освободиться от непосильных пода-тей и повинностей, произвола и политического бесправия. Эти об-

¹ Там же. С. 100.

² АКАК. Т. 12. С. 1155 – 1156.

³ Там же. С. 1161.

¹ Там же. С. 1161.

² История Дагестана с древнейших времен до XX века. С. 519.

³ Там же. С. 520.

⁴ ЦГА РД. Ф. 175-р. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.

стоятельства, а также и то, что царизм собирался фактически разорить край горцев, послужили основной причиной нового восстания в 1877 г. Восставшие напали на укрепление Преображенское. Близ сел. Нижнее Инхело (общество Каралал) произошло первое крупное столкновение повстанцев с отрядом царских войск, который пытался удержать дорогу Карата-Хунзах, но был вынужден отступить¹. Однако восставшие горцы Западного Дагестана не сумели взять Преображенское укрепление, где были сосредоточены крупные силы царских войск. К укреплению были переброшены свежие силы из Тверской области. Согласно устной традиции, повстанцы Каралалского общества отчаянно сопротивлялись. По преданию, основная часть мужского населения этого общества приняла самое активное участие в этом сражении². Однако расплывенные силы горцев не смогли долго сопротивляться регулярным войскам царизма, тем более, что каждое общество уже боролось в отдельности. После подавления восстания, на его участников была наложена контрибуция, руководители были казнены, а многие активные участники были сосланы в Сибирь и высланы во внутренние районы России на каторжные работы.

Вопросы организации управления покоренными народами Дагестана царским правительством продуманы были слабо. Так, например, общество Каралал, до вхождения в состав России представляло собой самоуправляемую, саморегулируемую и самоконтролируемую административно-территориальную единицу. По положению же об управлении Дагестанской областью от 5 апреля 1860 г., управление обществами Каралал, Багулал, Цунга-Ахвах и Бактлал было возложено на хана Аварского³. Таким образом, ранее свободные общества попали в зависимость от Аварского ханства. Коренные изменения произошли и в сельском управлении. Если до присоединения к России все должностные лица избирались на сельском сходе, и они выполняли волю своего джамаата, то согласно положению о сельских обществах и их общественном управлении, сельский старшина обязан был беспрекословно исполнять все требования начальства и объявлять народу его указания и распоряжения⁴. Фактически старшина и все должностные лица являлись уже не представителями сельского общества и выразителями его интересов, а исполнителями воли официальной администрации. «Царизм, вводя эти положения, – пишет Р.М. Магомедов, – стремился не столько к распространению среди

горцев гражданских принципов управления, сколько к удержанию вновь покоренного населения в повиновении»¹.

24 июня 1861 г. из Терской области были переданы в Дагестанскую область общества Ункратль, Чамалал, Технуцал, Андия, Гумбет и образован Андийский округ с присоединением к нему Тиндальского и Хваршинского наибств Бежтинского округа². В 1864 г. был образован Аварский округ, с передачей в его подчинение обществ Каралал, Багулал, Цунга-Ахвах из Андийского округа³.

12 июня 1863 г. в Дагестане вместо должности начальника области была введена должность военного губернатора и создано 9 округов, в составе которых было 42 наибства, в том числе и Каратинское⁴. После образования Каратинского наибства, наибями повременно были Магомедшапи из Чоха, Джабо из Кидеро (Цунга), Хадис из Карата и др. В 60-70-е годы было решено назначить наибями только дагестанцев. В 1866 г. царем Александром II был подписан указ о назначении на должности наибов лишь офицеров-горцев⁵. Наибства сохранились до 1899 г., затем были ликвидированы и взамен их образованы участки, которые существовали до 1917 г.

Как мы видим, произошли существенные изменения в управлении крупными административными единицами. В частности, Каралалское общество было выведено из состава управления Аварского ханства. Во всем Дагестане были ликвидированы ханские управления, что естественно явилось прогрессивным явлением в административно-политическом управлении в целом. Окончание Кавказской войны, признание за населением горских обществ права свободно заниматься ремеслом и торговлей, для чего была снята торгово-экономическая блокада и открыты дороги в Грузию, в Джаро-Белооканскую зону и другие области Кавказа, сыграли большую роль в экономическом и социальном развитии каралалцев.

¹ История Дагестана с древнейших времен до XX века. С. 525.

² Полевой материал, собранный в 1990 г.

³ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 6–7.

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 291.

² ЦГИА Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 317. Л. 39.

³ Там же.

⁴ Хашгасв Х.-М. Указ. соч. С. 69.

⁵ См.: Губаханова Р.А. Государственные учреждения в Дагестане в пореформенный период // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 147.

ГЛАВА II ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАРАЛАЛЬЦЕВ

Природные условия и народонаселение. Как известно, географическое положение и природная среда вместе с народонаселением играют большую роль в развитии производительных сил. От географических условий зависит также развитие внешних торговых-экономических контактов. Рельеф местности оказывает большое влияние на хозяйственный уклад жителей того или иного общества.

Населенные пункты каралалцев¹ расположены в основном по отрогам Богосского хребта. Одни находятся высоко в горах, другие в глубоких ущельях. В силу географо-топографических особенностей здесь сложились микроклиматические условия, повлиявшие на хозяйственную деятельность каралалцев.

По своим природным условиям и местоположению села Каралалского общества можно разделить на следующие естественно-хозяйственные зоны. Первая – высокогорная зона (Рацитль, Алак), которая расположена на высоте более 2000 м. над уровнем моря; ко второй зоне относятся аулы, находящиеся в Каратисском нагорье – Карата, Арчо, Рачаболда. В этих двух зонах в основном занимались полеводством и скотоводством. В наиболее выгодном положении находились жители селений, у которых земли были расположены по долине реки Энха – Анчих, Маштада, Верхнее Инхело. Последнее расположено прямо у правого берега р. Андийское Койсу, которая сыграла важную роль в экономической жизни жителей селения. Население третьей зоны занималось многоотраслевым хозяйством (полеводство, садоводство, виноградарство и скотоводство). Следует отметить, что в настоящее время садоводством занимаются частично также каратинцы и арчобцы. Почти по середине общества Каралал течет достаточно крупная река Энха. Она имеет огромное хозяйственное значение: её водами орошаются сады и огороды каралалцев. Вдоль течения реки с давних времен была построена целая сеть мельниц, которыми пользовались и жители других обществ.

Большое хозяйственное значение имели лесные массивы. Они имелись не у всех обществ, однако в целом потребности каралалцев в деловом лесе были удовлетворены, что позволяло строить дома с максимальным использованием дерева. Лесом пользовались также в повседневной хозяйственной жизни. Лесные массивы были расположе-

ны на западном склоне Богосского хребта, который тянется от сел. Карата. Ширина этой полосы составляет 2, 5 – 3 км, длина 15 – 20 км.

В этническом отношении Каралалский союз состоял из собственно каралалцев и аварцев, представленных двумя селениями – Хелетури и Алак. Установить численность жителей Каралалского общества в более ранние эпохи затруднительно. Самые первые сведения об этом относятся к 1830 г. Р.Ф. Розен сообщает, что народонаселение Каралала доходит до 5000 душ мужского пола, и что вооруженных они «могут выставлять до 1500 чел.»¹. Приведенные цифры можно было бы поставить под сомнение, но при описании других народностей тот же автор дает данные о народонаселении без учета женского пола. Так, например, по его сведениям народонаселение Салатавии составляло 5000 человек мужского пола, у ансалтинцев - 4000 человек, у ботлихцев – 4000, гумбетовцев – 6000 и т.д.² Мы склонны считать, что в данном случае речь идет о количестве всего населения общества. Это подтверждается данными других источников более позднего периода. Согласно статистическим данным, извлеченным из посемейных списков населения Кавказа, в 1886 г. численность жителей Каралалского общества выглядит следующим образом.³

№ п/п	сельские общества	число дворов	население		
			муж.	жен.	всего
1.	Каратинское с/о отс. Рачаболда	269	483	478	961
		25	44	55	99
2.	Арчобское с/о	81	158	169	327
3.	Анчихское с/о	158	308	269	577
4.	Верхне- Инхелобское с/о отселки: Зиндура Машдада	88	171	152	323
		106	188	216	404
		77	136	148	284
5.	Рацитлинское с/о	90	175	166	341
6.	Нижне- Инхелобское с/о	121	215	214	429
7.	Алакское с/о	182	328	324	562
8.	Хелетуриное с/о	108	238	230	468
Всего		1205	2754	2421	4875

¹ Общие сведения о каралалцах см.: Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каратинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 182 – 184; Лугуев С.А. Каратинцы // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998. С. 223; Он же. Каратинцы // Народы Дагестана. М., 2001. С. 201 – 213; Он же. Каратинцы // Энциклопедия народов Юга России. Народы Юга России. Ростов-на-Дону. 2005. Т. 1. С. 140 – 141.

¹ Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 290.

² Там же. С. 288 – 290.

³ Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа: Андийский округ. Тифлис, 1887. С. 34.

Х.-М.О. Хашаев, ссылаясь на эти же данные утверждает, что численность каралалцев на 1886 г. составляла 7217 человек, из них мужчин – 3616 и женщин – 3601 человек¹. По - видимому, в это число Х.-М.О. Хашаев включил и жителей других обществ, административно входивших в состав Каратинского наибства.

По другим данным в Каралалском обществе было всего 1140 хозяйств с населением 4586 человек². Сведения эти относятся к 1896 г. Побывавший в этих краях венгерский путешественник Евгений Зичи среди многих народов Дагестана упоминает и каралалцев karatas – около 5000 человек³. Говоря о народонаселении горцев, К.Ф. Ганн пишет, что «в ауле Карата 265 дворов и около 1000 жителей»⁴. Таким образом, приведенные сведения свидетельствуют о том, что численность населения Каралалского общества колебалась в пределах 5000 человек. Возможно в более ранние периоды общество Каралал было более густонаселенным. Об этом могут свидетельствовать, в частности, развалины многочисленных средневековых поселений. Как мы уже говорили выше, это общество было сильным и сплочённым, благодаря чему могло защитить себя и сохранить свою независимость. Сокращению населения способствовали политические события, которые происходили как на собственной территории, так и вне её.

Пагубно повлияли на демографию и эпидемии, обрушившиеся на жителей этого края в разные периоды. Так, например, в 1739 – 1740 гг. разразившаяся чума унесла множество жизней жителей селений Анчих и Арчо. В одной арабской рукописи указана дата эпидемии чумы в Дагестане: «в Пухе, Инухе(?), Анджибе, Анчихе, Аршубе (Арчо) в 1152 г. (1739 – 1740 гг.)»⁵. Известна также запись из сел. Карата, где говорится об эпидемии чумы в Дагестанской области во время Султан-Ахмад-Хана Хунзахского – в 1227 г. (1813)⁶. Процесс сокращения численности жителей происходил также в период Кавказской войны, в годы восстаний в 1860, 1861, 1863 и 1877 гг. Все эти события привели к значительному сокращению общей численности каралалцев, и конечно же процесс этот, в свою очередь, повлиял и на развитие хозяйства.

Установить численность населения, говорящего на каратинском языке, очень трудно. Это связано с тем, что, начиная с конца 50-

х годов, была нарушена компактность расселения каралалцев. Многие из них проживают сейчас в городах Дагестана и, кроме того, в последних они зафиксированы как аварцы.

Земледелие. Территория каралалцев, как и весь Горный Дагестан, является одним из древних очагов земледелия, родиной важнейших культурных растений – пшеницы, ячменя, риса, проса и др. Здесь сложились предпосылки для возникновения высокоразвитого земледелия. Даже в настоящее время на этой территории произрастают дикорастущие злаки, которые вполне можно культивировать. Нельзя здесь не привести восхищенные высказывания академика Н.И. Вавилова о культурных злаках Кавказа вообще и Дагестана в частности. Он пишет: «Нельзя понять эволюции пшеницы и ржи без Кавказа»¹. Относительно Дагестана академик отмечает, что Дагестан и Закавказье непосредственно входят в очаги первичного возделывания названных культур². О древнем характере земледелия каралалцев свидетельствует наличие в языке собственных названий культурных растений: пшеница «кьеру», ячмень голозерный «муа», просо «бочлин», рожь «бочоль», бобы «гяле». Кукуруза сюда проникла поздно, и, что интересно, в различных селениях каралалцев кукурузу называют по-разному. Анчихцы, как и другие горцы, связывают её происхождение с Цором (Закаталы, Белоканы) и называют «цлорокьеру» (букв. пшеница из Цора). Появление кукурузы каратинцы связывают с именем Шамиля и называют её «шамакьеру». Скорее всего, эту номинацию следует связывать с Шамом (т.е. пшеница из Шама – Сирии). Жители Нижнего Инхело кукурузу называют «анжакьеру», т.е. пшеница из Анджи (Махачкалы). Из технических культур каралалцы возделывали лен – «элту» и коноплю – «чламакьеру». Названия основных культур, присущие только каралалцам, свидетельствуют о древности здесь культуры земледелия. По этому поводу акад. Н.И. Вавилов пишет следующее: «Наши исследования земледельческих поселков Дагестана и состав культур показывают несомненную древность земледелия и в этой стране, во всяком случае, существующего здесь много столетий и характеризующегося особыми эндемичными сортами ячменя, пшеницы, льна и бобов»³.

Полевые исследования показали также, что каралалцы издревле занимались террасным земледелием. Глубокая расчлененность рельефа, эрозийность почв, малоземелье и другие обстоятельства спо-

¹ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 18.

² РФ ИИАЭ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

³ Зичи Евгений. Путешествие по Кавказу. Будапешт. 1897 // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 494. Л. 15 – 16.

⁴ Ганн К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // Известия КОИРГО. Тифлис. 1902. Вып. 15. С. 213.

⁵ Шихсанов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала. 1969. С. 109.

⁶ Там же.

¹ Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Известия АН СССР. 1957. №5. С. 508.

² Вавилов Н.И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших культур. М.; Л. 1957. С. 116.

³ Вавилов А.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. № 2. 1936. С. 75.

способствовали развитию земледелия в горно-долинной зоне¹. У каралалцев террасы делятся на два вида. Террасы с подпорными каменными стенами расположены на крутых склонах и в речных долинах. Они характерны для группы каралалцев, занимавшихся садоводством (Анчих, Верхнее Инхело и Машдада); террасы у них известны под названием «кьвада» (кьваде – мн. ч.). Второй вид террас – без подпорных стен, с межевыми откосами («хьвандер») – их часто использовали как сенокосы. Они так или иначе были расположены по всей территории Каралалского общества. В основном те и другие это пашни, расположенные на склонах гор и горных плато. Наличие развитого террасного земледелия говорит о том, что полеводство у каралалцев достигло высокого уровня развития. О значении террасного земледелия в условиях гор, времени его возникновения и интенсивности обработки написано достаточное количество работ².

Землю каралалцы обрабатывали с большой тщательностью. Наличие значительного количества скота при сравнительно небольших размерах пахотных участков способствовало интенсивному унавоживанию пашни, и, таким образом, оставлять ее под пар не было никакой необходимости. Кроме того, для удобрения полей огромное значение имела также т.н. система открытых пашен. После уборки урожая поля освобождались от ограждений, и вплоть до зимы на пахотных землях выпасали общественный скот.

В селениях, расположенных в долинах рек, сельхозработы начинались в начале марта, с вывоза навоза в сады и на поля. Для этой цели организовывали «гвай» (вид взаимопомощи), где в основном участвовали женщины. Навоз «кила» вывозили на ослах в специальных мешках «кьельин», «кьехин». Эта же процедура в других селениях (Рациталь, Алак, Карата) начиналась в конце марта – начале апреля. Процесс вывоза навоза продолжался 3-5 дней. Затем, в зависимости от погодных условий, начиналась посевная компания. Прежде чем начать сев, разбрасывали удобрение по полю, очищали участок от крупных камней, после чего начинали первую весеннюю вспашку «рекьер». Сначала на невспаханное поле разбрасывали семена, эту функцию обычно выполняли женщины. Вспахивали поле, как и все

горцы Дагестана, деревянным плугом с железным лемехом «беццерукье». Конструктивно он ничем не отличается от аналогичных орудий других горцев Дагестана¹. В него впрягали одну пару волов «унса». «Беццерукье» являлся незаменимым сельхозорудием в условиях террасного земледелия. Им было легко маневрировать на крутых участках, а также регулировать глубину вспашки при небольшом гумусном слое. По мере вспашки за пахарем шли женщины и мотыгой «магал», разрыхляли почву, разбивая крупные комья земли. Эта процедура считалась обязательной, так как оставшиеся на поверхности зерна должны были быть засыпаны землей. Пшеница, ячмень, просо, рожь обычно не требовали большого ухода, нужна была лишь тщательная очистка поля от сорняков. Кукуруза же требовала особого ухода. Прополку производили два раза. Первая прополка «ханха» осуществлялась при появлении всходов, тогда же и всё поле очищали от сорняков. Вторая прополка «росва унши гагъа» проводилась через 15 – 20 дней. В эту пору производилось окучивание и повторная очистка поля от сорняков. Сорняки в свежем виде приносили домой и использовали как особо ценный корм для дойных коров². Если сорняков было много, то их перед доставкой надом сушили. С этого собственно начиналась заготовка кормов на зиму, которая продолжалась весь вегетационный период³. Кукуруза, как это уже было сказано, проникла в горы видимо не ранее XVIII в. Каралалцы первоначально сеяли ее в основном на орошаемых землях. Так, каратинцы возделывали кукурузу в урочище «Гьачанкьара» у реки Энха. Как свидетельствуют старожилы, урожайность её составляла сам - 20. Затем её стали сеять непосредственно у селений, здесь кукуруза давала неплохие урожаи. Земля у каралалцев и арчинцев считалась плодородной, частые осадки обеспечивали почву влагой круглый год. Между кукурузой каралалцы сажали фасоль «гьервале», тыкву «даржикI», «хьабакь», бобы черные «гьале», «Хале»⁴. Благодаря тщательной обработке, отдельные стебли на орошаемой земле имели по 4 – 5 початков кукурузы. Впоследствии эта культура была вытеснена картофелем, который в Дагестане появился во второй половине XIX⁵. Уборка урожая начина-

¹ См. об этом: Османов М.-З.О. Традиционные типы и система земледелия Дагестана в XIX – нач. XX века (с привлечением материала по всему Кавказу). Махачкала, 2006. С. 65 – 66.

² См.: Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Вып. 13; Он же. Террасное земледелие в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1979; Котович В.М. Верхнегуньбское поселение. Махачкала, 1965; Котович В.Г., Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в Горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века М., 1980. и др.

¹ См.: Гаджиев Г.А. Чамалалы. XIX – начало XX века. (Историко-этнографическое исследование) // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 702. Л. 72; Магомедханов М.М. Тиндинцы. Краткий этнографический очерк // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 855. Л. 32.

² То же и у других народов Дагестана. См.: Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2008. С. 39; Булатова А.Г. Исламмагомедов А.И., Агулы в XIX – нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008. С. 31. и др.

³ Полевой материал, собранный в 1991 г.

⁴ Названия мы даем на двух говорах – на анчихском и каратинском, так как между ними иногда встречаются достаточно ощутимые различия.

⁵ Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 85.

лась одновременно: в горно-долинной зоне – во второй половине июля, а в высокогорье – с середины августа. Жатва, как и во всех сельских общинах Дагестана, осуществлялась только по разрешению джамаата и происходила в определенный день – «харицел ита» (букв. – «отпустить серп»). Эту работу выполняли женщины маленькими серпами. Отдельные хозяйства, у которых пахотных участков было много, организовывали «гвай» – взаимопомощь. В основном же уборку осуществляли собственными силами. Скошенный хлеб (пшеница, ячмень, просо) связывали в снопы «коле». Снопы складывали в копны в вертикальном положении и в зависимости от погоды оставляли в поле для сушки на несколько дней. После сушки, на ослах их перевозили в селение, где в специальных крытых помещениях «бегъва» снопы досушивались и складывались в стога «бижагъ». Для молотбы в отдельных селениях были специальные токи «лалл гынцъе», а в некоторых для этой цели использовали крышу сеновала «арче», предварительно специально подготовив её для этого. С этой целью площадку для молотбы поливали, затем тщательно укатывали специальным катком из камня «кIкIерам», после чего шел процесс «коле раха», т.е. развязывания снопов и разбрасывания их по току. Молотба производилась специальными молотильными досками «белунди», подбитыми снизу острыми кремневыми отщепами. Конструктивно они не отличались от подобных молотильных досок других народов Дагестана¹. После молотбы всю оставшуюся массу собирали специальным орудием «реин» в кучу, в один из углов тока, при этом строго учитывалось направление ветра. Затем мужчины веяли её деревянной лопатой, в результате чего зерно отделялось от мякни. Очищенное от камней и мусора зерно в мешках везли домой и там окончательно просушивали.

После созревания кукурузы её стебли подрезали у самого корня и собирали их в кучу «гъоне». Отдельные хозяйства отделяли початки от стебля прямо на поле, другие стебли вместе с початками сразу транспортировали на гумно, где аккуратно складывали небольшими кучами в ряд. Очищенную кукурузу уносили домой, где в течении осени початки сушились. Зимой устраивали «гвай» для лушения зерна. Кукурузные стебли размельчали специальным секачом «чалта», и, смешав с сеном, давали животным. Зерно высушивали на солнце и хранили в специальных деревянных ларях «гъекIваш». Для помола зерно веяли деревянным ковшом, очищали его, затем сушили на спе-

¹ См.: Гаджиева С.Ш., Османов М.-З.О., Цашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 29; Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 47 и др.; Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2000. С. 44; Алимова Б.М. Табасаранцы XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. С. 33 и др.

циально изготовленном для этой цели полукруглом железном сосуде «цIоло». После этого зерно мололи на водяных мельницах, которых в Каралалском обществе было много. Согласно данным посемейных списков 1886 г., в Каралалском обществе насчитывалось 15 мельниц. Из них 9 – в Каратинском сельском обществе, 3 – в Анчихском, 2 – в Верхне-Инхелобском и 1 – в Нижне-Инхеловском¹.

Во второй половине XIX в. большое место в хозяйстве местного населения занял картофель. Интересно, что в каратинском говоре картофель известен под названием «къоло», а в анчихском «картушка». Природные условия Каратинского нагорья благоприятствовали выращиванию картофеля, поэтому каратинцы и арчобцы большое значение придавали этому корнеплоду. Они не только удовлетворяли в нем свои потребности, но и обеспечивали им население Каралалского общества.

Немаловажную роль в хозяйстве каралалцев играли и технические культуры – лен «элтIу», конопля «чIамакъему». Лен использовали в основном для изготовления урбеча и сеяли его в ограниченном количестве. Из конопли также готовили урбеч. Кожура стебля конопли у местного населения шла на изготовление прочных ниток для пошива обуви и других кожаных изделий. Ветвистый стебель конопли использовали для сушки и хранения винограда (в основном в Анчихе), а также для топки².

Таким образом каралалцы издавна занимались полеводством, возделывали разнообразные зерновые культуры, корнеплоды и добились определенных успехов в этой отрасли хозяйства.

Об урожайности зерновых культур можно судить по следующим данным³. В Каратинском участке было:

	засеяно четвертей	снято четвертей
озимая пшеница	448	2360,1
яровая пшеница	328,7	963,9
овес	38,1	86,0
ячмень	703,4	2356,4
кукуруза	59,0	210,0
просо	12,3	223,7
прочие хлеба	37,2	79,4
Итого:	1624,3	6249,5

¹ Посемейный список Каратинского наибства Андийского округа // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 115. Л. 2 – 3.

² Полевой материал, собранный в 1991 г.

³ Ведомость о посеве и урожае хлебов в Андийском округе Дагестанской области за 1896 г. // РФИИАЭ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

Приведенный материал достаточно хорошо свидетельствует о невысоких урожаях в обществе Каралал. Самой высокой урожайностью отличалось просо (сам 18 – 20). В сравнении с соседними обществами, в частности с обществом Технуцал, урожайность культур у каралалцев выглядела не хуже. Так, например, озимая пшеница в Каралалском обществе давала сам 5,3, тогда как Технуцале – 4,3. В то же время урожайность кукурузы в Технуцале доходила до сам 16 – 17, а в каралалском – 3,4. Это объясняется тем, что в Технуцале орошаемость земель была намного выше, чем в каралалском обществе. От неполивных культур хорошие урожаи получали не во всех селениях. Так, например, в сел. Рацитль, Алак высокие урожаи давали только такие культуры, как голозерный ячмень и просо¹. Эти населенные пункты расположены в высокогорной зоне, почва изобилует влагой. Поэтому здесь в основном сеяли ячмень и просо, а в Рацитле культивировали также и бобы, которые отличались большой урожайностью. Архивные данные свидетельствуют, что главной зерновой культурой в Алаке была ячмень. В малом количестве сеяли также пшеницу. В 1875 г. в с. Алак разразился сильный пожар, от которого пострадали многие жители и их имущество. Убытки, понесенные жителями селения, достигали 8000 руб. Вместе с имуществом сгорело и зерно. Например, у Кадитлова Сулеймана сгорело 170 мер голозерного ячменя, 60 мер пшеницы, 20 мер ячменя, 15 мер кукурузы и т.д. всего 308 мер. У Магомы Шапил вас всего сгорело 44 меры, у Магомы Кади Магомал вас – 144 меры, у Абдусалама Магомал вас – 250 мер – и т.д. Всего вследствие пожара сгорело 2988 мер хлеба².

Производимого на месте хлеба хватало не всем. Восполнять этот недостаток приходилось за счет обмена продуктов животноводства и садоводства³.

Садоводство. Жители Каралалского общества, в частности, анчихцы, верхнеинхеловцы, нижнеинхеловцы, машадинцы и, в прошлом, сиухцы, наряду с полеводством, занимались также садоводством, виноградарством и огородничеством. Сады в основном были расположены в ущельях, и на более или менее пологой поверхности речной поймы. У анчихцев сады тянулись по ущелью «Гъарда» начиная от селения до местности «Мугъва». Протяженность их составляла более 3-х км. Кроме того, сады анчихцев были расположены в доли-

нах реки Энха в местностях «ГаIхвари», «Бакъихвари», «Рехихвари» и «Басгели». Ниже Басгели по течению реки, до сел. Нижнее Инхело, были расположены сады нижнеинхеловцев. Обширные по площади сады их находились также на правом берегу р. Андийское Койсу. Сады машадинцев были раскинуты по долинам р. Энха. До недавнего времени сады, расположенные по течению реки, принадлежали колхозам этих селений и были в запущенном состоянии. Сейчас их вернули хозяевам и можно заметить, что сады возрождаются.

По свидетельству старожилов, садоводство в прошлом было достаточно развитым, и жители получали большой доход от реализации продукции этой отрасли хозяйства. Конечно, трудно установить время возникновения садоводства в этом регионе. Возможно, им занимались еще с эпохи раннего средневековья. Согласно преданию, большинство из садов, расположенных по долинам Энхо, принадлежало сиухцам, которые в XV – XVI вв. были вытеснены с этой территории. Поэтому можно предположить, что садоводством каралалцы занимались еще в более ранние исторические периоды. Отражение стародавности и развитости садоводства можно усмотреть в наличии чрезвычайно богатой специальной терминологии, местных названий фруктов, овощей и винограда, а также в топонимике. В садах каралалцев произрастали яблоки «ичи», «гIечи», груши «гъигъи», персики «нихъва», абрикосы «бихъи», сливы «канкул», тутовник «кару», вишня «бале», «жага», черешня «баIгали», грецкие орехи «цулакъу», а также различные сорта этих фруктов. Так, например, было известно абрикосов – 6 сортов, яблок – 8, груш – 10, слив – 3, персика – 3 сорта. Разнообразием сортов отличался также виноград «цибил». При небольших площадях садовых участков разместить на них разные виды и сорта фруктовых деревьев, было невозможно. Поэтому для посадки выбирались лишь отдельные, лучшие породы и сорта, хорошо проверенные в местных условиях, с учетом места расположения сада для их выращивания. Если он размещался на высоком склоне, где часто бывают поздневесенние заморозки, то деревья могли погибнуть. Так, например, абрикосы сорта «чамастак» не плодоносили в сел. Арчо, расположенном выше Анчиха и Инхело. Точно также яблоки летнего сорта «къиноль ичи» и «каритльроша» («кIакъибатIа») не давали плодов в селениях, расположенных выше. Даже в сел. Анчих и Верхнее Инхело персики, которые выращивались в долине реки Энха, не давали плодов. Наиболее распространенными зимними сортами местного происхождения были яблони «гвадара ичи», «секлу ичи», «цулмоб ичи», «цIере ичи», груши «цибероль гъигъи», «чакар гъигъи» и др.

¹ Полевой материал, собранный в 1991 г.

² Сведения об убытках, понесенных жителями селения Алак Каратинского общества от пожара в 1875 г. // ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 86. Л. 1 – 5.

³ То же и у многих других горцев Дагестана. См.: Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX века). Махачкала. 2007. С. 177.

Фруктовые деревья в основном сажали по краям террасы, а остальную площадь сохраняли под посев кукурузы, фасоли, тыквы, а также для посадки других огородных культур – моркови «ламагур», лука «кванча», чеснока «ражи», позже – капусты «капуста», помидоров «памадур», огурцов «осхьел», «охцел» и др. Также рационально и экономно использовали свои пахотные участки и другие горцы Дагестана¹.

Посадка деревьев производилась осенью (в октябре и ноябре) и ранней весной. До этого сначала специально подготавливали саженцы. Если с осенними посадками запаздывали, саженцы на зиму закапывали и вынимали из земли непосредственно перед посадкой. Предварительно осматривали их корневую систему, остро отточенным садовым ножом обновляли срезы и удаляли поврежденные и погибшие корни. Перед посадкой яму (глубина ее зависела от породы деревьев – от 70 см до 1 м) на одну треть глубины засыпали верхним плодородным слоем земли вперемешку с навозом. После посадки саженцев их обязательно поливали. Уход за плодовыми деревьями начинался с момента высадки их в грунт. Кроме общих приемов ухода, состоящих из обработки почвы, борьбы с вредителями и болезнями, учитывались еще и биологические особенности пород и сортов саженцев. Одним из основных способов ухода за деревьями была обрезка «роша гванча». В разные возрастные периоды дерева задачи обрезки тоже бывали разными. Например, саженец, посаженный весной, обрезали сразу же после посадки до набухания почек. При обрезке верхние ветки укорачивали больше нижних так, чтобы после обрезки они были примерно одинаковой длины. Отдельные сорта яблони и груши иногда приходилось освобождать и от боковых веток, чтобы направить рост кроны в нужном направлении. Это относилось и к крупнорослым сортам абрикоса. Надо отметить, что слива, абрикос, персик, черешня обрезались в зависимости от склонности сорта образовывать узкопирамидальную или раскидистую крону.

Иногда урожай в садах могли погубить весенние заморозки. Во избежание этого горцы устраивали обогревающие деревья дымовые завесы. Кроме того, непосредственно перед периодом цветения деревья обильно поливали, что снижало пагубное воздействие весенних

¹ См.: Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967. С. 21; Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1997. С. 39 – 40; Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 36; Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. С. 34; Лугуев С.А. Ахваццы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2008. С. 42. и др.

заморозков. Для задымления сада использовали различные горючие материалы: листья, солому, навоз, органический мусор. Урожай абрикосов мог погибнуть не только от ранневесенних заморозков, но и от оттепелей, когда в долинах рек температура могла повыситься до 15 – 18° выше нуля. В подобных случаях для спасения урожая абрикосов каралалцы прибегали к выработанным издревле приемам. Действенным средством задержки ранней закладки и формирования цветочных почек у абрикоса являлась основательная обрезка деревьев. Этот прием усиливал вегетационный рост и задерживал формирование плодовых почек¹. Развита была также прививка плодовых деревьев. Методом прививки хозяин мог улучшить сорта фруктов и увеличить их ассортимент, что особенно было важным в приусадебном саду, где на малой площади желательно было иметь разные сорта фруктов. Наиболее успешно прививались близкородственные культуры: яблоня на яблоне, груша на груше, абрикосы на абрикосе и т.д. В основном прививали косточковые к косточковым, семечковые к семечковым. Самым распространенным способом прививки «габигъа» (бук. «сажать сверху») у каралалцев был – одним черенком в кору и двумя черенками за кору. Применялся также способ прививки в боковой разрез язычком и за кору одним черенком. Прививки производились весной, для чего еще осенью после листопада из однолетних побегов заготавливали черенки. В Каралалском обществе росли также ореховые деревья, правда, в незначительном количестве. Согласно устной традиции, грецкие орехи «цфулакью» выращивали и в Каратинском сельском обществе в местности «Гъачлакъара». Позднее, в начале нашего века, здесь стали сажать яблони. По сообщению нашего информатора, краеведа Тагирова Будуна, первым начал сажать яблони Хачи Имадибир, его дело продолжил Шамсудин. Так каратинцами был основан садовый участок в местности «Гъачлакъара» в долине реки Энха. По сообщению информатора, там каждое хозяйство имело по 10 деревьев яблони. Позже здесь появились и другие фруктовые деревья (абрикосы, груши, сливы). Частично садоводством стали заниматься и арчинцы, используя для этой цели ущелье, расположенное ниже селения. Здесь, как и у каралалцев, в основном выращивали морозостойкие сорта фруктов.

Виноградарство. Каралалцы-садоводы занимались также возделыванием винограда. Виноградарство, как и выращивание других культур, являлось древним занятием анчихцев, нижне- и верхнеинкелобцев, которое сыграло важную роль в их хозяйстве. Они выращива-

¹ Полевой материал, собранный в 1991 г.

ли различные сорта винограда. Самым распространенными сортами являются «гъацIаб цIибил» – белый, с крупными ягодами, «бечIатIоб цIибил» – черный сладкий, «рукъунтIа цIибил» – типа ркацители. «кака цIибил» – дамские пальчики, «абухIасуншуб цIибил» – тоже черный, названный по имени мужчины, выведшего этот сорт, «чор-пили цIибил» – желтый сладкий, с ароматом.

В основном виноградники «цIеле» сажали вдоль подпорной стены террасы. Около каждой лозы «рекъвалью» устанавливали специальные ветвистые стойки «эре», изготовленные из веток листовых деревьев и сосны, высотой 1,5 – 2 м. Уход за виноградом был особым, требующим много усилий и практических знаний. Начинался он с момента посадки саженца или черенка. Распространенным способом была посадка черенком и чубиком «кIантIа». Черенки и чубики винограда сажали так, чтобы на поверхности почвы находился один глазок, а второй около поверхности. При посадке обязательно один глазок должен был остаться под землей, для образования корней. После выхода побега на поверхность уход заключался в удалении соцветий, если проросла плодоносная почка. При прорастании нескольких почек оставляли 1-2 побега. Основная задача – вырастить как можно больше здоровой древесины. Чем меньше будет побегов, тем сильнее они будут расти.

Для улучшения и замены малоценных сортов делали также прививки. Существовали различные способы прививки: а) для размножения особо ценных сортов – одно-, двухглазковыми черенками; б) зелеными черенками – для быстрого размножения ценных сортов; в) лозой – для восстановления утраченных частей куста.

Полив виноградников особенно интенсивно производили в первые годы после посадки. Не рекомендовалось поливать по окончании роста ягод, к началу их созревания (теряется качество). Обильный полив производили после снятия урожая и листопада. Большое внимание уделялось также удобрению виноградников. С этой целью ранней весной в сады вывозили навоз, с чего собственно и начинались садовые работы. Восстанавливались подпорные стены террас, разрушенные за период зимы, заготавливался колючий кустарник для ограждения сада от скота.

Отдельные сорта винограда в прошлом, да и в настоящее время, после окончания вегетации закапывали в землю. Поэтому, после вывоза навоза тут же приступали к выкапыванию виноградников «цIеле бохъва». Затем разравнивали участки сада, разбрасывали удобрение и вскапывали его лопатами. После этого начинался процесс обрезки виноградного куста «цIеле гъанчIа». Процесс этот был

сложным, требующим специальных навыков. Поэтому обрезку производили знатоки, имевшие многолетний опыт в этом деле. Для этого применялись специальные садовые ножницы «ахихъаншур кIванкъиди» – бук. «ножницы садовника». Затем виноградные лозы подвязывались к стойкам – «цIеле къула». Делалось это очень осторожно, чтобы не сломать лозу. После этого разбивали участок на грядки для посадки лука, чеснока, помидоров, огурцов. На других террасах сеяли кукурузу и сажали другие огородные культуры: фасоль, капусту, тыкву, бобы, свеклу и др. В Чабакеро чеснок сажали на больших площадях и получали отличный урожай. Рачаболдинцы специализировались на выращивании моркови. Она не требовала особого ухода и давала здесь обильный урожай. Естественно, развитие садоводства и виноградарства возможны были только лишь при условии систематического орошения. Поэтому, жители Каралалских селений придавали огромное значение строительству оросительной системы. Порой воду надо было проводить на большие расстояния через овраги, отвесные скалы, по крутым склонам. Для этого строились каналы «рехъин», местами с подпорными стенами. Местами желоба «коро» устанавливались на значительной высоте с помощью длинных стоек. Анчихцы для полива садов, расположенных у селения, использовали родниковую воду, проведенную в селение с горы «Ичули беса», протяженностью 10 км. Позднее деревянные желоба были заменены цементными трубами. Острый дефицит воды требовал установления очередности полива. За этим строго следил джамаат. В безводных местах строились небольшие общественные бассейны «инце», в местах, где просачивалась вода. Заполнялись «инце» и дождевыми потоками. В лучшем положении находились сады, расположенные в долинах речки Энха, где вода была в изобилии. В таком же положении были и сады нижнеинхеловцев, находившиеся у правого берега р. Андийское Койсу.

Приведенный выше историко-этнографический материал свидетельствует о том, что каралалцы (Анчих, Верхнее Инхело, Машда) издавна занимались садоводством, виноградарством и огородничеством. При этом они выработали свои агротехнические приемы ведения этих отраслей хозяйства.

К сбору урожая фруктов готовились специально. Сбор груш и яблок был очень трудоемкой работой. Их поштучно срывали с деревьев, которые были очень высокими, с длинными ветвями, поэтому доставать фрукты вытянутой рукой было совершенно невозможно. Сначала собирали все то, до чего можно было достать с земли, а затем

пользовались приставной лестницей. Для сбора фруктов использовали и длинный шест с ковшом на конце.

Собранные фрукты в плетенных сапетках «гизу» или в мешках привозили домой и осторожно складывали на пол, покрытый сеном. Отдельные хозяева оставляли фрукты в саду, где имелись специальные помещения для их хранения. Падалицу съедали или резали на 2 или 4 дольки и сушили. Нетоварные фрукты, в частности мелкие сорта груш и яблок, тоже сушили.

Намного легче было собирать косточковые фрукты: сливы, персики и абрикосы. Их тоже собирали руками, а труднодоступные стряхивали с дерева. Мелкие абрикосы (курага) не срывали, а стряхивали, затем, удалив косточки, сушили. Сушили также персики и сливы, правда, в незначительном количестве, лишь часть, оставшуюся от продажи.

Из очищенных, отваренных, высушенных и поджаренных абрикосовых, кураговых косточек готовили урбеч. Виноград до следующего урожая хранили в деревянных ларях и в специальных помещениях.

Как мы видим, садоводство приносило жителям каратинских селений значительный доход. Особо здесь следует отметить нижнеинхеловцев, у которых главным занятием было садоводство.

В свое время путешественники отмечали, что в обществе Каралал, рядом с бесплодными скалами, в ущельях и долинах люди выращивали различные сорта яблонь, груш, абрикос, винограда и др. О том, что жители этого края издавна занимались садоводством, свидетельствуют и сообщения И.-Г. Гербера. Он, в частности пишет: «... таулинцы некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют»¹. Нам могут возразить, что приведенное сведение не имеет никакого отношения к каралалцам. Однако, дальнейшие разъяснения автора о границах и языках убеждают нас, что речь идет именно о народах Западного Дагестана, в частности о каралалцах. «Живут они (таулинцы – авт.) в высоких каменных горах, – пишет он, – между грузинами, аварами, лезгинами и дагестанцами»². Кроме того, И. Гербер подчеркивает, что у таулинцев много языков, которые между собой никакого сходства не имеют. «Из их языков только пять или десять известны, – сообщает он, – а сказывают, что более 20 разных языков между ими в уездах имеются»³. Из контекста

¹ Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега каспийского моря. 1738 г. // ИГЭД. С. 112.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 112.

видно, что Гербер под таулинцами имел в виду народы, проживающие между аварцами и Главным Кавказским хребтом и имеющие собственные языки. Поэтому его сведения там, где говорится о садоводстве и виноградарстве, без всяких сомнений можно отнести и к каралалцам, которые занимались этими видами хозяйства с глубокой древности. Позже в перечне податей, собираемых Уммаханом, упоминается с. Нижнее Инхело, которое должно было платить 40 мерок виноградного сока¹. В посемейном списке Каратинского наибства зафиксировано, что в нижнем Инхело собирали виноград до 776 сапеток, в Анчихе – 139, Верхнем Инхело – 560. Хелетури – 48². В Кавказском календаре имеются следующие сведения о садоводстве горцев. «Фруктовые деревья и виноград разводят здесь (в Андийском округе – авт.) также, как и в Аварском округе, в низменных местностях и ущельях, на солнечной стороне, в селениях Хушдада, Тлондода, Анчих, верхнее Инхело, Нижнее Инхело и др. В селениях этих возделывают: виноград, персики, яблоки, груши, сливы, курагу, грецкие орехи»³. В памятной книжке Е.И. Козубского на 1901 г. дается перечень аулов Западного Дагестана, занимающихся садоводством, виноградарством и огородничеством. Среди них упоминаются и селения Каралалского общества, в частности Нижнее и Верхнее Инхело и Анчих⁴.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что основой хозяйства у каралалцев было земледелие и частично садоводство. Для полноты картины их деятельности в области земледелия, садоводства и виноградарства приведем следующие данные о пахотных землях. Обычно в те времена площадь пахотной земли определялась количеством засеваемого зерна в пудах, а урожай винограда в собранных сапетках. В 90-х годах XIX в. во всем Каралалском обществе имелись пахотные земли на 8584 пудов засева, было снято урожая 6249,5 четвертей. В четырех селениях было собрано 1523 сапеток винограда⁵. В среднем на одно хозяйство каралалцев приходилось около 5,6 четвертей всех видов хлеба, а на душу населения в среднем – 1,33 четверти. Это количество хлеба намного выше, чем в среднем по всему Дагестану и отдельным регионам и народам. Так, например, в Аварском округе на душу населения приходилось в сред-

¹ См.: Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 147 – 151.

² Посемейный список Каратинского наибства. Андийский округ // ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 15. Л. 366, 269, 376, 272.

³ КК на 1893 г. Тифлис, 1892 г. С. 150.

⁴ Козубский Е.И. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 244.

⁵ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

нем 0,54 четверти, т.е. около четырех пудов всех видов хлеба¹. В самом Андийском округе, куда входили каралалцы, эта цифра составляла 0,33. Даже для населения плоскостного Темир-Хан-Шуриинского округа на одного человека приходилось 0,54 четверти хлеба². Естественно, нельзя судить о социальном положении общества по средним данным, ибо они характеризуют общее положение, скрывая социальное неравенство. В обществе Каралал были малоземельные крестьяне, которые получали незначительное количество зерна. Согласно данным 1886 г., в сел. Арчо на одно хозяйство приходилось пахотной земли в среднем 12,5 пудов засева, в Карата – 11,1, тогда как в Анхиче эта цифра соответственно равнялась 5,8, а в Нижнем Инхело еще ниже – 1,4³. Остальные селения Каралалского общества были сравнительно хорошо обеспечены пахотными землями. В Алаке и Хелетури на один дым приходилось 8-9 пудов засева, в Верхнем Инхело и Машадада около 10 пудов, в Рацитле – 8 пудов засева⁴.

Эти данные показывают неравномерность распределения пахотных земель в обществе Каралал. Те селения, жителям которых не хватало своего хлеба, доставали зерно у соседей в обмен на другие сельскохозяйственные продукты. В целом каралалцы тщательно обрабатывали свои пашни и сады, используя агротехнические и биологические приемы, унаследованные от предков, и обновляя методы ведения этих отраслей хозяйства.

Животноводство. В экономике каралалцев, наряду с земледелием и садоводством, большое место занимало скотоводство. Природные условия (отсутствие летних и зимних пастбищ, малочисленность сенокосных участков и т.д.) не благоприятствовали развитию здесь скотоводства в крупных масштабах. Но, тем не менее, сравнительно с соседними обществами, даже с высокогорными, животноводство здесь достаточно хорошо было развито. Занятие скотоводством, развитость его подтверждается языковым материалом. Животноводческая терминология отличается исключительным богатством. На это указывает также наличие в языке каралалцев собственных названий продукции животноводства. Сохранившиеся до наших дней, выработанные веками самобытные приемы и навыки ведения отрасли являются свидетельством того, что скотоводство у каралалцев было развито издревле. Убедительным доказательством этому служат най-

денные здесь многочисленные бронзовые статуэтки домашних животных, датируемые V – IV вв. до н.э.¹ На основе богатого остеологического материала дагестанскими учеными установлено, что животноводством горцы Дагестана занимались еще в глубокой древности. Хотя на территории, населенной каралалцами, специальных археологических раскопок не производилось, в связи с чем отсутствует материал, указывающий на древность скотоводства, они, тем не менее, не составляли исключения из общего правила. Думается, что каралалцы, как и другие горцы, с древнейших времен хорошо были знакомы с животноводческим типом хозяйства.

В рассматриваемое время население общества Каралал занятие земледелием сочетало со скотоводством. Об этом свидетельствуют сведения автора первой половины XVIII в. И. Гербера². Другой автор второй половины XIX в. пишет: «Население ущелья Андийского Койсу делится на несколько обществ: Анди, Карата, Ахвах, Багулал, Цеза или Дидо. Они занимаются преимущественно скотоводством»³. Согласно статистическим данным, извлеченным из посемейных списков, общество Каралал в 1886 г. располагало следующим количеством скота:⁴

наименование с/о	овец	волон	коров	телят	ослов	лошадей	катиров	всего
Анхич	4595	213	118	18	136	47	–	5127
Арчо	1366	107	94	28	28	28	–	1651
Рачаболда	483	19	6	1	21	12	–	542
Верхнее Инхело	2815	1	9	3	60	6	–	2895
Рацитль	577	69	52	22	66	17	–	802
Хелатури	3102	89	124	17	97	25	2	3456
всего	19013	972	861	258	736	221	4	22067

Приведенная таблица не отражает действительного положения дел. Дело в том, что во время переписи населения скрывало имеющееся поголовье скота в целях снижения налогообложения. Это вид-

¹ Иессен А.А. Работа на Сулаке // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110; Пикуль М.И. Археологические памятники I тыс. н.э. Северо-Западной части Дагестана // РФ ИИЯЛ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12; Круглов А.П. Культурные места Горного Дагестана // КСИИМК. 1946. Вып. 12.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 112.

³ Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 115.

⁴ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 115. Здесь отсутствуют данные о количестве скота в с/о Алак.

¹ КК на 1893 г. Тифлис, 1892 г. С. 153.

² Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 88.

³ Андийский округ: Статистические данные, извлеченные из посемейных списков 1886 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 301.

⁴ Там же.

но из того факта, что, например, в Анчixe по переписи 1876 г. число дворов было 133 с населением 503 человека. Количество скота: лошадей – 50, ослов – 120, крупного рогатого скота – 500, овец – 5000, и это при страшном падеже скота в 1867 году. По некоторым данным в Аварском и Андийском округах потери составляли 67 тыс. овец¹. Как видно из этих данных, количество поголовья скота за 10 лет значительно сократилось при общем росте численности населения – 133 двора в 1876 г. и 158 дворов в 1886 г. Выходит, что за этот период количество овец сократилось на 405 голов, а крупного рогатого скота на 151 голову, тогда как по всему Дагестану наблюдается тенденция их роста. Хотя эти данные далеко не полные, все же по ним можно определить уровень развития скотоводческого хозяйства. Согласно статистики, на одно хозяйство в среднем в сел. Карата приходилось овец – 11,2 головы, крупного рогатого скота (далее КРС) – 3,5; в Анчixe соответственно – 29 и 2,2; в Арчо – 17 и 2,8; в Рачаболда 17 и 1; в Верхнем Инхело – 7,3 и 2,4; в Нижнем Инхело – 22,1 и 0,1; в Рацитле – 6 и 1,6; в Хелетури – 28,7 и 1,2. Для полного понимания состояния животноводства сравним эти данные с общедагестанскими, относящимися к 1898 г. По данным Кавказского календаря на 1898 г. в Дагестане было 2046457 голов скота на 125046 домов. На один дом приходилось голов: лошадей – 0,37, ослов и мулов – 0,26, КРС – 2,56, овец и коз 13,23². В Каба-Дарго на одно хозяйство в 1886 г. приходилось 5 овец³. По этим сведениям видно, что каралалцы особенно не отставали в развитии скотоводства от остальных частей Дагестана. Известно, что главным условием для его развития являются кормовые угодья, т.е. наличие пастбищ, лугов, сенокосов и др. Надо отметить, что по обеспеченности пастбищами каралалцы находились в тяжелых условиях. Отдельные селения вообще не имели ни пастбищ, ни лугов для выпаса скота. Согласно архивным данным, в сел. Карата во второй половине XIX в. имелись общественные пастбища на 1 тыс. голов КРС, в Анчixe общественных пастбищ хватало только на 2 месяца. В таком же положении находились и другие сельские общества. Так, например, хелетуридцам общественных пастбищ хватало только для КРС, в Арчо их было на 150 голов КРС. Рацитль и Верхнее Инхело находились в более выгодном положении. У них общественных пастбищ хватало на 3 месяца. В совершенно трудных условиях разводили скот нижнеинхеловцы, у которых вообще отсутствовали обществен-

ные пастбища⁴. Однако следует отметить, что отсутствие пастбищ не помешало им в разведении скота в достаточно крупных масштабах. Даже такие высокогорные общества, как Ункратль, Дидо, у которых пастбища имелись в изобилии, уступали каралалцам в животноводстве. В 1896 г. в Каратинском участке, куда входило 18 селений, население располагало скотом в следующих количествах: овец – 41340, коз – 2545, КРС – 4094; в Дидо соответственно – 10646, 1657, 2450; в Ункратль-чамалалском участке – 35305, 4608, 6149. В среднем на один дым в Каратинском участке приходилось овец и коз – 21,8, КРС – 2,75, тогда как в Дидо эти цифры составляют 13,3 и 2,4². Как видно из приведенного материала, каралалцы находились в очень тяжелом положении. Не имея своих пастбищ, они вынуждены были арендовать их у других союзов сельских общин. Поэтому у них выработалась отгонная система животноводства. «Объективная необходимость отгонного скотоводства, – пишет М.-З.О. Османов, – обусловлена несоответствием кормовых ресурсов на месте в летние и зимние периоды»³. Система заключалась в том, что летом (в конце мая) овец и коз перегоняли на летние пастбища, а в сентябре на плоскость. Отгонная система была сопряжена со многими трудностями. Эта форма скотоводства целиком и полностью зависела от политического положения Дагестана. В период Кавказской войны жителям Внутреннего Дагестана, в частности каралалцам, было запрещено перегонять скот на плоскость и даже на дидойские пастбища. Поэтому они вынуждены были содержать скот на стационаре, используя для этой цели сельские пастбища и горные долины. Характеризуя формы скотоводства этого периода, М.-З.О. Османов отмечает, что «... Авария была вынуждена временно переориентироваться и возобновить формы хозяйствования предыдущей эпохи (до XVI в.), а именно вновь поднимать собственное малопроизводительное земледелие»⁴.

В условиях малого количества кормовых ресурсов трудно было содержать большое количество овец и коз. Поэтому хозяевам приходилось сокращать их поголовье. В целом политическая нестабильность сильно влияла на развитие овцеводства. А для ведения интенсивного скотоводства в этих условиях каралалцам необходим был регулярный отгон на зимние пастбища. Согласно устной традиции, жители Каралалского общества летние пастбища арендовали у цунтинцев. Они имели также пастбища в Ункратле, в Кеди, Сильди и Гако.

¹ См.: Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990. С. 90.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 91.

³ Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII – XIX вв. Махачкала, 1973. С. 58.

⁴ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 115.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 10. Л. 20.

³ Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 159.

⁴ Там же. С. 51.

Это видно из приведенного выше договора между тиндинцами и каралалцами, датированного исследователями концом XVII – нач. XVIII вв. В совместном решении сельских обществ Хелетури, Анчих и Рачаболда Каралаского союза говорится: «Мы, 360 домохозяев, имеющих право голоса, собрались в присутствии каратинского общественного старшины на сход для обсуждения вопроса относительно выбора поверенного для принятия участия в торгах 30 мая сего года (1915 г.) и покупки казенной Дидоевской горы №4»¹. Для участия в торгах был избран житель селения Карата Халил Булач оглы. В более ранние времена каратинцы арендовали пастбища у шайтлинцев (Цунта), расположенные на Богосском хребте. Трасса перегона проходила по левому берегу Андийского Койсу через территории обществ Технуцал, Чамалал, Багулал (нынешние Ботлихский и Цумадинский районы). К перегону готовились заранее. Крупные овцевладельцы кооперировались и нанимали чабанов. Для сопровождения отары до места назначения они из своей среды выделяли несколько человек. На летних пастбищах овцы паслись до середины сентября, затем перегонялись в селение для стрижки и подготовки к зимнему отгону. Трасса зимнего перегона была длинной, поэтому худых и болезненных овец оставляли дома на стационарном содержании. На зимних пастбищах на случай суровой зимы необходимо было заготовить корма, привести в порядок кошары. Кроме того, в период окота чабаны нуждались в помощи. В силу этого на зимних пастбищах находилось большое число людей, на время поселившихся здесь.

Отгонное скотоводство подобного же типа практиковали и другие горцы Дагестана².

Каралалцы, как и другие горцы Дагестана, доили овец. Для дойки использовались специальные бурдюки из шкуры, очищенной от шерсти – «къвачла». Бурдюк привязывали к правой руке и доили обеими руками. Доением овец занимались только мужчины. Из овечьего молока готовили сыр, в основном для собственного потребления. Молоко заквашивали куском высушенного желудка новорожденного ягненка или теленка – «беква». Затем заквашенное молоко «эроб», «эрдоб» кипятили в котлах. После кипячения снимали массу «арта», процеживали её и солили. На время доения ягнят «кбили» от-

деляли от овец. Уход за ними обычно поручали детям. Стрижка овец производилась два раза в год, до перегонов на альпийские луга и на плоскость. Стригли мужчины и женщины специальными ножницами. Шерсть служила основным материалом для изготовления сукна, войлока, паласов, веревок и т.д. Как и у всех горцев, КРС (коровы - «зене», «зине»), волы - «унса», телки - «члара») у каралалцев не подлежал перегону. Зимой он оставался в горах и находился на стойловом содержании. Поэтому заготовке кормов придавалось большое значение. «Во внутреннем Нагорном Дагестане корма земледельческого происхождения занимали главное место в кормовой базе», – писал М.-З.О. Османов¹. Но в то же время земледелие было маломасштабным, поэтому оно не могло быть достаточно емким источником кормоприпасов². В этом плане в Каралалском обществе в лучших условиях находились каратинцы, арчинцы, рацитлинцы. Они же владели большими сенокосными участками, что позволяло им заготовить сено в достаточном количестве. Согласно статистическим данным, в сел. Карата в собственности имелись участки на 5200 выюков, а в общественной собственности на 500. В Арчо в частном владении находился покос на 1515 выюков. В Верхнем Инхело в собственности жителей имелся покос на 2000 выюков. В Анчихе, где достаточно хорошо было развито скотоводство, в собственности общинников был покос на 776 выюков; в Хелатури – на 873 выюков, в Рачаболде – на 329 выюков. В очень тяжелых условиях находились жители нижнего Инхело, где почти не было покосов. Они корма заготавливали в основном на садовых участках. В собственности же жителей находился покос на 35 выюков³.

Заготовкой сена занимались мужчины, женщины и дети от 10 – 12 лет. На более или менее ровных участках, где площади сенокоса были достаточно велики, мужчины косили косой «кунтла харицел». Но поскольку таких площадей в горах было незначительное количество, то в целом заготовкой сена занимались женщины. Они пользовались маленькими, наиболее распространенными в горах косовидными серпами «гьаклколъи харицел». Скошенное сено на ослах возили в селение в сопровождении детей и подростков. Время это называется «багьир багъа» – буквально «начинать брать» и завершается глубокой осенью. Привезенное сено сушили на крышах хлевов-сенников «гьинце». При сушке сено постоянно переворачивалось при помощи деревянных вил «кванкья». Процедура эта называлась «гунчла кванкья». После сушки сено через специальное отверстие, которое

¹ ЦГА РД. Ф. 171. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

² См.: Исламмагомедов А.И. Аварцы: Историко-этнографическое исследование. XVIII – начало XX века. Махачкала. 2002. С. 168; Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала. 2002. С. 83; Ризаханова М.Ш. Гинухцы XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006. С. 91 – и др.

¹ Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 103.

² Там же.

³ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 115.

имелось на крыше, засыпалось в хлев, где складывалось в стог квадратной формы «рокьер». В некоторых сельских обществах, где имелись значительные площади сенокосов, после покоса сено для сушки оставалось в поле (Карата, Арчо, Рацитль, Верхнее Инхело). После сушки сено перевозили в селение на вьючных животных и складывали в стога. В прошлом, там, где возможно было заготавливать сено в большом количестве, его сушили и скирдовали («Гари») на месте.

В отдельных обществах существовали и общественные покосы «гъаниль хандер». Правда, в Каралалском союзе они имелись только в сел. Карата. На общинных сенокосах выпас скота строго запрещался. Сенокосы ежегодно распределялись между хозяйствами селения, при этом учитывались качество покоса, его месторасположение (удаленность от селения). В качестве корма для стойлового скота широко использовалась мякина «унсе». Её мешали с сеном и другими качественными кормами и давали животным. Чаще всего ею вскармливали волов «унса». Здесь созвучие номинаций «мякина» и «бык» мы считаем не случайным. Дойных коров подкармливали специально изготовленной массой из сена, хлебных отходов и отрубей «нигъо», что способствовало увеличению надоя молока. Из коровьего молока каралалцы сбивали масло. Для этого молоко держали в широких гончарных сосудах «шаггила шурум», «шумур» до образования сметаны. Затем снимали её, скисшее молоко «эроб», «эрдоб шуй» наливали в специальные керамические сосуды с одной или двумя ручками «даде» и сбивали масло. Процесс этот «шаре кклоба» (бук. «убить обрат») обязательно требовал тепла. После снятия масла из обрата «шаре» путем подогрева делали творог «эса», который засаливали и изготавливали из него разные сорта сыра «бетин». Сыворотку использовали в пищу, ею также поили дойных коров. Жители горно-долинных зон не всегда могли заготовить достаточное количество кормов. Поэтому в зимний период для пастбы скота использовались пастбища долин, пригревы.

В стойле кроме коров и телок содержали также скот, связанный с сельхозработами – волов, лошадей, ослов, а также овец, не подлежащих перегону на длительное расстояние. Обычно из них составлялись отары в 300 – 500 голов, которые отгонялись в долины Ботлихской котловины, Андийского Койсу. Выпасали их также в садах сел. Тлох (Ботлихский район), Нижнее Инхело и Игали (Гумбетовский район). Жители этих селений в зимний период свободно, без платы, разрешали пасти овец на своих полях. Ставилось единственное условие – включение овец в отару местных хозяев. Дело в том, что в этих обществах садоводческой направленности скотоводство было

слабо развито. Лошадей, которые стоили довольно дорого, здесь было не много. В то время хорошая лошадь стоила в среднем 30 руб., тогда как осел – 10 руб., корова или бык – 20 руб., а баран – 3 руб.¹ Для покупки лошади необходимы были даже ходатайство и рекомендация от наибова общества, дающих на это разрешение. Сохранилось письмо раиса и судей сел. Анчих каратинскому наibu следующего содержания: «Наibu Тауш Мухаммеду – Аль-Караты. Мир Вам. После подачею письма Ч(з) Агалав бну Муталим аль-Анчихи позволено поехать для покупки красной лошади с белыми пятнами семилетнего возраста. И он просит от тебя письмо для того, чтобы получить разрешение на это у хакима. Я раис Анчихи и судьи Анчиха. 12 июля 1887»². Внутри общества, разумеется, купля-продажа осуществлялась свободно. Какое-то ограничение, видимо, существовало, когда лошадей надо было приобретать в других обществах, наибствах. В 80-х годах XIX в. в союзе Каралал лошадей насчитывалось всего 200 голов³, а в 1896 – 372⁴. О малочисленности лошадей еще в первой половине XIX в. говорит и тот факт, что каралалцы выставляли Шамилю в основном пеших воинов. «Вооруженных могут дать до 1500, – пишет Р.Ф. Розен, – конных почти вовсе нет»⁵. Малочисленность лошадей объяснялась и ограниченностью кормовой базы, дороговизной, и небольшим применением их в хозяйственных работах. Имеющихся лошадей зимой вместе с овцами перегоняли на плоскость.

Большую роль в хозяйстве играли ослы, каждое хозяйство имело их одного – двух. Согласно данным 80-х годов XIX века, в Каралалском союзе сельских общин содержали 1548 ослов.

Каралалцы занимались также и пчеловодством. Официальными данными об уровне развития здесь пчеловодства мы не располагаем. Однако, наличие местных номинаций, имеющих прямое отношение к этому, убеждает нас в том, что пчеловодство являлось древним занятием каралалцев: пчела «пера», воск – «ширу», мёд – «гъунце», улей – «гъанур», рой, матка, соты и т.д.

Таким образом, благодаря климатическим условиям и рельефу, у каралалцев было развито многоотраслевое хозяйство. В рамках общества они производили все необходимое не только для удовлетворения своих потребностей, но и для обмена и продажи как внутри общества, так и за его пределами.

¹ Хашаев Х.-М.О. Указ соч. С. 91.

² Перевод Кандурова. Письмо хранится у него же.

³ Посемейных список ... 1886. Л. 2, 268, 328 – 329.

⁴ Ведомость о количестве скота... в 1896 г. Л. 20.

⁵ Розен Р.Ф. Указ. соч. С. 290.

Домашние промыслы. Рядом с земледелием, садоводством и скотоводством развивались у каралалцев и кустарные промыслы, которые играли важную роль в местной экономике. Почти все исследователи хозяйства горцев почему-то склонны считать, что недостаток пахотных земель и низкая продуктивность скотоводства заставили их искать дополнительные источники дохода. Подобными источниками, по их мнению, были кустарные промыслы. На наш взгляд, домашние промыслы целиком и полностью зависели от имеющегося в наличии сырья. В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» писал, что «домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве, которое его добывает»¹. Действительно, развитое животноводство давало сырье для изготовления обуви, одежды, предметов домашнего обихода. Наличие леса обеспечивало горцев не только строительным материалом, но и способствовало развитию деревообработки. В целом промыслами занимались те общества, где в достатке была сырьевая база. Каралалцы издревле занимались обработкой шерсти, кожи, дерева, камня. Отдельные селения, в частности, Нижнее Инхело, специализировались в производстве поваренной соли, алакцы в изготовлении деревянных ларей. Карата, Арчо, Анчих были известны далеко за пределами Дагестана производством высококачественного сукна. К.Ф. Ганн, побывав в этом крае в начале XX в., пишет: «Карата, как и соседние аулы Анчиго и Арчу, славится своими «шалями» (лезгинское сукно)², хороший кусок которых можно приобрести за 20-30 рублей. Надо удивляться такой дешевизне, так как одна женщина 3 – 4 месяца работает над таким куском»³. Далее автор пишет о сложности и трудности процессов изготовления сукна. О мастерстве каралалских суконщиц рассказывают, отмечает он, что ткачиха часто не справляется со своей задачей к сроку, так как много думает – гадает, как скрутить нить из двух с половиной волосинок, потому что из двух нить тоньше, чем хочется, а из трех волосинок толще положенного. Это мастерство передавалось из поколения в поколение⁴. Он же сообщает, что в Каралалском обществе выделяли также хорошие паласы⁵. Крупный специалист по кустарным промыслам А.С. Пиралов отмечает, что «в Андийском округе сел. Арчо, Анчих, Карата, Хелатери, Тинди выделяют белые сукна, имеющие большой сбыт в Тифлисе. Особенно славится ими Карата, вырабатывающая до 400 кусков на 4000 руб-

¹ Ленин В.И. ПСС, т. 3. С. 328.

² Под термином «лезгинны» в русских источниках подразумевались все дагестанцы.

³ Ганн К.Ф. Указ. соч. С. 226.

⁴ Там же С. 227

лей»¹. Специальные исследования показали, что эти сукна – лучшие на Кавказе². Согласно данным переписи 1886 г., мастерицы из Арчо, Анчиха, Караты и Хелетури в общей сложности производили более 100 кусков белого сукна высокого качества³.

Высококачественные сукна вырабатывались и у других горских народов⁴. Обработкой шерсти и производством из нее изделий занимались женщины. Стриженная шерсть «мехе» тщательно очищалась, затем промывалась, сушилась и разрыхлялась руками («мехе баха»). Для этой цели организовывали женские посиделки «гвай», тип взаимопомощи. Окончательное очищение шерсти производилось на специальном инструменте «гьякью» – чесалке, распространенной у всех горцев Дагестана. Расчесанная шерсть шла на изготовление сукон, паласов, хурджинов и т.д., а остатки «гьяре» – на производство войлока «буртинка».

Прядение ниток шло двумя способами. Для прядения тонких ниток, которые шли на изготовление первосортных сукон, пользовались специальным станком из дерева, состоящим из тумбы и стояка высотой 1-1,5 м.: через который пропускалась нить с веретеном «минго». Нить для более грубых сукон и паласов пряли на веретене с пряслищем. Изготовление сукон и ковровых изделий производилось на деревянном станке. Основой ткацкого станка у каралалцев были жерди, укрепленные в вертикальном положении. Обработкой шерсти и производством сукон, паласов и других шерстяных изделий занимались почти все каралалцы, за исключением жителей Нижнего Инхело.

Нижнеинхеловцы, как мы указывали выше, славились производством соли. На протяжении многих веков они обеспечивали солью жителей данного региона. Даже из высокогорных, пограничных с Грузией районов, приезжали сюда приобретать соль. Академик И.А. Гюльденштедт, автор второй половины XVIII в., пишет, что «поваренную соль получают они (цунтинцы, гузибцы, капучинцы, анцухцы – авт.) от ключей, находящихся близ Андии, дают за нее ровную меру пшеницы»⁵. «Близ селений Нижнее Инхело и Кванхидатль, – читаем

¹ Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 43.

² Там же.

³ Посемейный список Каратинского населения... С. 2–3.

⁴ См.: Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. С. 112; Она же. Рутульцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. М., 2004. С. 121; Она же. Агулы. С. 69; Курбанов М.-З.Ю. Сюргинцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006. С. 77; Лугуев С.А. Балхарны. XIX – начало XX века: Этнографическое исследование. Махачкала, 2008. С. 89. и др.

⁵ Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия акад. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770 – 1773 гг. СПб., 1809. С. 129.

мы в Кавказском календаре, – находятся соляные источники, содержащие в растворе много соли. Жители этих селений, не имея пахотных земель, исключительно занимаются вываркой соли из этих источников. Соль продается и обменивается на зерно в окрестных аулах»¹. Достаточно сказать, что в период Кавказской войны имам Шамиль жителей этих освобождал от военной службы мужское население на условиях обеспечения солью Имамата. О значительном количестве соли, которую здесь добывали, говорит также перечень податей, собираемых Умма-ханом. Согласно этим данным, жители Нижнего Инхело обязаны были платить 40 мерок соли². Производство соли было нелегким делом. Оно зависело, в частности, от дров для выпаривания, которые на данной территории вообще трудно было достать. Дрова сплавляли из Цунта по Андийскому Койсу. Тот же А.И. Гюльденштедт сообщает, что производство соли в названных селениях зависело от дров, которые они получали из Дидо (Цунта). За это жители общества Шайтль получали доход солью³. Статистические данные, извлеченные из посемейных списков 1886 г., не дают нам точного количества соли, добываемой в Нижнем Инхело, но здесь отмечается, что это зависело от наличия дров⁴. Хотя местные жители были садоводами и занимались скотоводством основной доходной статьей у них была добыча соли.

Технология соледобычи была выработана еще в раннем средневековья и, надо сказать, что в этом деле местное население достигло высокого уровня.

В Нижнем Инхело, в местности «Торе», у самого берега Андийского Койсу, имеются источники с большим содержанием соли – «регьел». Рядом находится речной песок темного цвета «сора», главное сырье для добычи соли. Участок, где сушится речной песок, разбит на достаточно большие квадратики. Сюда, при помощи ёмкости из бараньей шкуры «секу», набирают воду с песком и заливают на заранее подготовленные площадки. После этого набирается нужное количество песка, которое заливается соленой водой. На 8-й день на поверхности песка образовывается слой высохшей соли. Эту массу вместе с песком собирают в кучу и ссыпают в ёмкость «коро» прямоугольной формы, высотой 1 – 1,5 м. В основании «коро» имеются два небольших желоба, установленные друг над другом. После того, как «коро» наполняется смесью песка и соли, его заливают соленой водой. Вода протекает через верхний желоб в нижний. То, что остается

в нижнем желобе, наливают в кувшины из тыквы «гунзар» и несут в селение. Этот полуфабрикат наливают уже в более крупный желоб. Затем идет процесс выварки соли в специальном сосуде «цухури». В ходе выварки жидкость испаряется и в цухуре остается почти готовая продукция, которую процеживают, пропуская через плетенную корзину «гизу». Через сутки, после сушки, получают белоснежную, высокого качества продукцию, готовую к употреблению – поваренную соль.

Селение Нижнее Инхело в прошлом славилось своими мастерами – пильщиками. Они обеспечивали жителей многих селений этого края досками различной толщины. Для изготовления досок требовались большие физические усилия. За неимением собственного леса им приходилось регулярно сплавлять его из Цунта по бурному Андийскому Койсу. Сплав леса порой не обходился без человеческих жертв. Но, тем не менее, этим промыслом нижеинхеловцы занимались с давних времен, он приносил им немалый доход. Пользовались они специальной пилой «хохамдиро», длиной более 2 м, постепенно расширяющейся снизу доверху. По своей конструкции «хохамдиро» рассчитана только для вертикального пиления. Снизу на пилу насаживали деревянный диск с двумя ручками и с прорезью в центре. Этим простым инструментом мастера регулировали качество пиления. В верхней его части имелось небольшое отверстие, куда вдевалась деревянная ручка. Пилить сверху разрешалось только опытному мастеру, а напарником снизу мог быть и новичок. Пиленные доски складывали друг на друга для сушки. Между ними обязательно клали деревянные бруски во избежание искривления досок. Согласно данным на 1896 г., в Каралалском обществе было всего 11 пильщиков¹. Вероятно, все они были жителями сел. Нижнее Инхело.

Мастерами по дереву славилось также сел. Алак. Его умельцы издавна специализировались изготовлением крупных деревянных ларей. У каралалцев почти каждое хозяйство имело подобные лари, некоторые даже по два. Их использовали для хранения зерна, муки, мяса и других быстропортящихся продуктов питания. Алакские мастера обеспечивали своими оригинальными ларями и жителей соседних обществ – Технуцал, Анди, Багулал и др. Деревообработка была развита и в других селах общества Каралал. В каждом ауле мастера делали из дерева различную посуду: вилки «гьеру», «кланкья», большие тарелки «шумур», «шурум», миски «цантлур», шумовки «хинклахол», черпаки «кой», ложки «бехун». Из дерева изготавливались также дет-

¹ КК на 1813 г. Тифлис, 1812.

² Очерки по истории Дагестана. С. 147 – 151.

³ Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 129.

⁴ Статистические данные ... РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Л. 2.

¹ Ведомость о числе ремесленников за 1896 г. в Андийском округе // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

ские люльки «кени», кровати «манга», различные станки, оборудованные для обработки шерсти, кожи, тканья паласов и сукон, меры сыпучих тел, сельскохозяйственные орудия труда, а также улья для пчел. Обработанное дерево с узорной резьбой использовали для внутренней отделки комнат, перегородок, подпорных столбов. Широко использовали дерево и в домостроительстве. В целом, в каждом ауле были свои мастера по обработке дерева («лураль», «лудилоль устар»), которых нанимали при строительстве домов. Всего в Каралалском обществе по данным на 1896 г. было 25 плотников.

С древних времен достаточно был развит промысел по обработке металла. Большим спросом у местного населения пользовались сельхозорудия, которые изготавливались в каждом селении – лемех «къобо», мотыга «магал», лопата «беле», вилы «кванкья», серп «ха-рицел», топор «анжит» и др. Местные кузнецы производили также миски, подносы, кастрюли «хъаге», подковы «лале» и гвозди к ним «лале клодоб гьанкля». Кузнецы («кубаль устар» или «къебед» – букв. «железный мастер») в основном выполняли заказы местных жителей. Свое мастерство они передавали по наследству. Каждый мастер имел свою кузницу «ганхурь». Главным оборудованием мастерской были горн с мехами «перело» с острым концом, изготовленными из шкуры крупного рогатого скота в виде гармошки и приводимые в движение шнурком, привязанным к верхнему концу «перело»: наковальня, клещи, точило, молот и сосуд для воды. В качестве топлива применяли древесный уголь, который ссыпали в специальное гнездо, расположенное перед горном. По сведениям 90-х годов XIX в., в Каралалском обществе было 15 кузнецов¹. В основном они находились в наиболее крупных селениях: в Карате, Анчихе, Алаке, Верхнем Инхело, Хелетури. В целом, в рамках натурального хозяйства, население общества Каралал занималось разнообразными промыслами. Отдельные из них уже в XIX в. приняли товарный характер: это добыча соли, производство сукна, ларей и досок. Они давно превратились в самостоятельные отрасли хозяйства, имевшие важное значение в экономической жизни жителей Караты, Арчо, Анчиха, Нижнего Инхело и Алака. Остальные виды кустарных промыслов были рассчитаны для удовлетворения внутренних потребностей.

Торговля и пути сообщения. Торговля является одним из важных аспектов, показывающих уровень развития и специализации хозяйства горцев. Она определяет также степень развитости экономических связей как внутри союза, так и между отдельными обществами.

¹ Ведомость о числе ремесленников за 1896 г. в Андийском округе. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

Выше, характеризуя экономику Каралалского общества, мы говорили, что отдельные селения специализировались по производству той или иной продукции. Существовала специализация также и в области кустарной промышленности. Процесс этот начался еще задолго до XVIII в., что способствовало зарождению и развитию межобщинного обмена. Поэтому торговля, развивавшаяся издавна, в XVIII – XIX вв. стала более интенсивной. В этот период в рамках натурального хозяйства развивалось простое товарное производство. Об этом свидетельствуют сообщения письменных источников и историко-этнографический материал. Согласно устной традиции, в Каралалском обществе издавна функционировал базар в местности «Зани ккляле». Сюда стекались еженедельно не только жители общества Каралал, но и технуальцы, андийцы, багулалы, чамалалы, ахвахцы и др. Здесь осуществлялся обмен излишками продукции полеводства и животноводства, а также изделиями кустарных промыслов.

Ассортимент привозимого на продажу товара, естественно, зависел от занятия населения, направленности хозяйства. Так, например, каратинцы и арчинцы для товарообмена привозили картошку, а из кустарных изделий сукно, паласы, кожу, одежду и др. Основным товаром жителей Нижнего Инхело были фрукты и соль. Анчихцы в прошлом реализовывали здесь фрукты, виноград, шерстяные и кожаные изделия, жители Верхнего Инхело – чеснок, рачаболдинцы – морковь. Жители высокогорного аула Рацитль привозили сюда черные бобы. На Занибазаре можно было приобрести продукты из Ахваха (сыр, масло, брынза), Технуцала и Анди – бурки. В свою очередь, последние закупали здесь шерсть, сукно и различные шерстяные изделия. В прошлом бурки менялись только на шерсть (черного цвета), фрукты – на зерно, картошка, фасоль – на продукты животноводства. В регионе издавна существовали и другие торговые центры, которые играли важную роль в экономике каралалцев – Ботлих, Анди и Хунзах.

Существовала и другая форма реализации излишков производства. Это, если можно так выразится, кунацкая. Так, например, нижеинхеловцы возили свою соль в различные селения к своим кунакам и оставляли её у них для обмена на зерно, картошку и т.д. Точно также поступали и жители других селений. Они привозили свои излишки, которые без участия хозяина сбывал кунак. Надо отметить, что подобная форма реализации была весьма распространенной. Такая форма товарообмена особенно стала развиваться в период Кавказской войны, когда были нарушены не только внешние, но и внутренние торговые связи. В годы освободительной борьбы горцы оказались в тяжелых условиях. Почти все крупные торговые центры бездейство-

вали. Оказавшись в тяжелом положении, население вынуждено было искать пути к развитию торгово-экономических связей. Имам Шамиль, обеспокоенный положением дел, стал принимать срочные меры по восстановлению старых торговых центров на подвластной ему территории. Так, в рапорте ген. М. Ключки фон Клугену ген.-адъюту. Нейдгарту сообщает: «... Шамиль видит бедность горцев, знает их взаимные нужды и дабы показать, что входит в их положение, приказал учредить в Карате базар, бывший там еженедельно по пятницам для общей мены товаров»¹.

Большое внимание Шамиль уделял благоустройству дорог, их безопасности и спокойному передвижению торговцев. По его указанию эти функции были возложены лично на наибов. Бывали случаи, когда торговцев грабили даже на территории Имамата. Подобные факты имели место и в Каралалском наибстве. По этому поводу Шамиль написал наibu Галбацдибиру достаточно грозное письмо следующего содержания: «От Шамиля к самому благородному Галбацу. Позорно, что вы, будучи направляющими людей на правильный путь, допускаете грабежи. Если даже вызывает опасение, надобно, чтобы путникам была обеспечена безопасность»². Благодаря принятым мерам были возобновлены еженедельные торги в крупных центрах Имамата. «Благодаря своевременным мерам, – пишет В.Г. Гаджиев, – Хунзах, Салта, Унцукуль, Согратль, Чох и др. превратились в крупные торговые центры Имамата. Возникли и новые рынки»³. Кроме того, по указанию Шамиля были произведены работы по благоустройству старых и прокладке новых дорог. Эти меры Шамиля, как справедливо отмечает В.Г. Гаджиев, «имели огромное значение для развития внутренней и внешней торговли Имамата»⁴.

В связи с этим, горцы Западного Дагестана, в том числе каралалцы, заметно оживили свою торговлю. Изделия кустарно-ремесленного производства, продукцию животноводства и земледелия они возили в крупные торговые центры Чечни и Дагестана вплоть до границ Грузии. Наряду с другими обществами Дагестана, Каралал являлся основным поставщиком сукна на внутренние рынки государства Шамиля.

В период освободительной борьбы жители сел. Нижнее Инхело и Кванхидатли полностью обеспечивали имамат солью. Они долж-

ны были ежегодно доставлять в Ведено 500 кали соли. Естественно, излишки они продавали в наибствах Дагестана, за исключением близких к Казикумухскому ханству обществ. Жителям этих двух селений продажа соли давала большой доход. Надо отметить, что если в начале XIX в. излишки они меняли в основном на зерно и картошку, то в ходе борьбы горцев стали продавать её исключительно за деньги. По словам Шамиля, каждое их семейство имело не менее 1000 руб. серебром в год, что составляло в горах весьма значительную сумму¹.

Окончание Кавказской войны и принятие царизмом мер по ослаблению экономических санкций в отношении горцев Дагестана (снятие торгово-экономической блокады) привели к заметному оживлению торговли. Стали возрождаться старые торговые центры. О горских базарах О.В. Магграф писал следующее: «В каждом пятом или десятом селении Дагестана еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары. Из земледельческих и садовых округов привозят семена на посев, фрукты, пеньковые изделия, женщины выносят свои сукна, ковры, паласы, готовые черкески, а другие – шелковые и металлические ленты, овцеводы пригоняли на продажу стада овец. Все меняют, покупают, продают»². Здесь надо уточнить, что торги осуществлялись не только по пятницам, как это утверждает О.В. Магграф, но и в другие дни недели. Так, например, в регионе существовали узловые и зональные рынки, открывались они в пятницу в нынешнем Агвали, в субботу в Зани (Карата), в воскресенье – в Боглихе. Крупным торговым центром было также сел. Анди, куда стекалось население многих обществ Дагестана, в том числе каралалцы. По описанию автора второй половины XIX в., Анди был крупным торговым центром, где можно было приобрести товары не только местного производства, но и из Персии и Турции. Н. Дубровин сообщает, что «предметами торговли здесь были лошади, оружие из Кубачи, из Персии и Турции, бурки, стоившие от 3 до 5 руб. и т.д.»³ Однако остаются неизвестными дни торгов в Анди. Вероятно, здесь существовала своего рода сезонная ярмарка, куда в основном съезжали Дагестанцы и чеченцы.

Все местные рынки отличались широким ассортиментом товаров. По свидетельству Мочульского, горцы Западного Дагестана занимались торговлей бурками, оружием, шерстяными тканями, шер-

¹ ДГСВК. С. 384.

² Там же. С. 501

³ Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Говарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 126.

⁴ Там же. 127.

¹ Там же. С. 129.

² Магграф О.В. Очерки кустарей промышленности Северного Кавказа. М., 1882. С. 35 – 36; См. также: Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 121.

³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. 500.

стью, маслом, сыром, кожей. Соль они получали из сел. Нижнее Инхело и Кванхидагль или же из шамхальства Тарковского, железо – из Грузии¹. Здесь можно было приобрести также фабрично-заводские изделия. До начала Кавказской войны они проникали сюда из Грузии и Дербента, у которых были широкие торговые связи с восточными странами. Не случайно, что на каралалском языке эмалированную посуду называют «чинициантлур», т.е. посуда из Чина (Китай). Как свидетельствуют письменные источники, каралалцы вели активную торговлю с Грузией и Дербентом, где они в основном реализовывали свои прославленные на всем Кавказе сукна. Мы выше привели многочисленные обращения жителей общества Каралал к русскому командованию на Кавказе с просьбой, чтобы им разрешили, как и прежде, торговать с Грузией. От имени каралалцев к власти обращались также представители Хунзахского ханства, у которых были хорошие отношения с Россией. Так, один из аварских феодалов, Алисканди, обратился в 1802 г. к князю Цицианову с просьбой разрешить жителям общества Хунз, Баклола (Бакълъулал - Гумбет) и Каралал ездить для торговли в Грузию, как и прежде². Эти и другие документы свидетельствуют о том, что торговля каралалцев с Грузией носила традиционный и масштабный характер.

По свидетельству письменных источников, жители Западного Дагестана продавали свои товары в Персии через гор. Дербент, частью – в Грузии и в других «соседственных им местах»³.

Во второй половине XIX в. торговые связи еще более расширились. Торговые пути, следовавшие в Закавказье и на плоскость Дагестана, стали безопасными и свободными. В этот период бурно стали развиваться товарно-денежные отношения. Все большее обращение получали денежные знаки, так называемые ханские, а также иранские, османские, голландские гульдены и русские рубли. Особенно были в ходу серебряные монеты⁴. В большей части ими пользовались для украшения женских нарядов. Как отмечает В.Г. Гаджиев, «русских ассигнаций в горах было очень много, но они не имели никакой ценности, и часто не узнаваемые в своем достоинстве, уничтожались, а те, кто понимал, что это денежные знаки, немедленно сбывали в русских крепостях»⁵. Тем не менее, уже к концу XIX в. горцы широко стали пользоваться российскими денежными знаками, что способствовало

дальнейшему развитию товарно-денежных отношений и у каралалцев. Исследователи этой проблемы единодушны в том, что во второй половине XIX в. товарно-денежные отношения стали проникать во все уголки Дагестана и втягивать его в общероссийское русло экономического развития¹.

Каралалцы тоже были втянуты в общее русло экономического развития Дагестана в целом. Главные торговые пути, связывающие общества Каралал с торговыми центрами Дагестана, Грузии и Чечни, в древности проходили там же, где и ныне проходят основные магистрали, соединяющие эти регионы. Торговые пути, связывающие каралалцев с внутри-дагестанскими рынками, проходили через Ботлих в Анди, оттуда же – в Тлох, Нижнее Инхо, Чирката, Гузна, Каранай – и далее – в Темир-Хан-Шуру. На хунзахский базар каралалцы в основном шли по древней дороге – через Рацитль по хребту Толохори. Позднее была проведена дорога по Койсу, через Тлох, Харахи – в Хунзах. Торговый путь, соединяющий каралалцев с Чечней, шел через Ботлих, Тандо, Керкетский перевал, Харачой, Ведено и в Грозный.

Существовали также древние торговые дороги, которые связывали каралалцев с Грузией и Закавказьями. Одна из них шла через общества Ахвах, Ратлу-Ахвах, Томс, Анцух, Джурмут – в Закавказья. Другая дорога шла через Багулал, Хварши, Богосский хребет, Цунта, Кодорский перевал – в Грузию.

Таким образом, вышеприведенный материал свидетельствует о том, что в обществе Каралал в силу естественно-географических условий издревле сложилось многоотраслевое хозяйство – земледелие, животноводство, садоводство и виноградарство. Хорошо была развита кустарная промышленность, изделия которой не только удовлетворяли их собственные потребности, но и шли на продажу.

Можно сказать, что каралалцы, тщательно обрабатывая принадлежащие им земельные угодья, полностью обеспечивали себя продукцией сельского хозяйства. Этому способствовала также сложившаяся еще в более ранний период хозяйственная специализация внутри общества. Торгово-экономические связи с обществами Дагестана и Чечни, а также со странами Закавказья сыграли огромную роль в хозяйственном развитии каралалцев.

¹ См.: Хашаев Х.-М.О. Указ. соч. С. 120.

² АКАК. Т. 21. С. 755.

³ Ахвердов А.И. Описание Антль-Рагля. 1832 г. // ИГЭД. 1832 г. С. 226.

⁴ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 124.

⁵ Там же. С. 131.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Нахшунов И.Р. Прогрессивное влияние России на экономику дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1954; Хашаев Х.-М.О. Указ. соч.; Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984. и др.

Все эти факторы непременно вели к имущественной и социальной дифференциации общества. Процесс этот особенно усилился во второй половине XIX в.

Общую характеристику хозяйства каралалцев дают следующие показатели¹:

Союз общин. Участок	селе- ний	хо- зяйств	пахотные земли (дес.)	сено- кос. (дес.)	КРС	МРС	лоша- дей	ослов
Каратинский союз общин	9	1128	575	258	2224	20357	235	836
Каратинский участок	18	2344	1012	966	6348	41246	546	1597

По определению М.-З.О. Османова, это был горный хозяйственно-культурный ареал пашенных земледельцев и отгонных скотоводов, причём земледелие не было ни развитым, ни масштабным, преимущественно террасным. Орудие труда в земледелии – горское рало, агротехнические приемы – паровая и плодосменные системы. Земледелие багорное, развито удобрение. В долинах – развитое и специализированное садоводство, виноградарство. Развитие скотоводства не соподчинено земледелию, по преимуществу отгонное. Хорошо развиты домашние промыслы и отходничество².

¹ См.: Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996. С. 282, 292.

² Там же. С. 244 – 245.

ГЛАВА III МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселение. Поселения каралалцев располагаются по склонам ущелий, на берегах правых притоков р. Андийского Койсу. Как и другие народы Дагестана, каралалцы при выборе места для селения руководствовались соображениями безопасности от стихийных бедствий (обвалов, камнепадов, снеговых лавин, селевых сносов и др.). Народная практика, веками копившийся опыт поколений, давали возможность довести до минимума подверженность поселения указанным или каким-либо другим бедствиям. Кроме того, населенные пункты располагались таким образом, чтобы основные сельскохозяйственные угодья (пашни, сенокосы, пастбища) находились бы неподалеку. Немаловажен был фактор естественной защищенности поселения и подступов в нему от возможных вторжений. Исключительно важное значение имело также наличие расположенного вблизи источника воды (реки, ручья, родника). Кстати, в старых кварталах с. Карата родников не было, река протекала на значительном расстоянии. Поэтому в селение вода подавалась по керамическим трубам, проложенным от небольшого ручья родникового происхождения на расстоянии 3, 5 – 4 км. От центрального водопровода вода посредством тех же труб подавалась к кварталам. Возможно, что керамические трубы изготавливались и обжигались здесь же, на месте: при строительных работах каратинцы порой находят глиняные заготовки трубы, наклепанные на деревянные бруски, что возможно говорит о технологии их местного изготовления. По другим сведениям, керамические трубы для каратинского водопровода привезены сюда балхарскими гончарами. Наконец, один из традиционных и общих для народов горного и высокогорного Дагестана принципов располагать поселение является возможная ориентация их на юг, с расчетом максимального использования населением солнечного света и тепла¹.

¹ Об этом для дагестанских народов вообще более подробно см.: Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане // ИГЭД. С. 346; Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. 3. Тифлис. 1870. С. 24; Марков Е. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Вып. 9. СПб.: М., 1883. С. 115; Лопухин А. Журнал путешествия через Дагестан // ИГЭД. С. 30; Аедоницкий В.А. Из поездки в Дагестан летом 1914 г. // Естественные и география. № 8 – 10. 1916; Исламмагомедов А.И. Поселения аварцев в XIX – XX вв // УЗ ИИЯЛ. Вып. 12. Махачкала, 1964. С. 156 – 162; Он же. Аварцы: Историко-этнографическое исследование. XVIII – начало XIX века. Махачкала, 2002. С. 101; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. и др.; См.: также соответствующие разделы серии историко-этнографических исследований, выполненных сотрудниками Института ИАЭ ДНЦ РАН.

Каралалцы, как и дагестанцы вообще, знали два типа поселения: селение – «гъане» и хутор – «коли» (киле).

Когда население с. Карата жило еще на старом месте (т.е. в с. Эшхъа), туда переселились жители окружающих хуторов. Это были семьи из хутора «Боклохъ», расположенного на небольшом холме к западу от нынешнего с. Карата (в районе здания бывшего райкома партии); к югу от старого селения располагался хутор «Жвалаинци» («Родник у кустарника»), население которого тоже слилось с эшхъинцами; сюда переселились семьи из хутора «Макарил гъай» – «Квартал Макара» (это сравнительно новое его название, старинного никто уже не помнит); с востока пришли в селение жители хутора «КъулкIа». На новом месте все они основали отдельные кварталы, заселенные в основном представителями тухумов соответственно Паквибай, Абзабай, Сукарди и Буралди. Сюда же переселились жители из хуторов «ТицIила», «КIкIира» и еще из одного хутора, название которого выяснить не удалось.

Раньше других на новом месте была заселена солнечная сторона. Она состояла из нескольких участков, каждый из которых имел свое наименование: «Бегъали», «Гъердакъи», «Гванда», «ГъабчIаб гъай» (т.е. на равнине) и др.

У каралалцев, как и повсеместно в Дагестане¹, активно прошел процесс распада малых тухумных и образования крупных территориально-тухумных поселений, начавшийся в средневековье, в основном завершившийся в XVI в., но в некоторых местах продолжавшийся даже в XVI – XIX вв.

Как и в других селениях Дагестана, первоначальное расселение людей у каралалцев носило родственно-тухумный характер. В подавляющем большинстве случаев различные части-кварталы (квартал – къватIа) селения были заселены представителями тех или иных тухумов. Со временем население смешалось, и хотя порой название частей селений именуется названием тухума, родственный принцип расселения сменился территориальным. Так, с. Карата, кроме уже указанных выше, делится на следующие части, возникшие исторически недавно: «Игъоракъи» («Под озером»), «Гъонохъ» («У холма, возвышенности»), «КъорайчIохиги» («За хозяйством»), «Чахха» («Щебень, мелкий камень»), «ЦIанакъи» («У колючки»), «Рехханлъя», «ЧIванчIвакъара» и др. Старые части селения, как раньше, так и теперь, называются «КIгергай», «Бакъигъай» и «Рехай», т.е. соответственно – «Верхняя часть», «Средняя часть» и «Нижняя часть». В этих

частях селения смешано жили семьи – представители тухумов НакIилабай, ПакIибай, Абзабой, Сусади, Буралди и др. Население с. Арчо состояло из 5 тухумов: Хасалобе, ХIусолобе, Турачалобе, Къухолобе, Давудолобе. Они смешанно рассеялись в кварталах – Элихъай (старая, сгоревшая часть селения), Гъонокъ, Бешдула, Рехигъай, БугIулгъай, Гъегальгъай. Тем не менее, еще лет 150 назад представители тухума Давудалобе, образованного выходцами из т.н. «хъазахъ» (потомки бывших военнопленных), селились на территории Арчо отдельно; браки здесь совершались преимущественно внутри-тухумные. Приблизительно также обстоит дело и в с. Анчих, где представители потомков военнопленных селились главным образом в хуторе Цумали. В остальных кварталах селения – Гъамлъи (т.е. «в селе»), ШагIисагъа («Гончары»), Чарохури, Рехетли, Ботлихъеро и частях селения – Шидиба, Решетли, Кора («Желоб»), Цюбила, ПасантIа, Хъира («Песчаник»), Далокуза – смешанно проживали семьи тухумов Шехобе, Хъватибе, ГIособе, ХIанобе, Арчобе. Таким же образом в кварталах с. Рачаболда – КачIайлъи, Бакъигъай, Рехигъай, Бакъимихъа, Билагъа, Хъуситагъанду, Эшия, Хъашхъарогъанду, Гъабала, Сегъа, Хъобидах, Гъархъение смешанно жили представители тухумов Касабай, Кусобай, Айзалдилобай, АхIматIибай, Хъалиянди. Семьи тухумов Хъакарди, Мижаби, ХIататIаби, ТурчIиби и др. в с. Машдада смешанно селились в трёх частях селения – Гъамарухъди («Осёл появляется»), Кекъигъай («Нижняя часть») и Кагъай («Верхняя часть»). Представители тухумов ЧIютиби, ХIасанди, Сулейманил в с. Верхнее Инхело расселялись в кварталах Олой, ЦIулигей, Пелихей, Рехигъей. Как пережиток былой тухумно-родственной обособленности здесь сохранилось кладбище тухума ЧIютиби. В трех частях с. Нижнее Инхело – Гъайлъи («В селе»), Энходи («В середине») и Инхвай («На бугре», «На холме», «На возвышенности») смешанно жили семьи тухумов Жалах, Шамсилал, ГентIахерлал и т.д.

Поскольку, как уже отмечено, большинство поселений каралалцев расположено по склонам гор, а характер расселения носил преимущественно территориально-тухумный характер, форма поселения в основном представляла собой ступенчатую, террасообразную структуру. Исключение составляют те поселения, которые образованы переселенцами с хуторов, либо значительно реконструированы в результате неоднократных переселений и возвращений на места местного населения (Карата, Рачаболда, Рацитль). Эти поселения занимают сравнительно ровные участки земли, бывшие угодья (пастбища), одно-двухэтажные дома с усадьбами располагаются свободно, тесноты и скученности здесь нет.

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 107, 112; Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 80 – 81 и др.

У каратинских селений были и свои хутора, главным образом сезонного типа, для содержания скота. Как правило, у хуторов же располагались небольшие по площади пашни и сенокосы. В непосредственной близости от с. Карата располагались хутора Гьарчлахьада, Бешакъальи, Гьаракъи, Жолкъа, Игульи, Бахкули и др. Основная же масса их хуторов была расположена в горах, на местах летнего выпаса скота. Здесь скот содержался только зимой. Все хутора к XIX в. были исключительно семейными, тухумных хуторов к этому времени уже не осталось. Были свои хутора и у населения других селений каралалцев. У жителей Арчо был небольшой выселок Чарукъи, принадлежащий Израилу Израилу. Здесь семья Израила проживала круглогодично, пользуясь окружающими выселок сенокосами, обрабатывая небольшие пашни и выпасая на общественных пастбищах свой скот. Хутора Хвализатли и Къедиб, принадлежавшие анчихцам, использовались для содержания части скота круглогодично. Отселки были и у жителей с. Верхнее Инхело, в которых отдельные хозяева проживали круглый год: Солманис кули, Зейтил кули (по имени хозяев), Зиндулай, Тумарил (по названиям местностей) и др. Со временем они превратились в сезонные хутора для зимнего содержания скота. Хозяева отселков к этому времени переехали на постоянное место жительства в с. Верхнее Инхело. Приблизительно также обстояло дело и с остальными селениями каратинцев.

С. Карата на старом месте представляло собой надежное укрепление, обнесенное со всех сторон каменной стеной. Стена эта, с множеством бойниц, строилась не специально, а состояла из примыкающих друг к другу жилых комплексов. Специально каменные стены возводились только там, где линия построек прерывалась. Вместо каменных стен иногда возводились насыпи: два ряда забора из толстых жердей засыпались землей. С двух сторон – с востока и запада – в селение вели окованные железом ворота, запирающиеся на ночь. С. Верхнее Инхело с западной стороны закрывалось тремя оборонительными башнями. По преданиям, когда-то они были тухумными, но со временем стали общеджамаатскими.

Одна из оборонительных башен с. Машдада была направлена в сторону с. Верхнее Инхело, а другая – на запад, в сторону реки, с целью охраны подступов к селению со стороны поселений, образованных переселенцами из Хунзахского ханства. Кроме того, в округе селения было несколько сигнально-сторожевых башен: в местности Хъабай, в урочище Гьаргъа ресен («На краю равнины») и на холме Мугъудай («На возвышенности»). Боевая башня была расположена и в старой части с. Арчо, на вершине горы, перекрывая единственный

подход в селению по узкой вьючной тропе. По информации представителей старшего поколения, в с. Нижнее Инхело некогда были боевые башни, которые со временем развалились, камни с развалин были разобраны местным населением для строительства.

Таким образом, поселение каратинцев выполняло несколько функций (хозяйственно-бытовую, социальную, оборонную), соответствовало уровню развития общества. Принципы расселения народа были обусловлены факторами, исторически типичными для горских народов Дагестана вообще.

Жилища. Основными типами жилища (дом, комната – миса) каралалцев были прямоугольные в плане многокамерные двух-трехэтажные каменные комплексы, совмещавшие в себе жилье (главным образом на втором этаже) и хозяйственные службы (в основном на первом этаже). Строительным материалом служил камень, значительное место в конструкциях занимало дерево, а в ряде случаев пленки из жердей, обмазанные глиной.

Наиболее древним видом жилья у каралалцев, как и у аварской группы народов вообще¹, было однокамерное одноэтажное строение с плоской крышей, без световых проемов и низкой дверью. Несмотря на то, что двухкамерное жилище прочно вошло в строительную культуру дагестанцев, в частности, аварцев, где-то в X – XIII вв., однокамерное жилье встречалось (хоть и эпизодически) в районах расселения каралалцев в XIX в. Не отвечая экономическим и культурно-бытовым запросам общества, оно бытовало как результат материальной несостоятельности отдельных семей, а также в силу сохранности и исторической задействованности народных традиций в материальной культуре². Жилище подобного типа строилось на склоне горы, для чего выравнивались необходимых размеров строительная площадка и, таким образом, зачастую строение на треть, а то и на половину находилось как бы под землей.

Дальнейшая эволюция жилища происходит за счет надстройки второго этажа путем наращивания стен в высоту. Это было продиктовано ростом производительных сил общества, укреплением позиций малой семьи, действенностью фактора обороноспособности и ограниченности площади под застройкой.

Тенденция к многокамерности проявилась, как тонко подмечает А.И. Исламмагомедов³, в появлении в однокамерном жилище деревянного цагъура (гьерккIваш), сооружения для хранения продоволь-

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 150.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 162.

ственных запасов. С течением времени цагъур как таковой эволюционирует в специальный отсек для хозяйственных нужд. Со временем таких отсеков становилось больше и, таким образом, все более и более типичными становятся многокамерные жилища. Указанные выше и уже неоднократно подчеркнутые нами факторы способствовали вертикальному росту селений: в старых каралалских селениях встречались трех и более этажные постройки¹.

В XVIII – XIX вв. наиболее типичным каралалским жильем была двухэтажная многокамерная постройка с хлевом и хозяйственными службами на первом этаже и жильем на втором. Вход на каждый из этажей, как правило, был отдельный. Об этажности впрочем, как таковой, иногда приходится говорить чисто условно. Так, хозяйственно-жилой комплекс мог располагаться на склоне горы таким образом, что верхний этаж конструировался как продолжение части первого, возвышаясь над ним в виде уступа, и обе части строения смотрелись как гигантские ступени. Таких уступов, представляющих единый комплекс, могло быть три и более, где каждая из частей конструкции, по сути, была одноэтажным строением. Нижняя часть комплекса могла опираться на столбы, на арки. В том и другом случае пространство, образуемое столбами или арками и полом возвышающегося над ними строения, использовалось как хозяйственное помещение. Комплекс подобного типа мог состоять из жилья, хлева и сеновала; жилья, сеновала и хозяйственного помещения; двух жилых этажей с третьим хозяйственным помещением и других сочетаний.

Если комплекс строился на крутом, обрывистом склоне, зачастую он частью покоился на грунте; другой, выступающей над обрывом частью, он опирался на столбы, которые в свою очередь под углом 45 – 50° упиралась в скалу.

Крыши в домах каралалцев были плоскими, земляными. Стены «къа» возводились из камня. Зачастую каменным был лишь фундамент «къучле», а стены представляли собой плетенку из хвороста, обмазанную глиной. В стенах, внутри комнаты, делались ниши. Полы «чѳабар» были мазанными, глиняными. Дверной проем делался не большим, в пределах 1,65х1 м. Одностворчатые двери «гъинцу» иногда вытесывались из подходящего по размерам ствола; чаще дверь сбивалась из двух таких досок, нередко двери делались двухстворчатыми. Выбор варианта определяется наличием или отсутствием соот-

¹ Более подробно об этом у аварцев вообще см.: Бакланов Н.Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935; Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ. № 4. 1947; Никольская З.А. Из истории аварского жилища // СЭ. № 2. 1947; Исламмагомедов А.И. Указ. соч. и др.

ветствующего сечения бревна. Что же касается хлевов, сеновалов и др. служб, то здесь каралалцы чаще всего обходились без двери, загораживая входы в эти помещения плетенками из жердей.

Приезжие чиновники и исследователи нередко обращали внимание на затемненность жилища дагестанских горцев, недостаточность освещения, малый размер окон и их незначительное количество и др.¹

Окно «гъинор» в современном его понимании нетипично для традиционного каралалского жилища. До начала второй половины XIX в. вместо окна жильё снабжалось одним-тремя вентиляционными отверстиями в стенах и на потолке. По мере необходимости отверстия эти чем-либо затыкались. Со временем, приблизительно – с конца XVIII – нач. XIX в., отверстия эти стали приобретать форму и очертания небольших оконцев, размером 40х40 см. Застекленные оконные рамы современного образца стали появляться у каратинцев в послешамилёвскую эпоху и получили широкое распространение лишь с конца XIX – первых десятилетий XX в. Чтобы этот элемент архитектуры – застекленное окно – появился, получил распространение и закрепился, нужны были резкие перемены в отопительной системе: световые проемы и вентиляционные отверстия традиционного горского жилища одновременно выполняли и функцию дымоотвода.

Наиболее раннее средство обогрева помещения, его освещения – это очаг открытого типа «цѳай», на нем же готовили пищу. Очаг располагался посередине помещения, во время сна и приема пищи в холодное время года домочадцы располагались вокруг него. С балки к очагу спускалась очажная цепь «рахас»; кастрюли, котлы, сковородки и проч., ставились на очажную треногу «лъабах». Функции треноги иногда выполняли очажная плита «хъагил».

Наиболее древняя форма «цѳай» – это небольшое углубление в полу, диаметром 50-60 см. Более поздний вариант – это очаг, устроенный на специальном возвышении, площадью приблизительно 2х2,5 м. На протяжении нескольких веков очаг каратинцев постепенно перемещался к одной из стен комнаты, чаще всего – к противоположной от входа. Это постепенное перемещение было продиктовано неуклонным ростом производительных сил общества, с чем непосредственно связано увеличение культурно-бытовых функций жилого помещения. Таким образом, центральный очаг эволюционирует в пристенный, что

¹ См.: Зубов П. Картины Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 3. С. 245; Данилевский Г. Кавказ и его горские жители. М., 1846; Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статическом отношениях // Военный журнал. № 5. СПб., 1847. С. 31. и др.

само по себе является важной вехой в развитии отопительной системы жилища, в эволюции очага в камин «тавхан» с дымоходом. Последний представлял собой типичное для большей части Нагорного Дагестана сооружение, выступающий или встроенный очаг, размером приблизительно 1х1 м., с вмонтированным в стену дымоходом.

Если дом строился на скальном выходе, стены («кьи») клались прямо на материк, т.е. строители обходились без фундамента кучле. В противном случае рылись прямоугольные траншеи (размерами приблизительно 40х50 см), которые забутовывались камнем на глиняном растворе. Простейшее традиционное жилище представляло собой одноэтажную постройку, площадью от 10 – 12 до 25 – 30 кв. м., с плетеными из хвороста и обмазанными глиной стенами. Иногда в двухэтажной постройке нижний этаж выкладывался из камня, а второй, верхний, строился из плетенок. Подсобные хозяйственные строения типа сеновала «арча», хранилища для зерна и продуктов вне дома «гьеркIкIваш», хлев «бекъе» и др. возводились чаще всего из подобной же плетенки, нередко без всякой обмазки. Местные жители свидетельствуют, что стены обеих этажей двухэтажного дома тоже возводились порой из той же плетенки. Развитие производительных сил общества постепенно привело, в частности, к тому, что к концу XVIII – началу XIX в. плетенка почти исчезла из строительной практики жилья каратинцев, продолжая функционировать при строительстве хозяйственных помещений.

Отметим, кстати, что в подавляющем большинстве случаев каралалцы традиционно выносят хозяйственные постройки – хлева, сеновалы – за черту центра селений. Это способствовало поддержанию общественной гигиены и уменьшало вероятность возникновения пожаров.

В отличие от подавляющего большинства жителей горной зоны, каралалцы традиционно широко практиковали у себя постройки из самана. Большинство наших информаторов склонно объяснять это положение заимствованиями из строительной культуры чеченцев, с которыми каралалцы издавна поддерживали довольно оживленные торговые отношения. Думается, однако, что изготовление самана и распространенность построек из него объясняется комплексом факторов: трудоемкостью заготовки строительного материала в районе проживания каралалцев (здесь, в отличие от других районов Дагестана, залегают в основном твердые породы камня), обилие залежей пригодной для кирпича – сырца глины, давнее общение с народами предгорного и плоскостного Дагестана и др. В этом же ряду, скорее всего,

следует рассматривать и влияние народов Северного Кавказа на строительную культуру каралалцев.

Варианты применения самана здесь самые различные: из этого стройматериала в сочетании с каменной кладкой могло быть выстроена половина этажа, отдельные стены, весь этаж, оба этажа и др.

Пол «чIабар» помещений выкладывался каменными плитами и обмазывался глиной; к деревянным полам каралалцы стали прибегать лишь со второй половины XIX в.

Поперек стен обычно укладывалась несущая балка «кIама», на неё укладывались поперечные балки «чIина», поверх которых набрасывался хворост «кунше». Все это засыпалось землей, слоем толщиной до 20-25 см, и укатывалось каменным катком «кIкIмер». Слой земли утрамбовывался так, что один край крыши постепенным наклоном был ниже другого: здесь, в понижении, дождевая вода собиралась в желоб «коре».

Освещались комнаты через световые проемы и дверь, зимой и в темное время суток – светом очага, лучинок «макIи», жировым или нефтяным светильником – плоской, а также керамическими (из с. Балхар) или бронзовыми (из с. Кубачи или азербайджанского с. Лачич) светильниками – емкостями – «чирахъ».

Поскольку дома каратинцев зачастую строились на крутых склонах, под них сначала заготавливалась ровная площадка и, таким образом, значительная часть постройки оказывалась как бы под землей. Широко применялись в строительстве арочные конструкции (арка – «кIамур»). Приемы архитектурного декорирования каралалцев приблизительно те же, что и у других аварцев. Сложной резьбой иногда украшался центральный опорный столб жилища «гьума». Однако хотя строевой лес в местах расселения каратинцев не редкость, такой столб иногда складывался из камня. Художественной пропиленной резьбой нередко украшались деревянные детали галерей. Тем не менее, как сами галереи, так и, тем более, их деревянные конструкции – это явления поздние, утвердившиеся в местной архитектуре где-то с конца первой половины XIX – начала XX в. Каратинцы истари были хорошими каменьщиками: подавляющее большинство мечетей из шифованного камня со стройными высокими минаретами построено местными умельцами.

Таким образом, жилища и хозяйственные постройки изучаемого народа отвечали особенностям природно-географических условий и типу хозяйства. Они соответствовали исторически сложившимся традициям каралалцев, как и жителей Нагорного Дагестана вообще, в сфере народной архитектуры.

Одежда. Особенности национальной одежды зависят от нескольких факторов: природно-географических особенностей среды обитания, направленности хозяйства, специфики общественно-бытового уклада, исторически сложившихся традиций, культурных влияний и заимствований, бытующих в народной среде нравственно-этических представлений и идеалов. Одежда каралалцев предохраняла мужчин и женщин от холода и сырости, жары, осадков и ветра, была удобна в быту и работе, соответствовала требованиям всадника-воина. Празднично-выходные её варианты были красочны и нарядны.

Основной материал для изготовления одежды и обуви давало животноводство. Каралалки славились умением обрабатывать овечью шерсть, из которой изготавливались высококачественные сукна, ковровые изделия и мешковина, вязаная одежда, войлок. Выделанная овчина шла на папахи и шубы нескольких разновидностей. Из шкур мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей и ослов изготавливалась кожа, шедшая на самые различные виды обуви и ремни. Техника и технология обработки шерсти, выделки овчины и кожи у каралалцев ничем существенно не отличалась от соответствующих ремесленных, хозяйственно-бытовых операций горцев Дагестана¹. Поэтому останавливаться на этих вопросах мы не будем. Напомним только, что шерстообработка, в частности – производство великолепного высококачественного сукна, в с. Карата и др. каралалских селениях

стояли очень высоко, занимая значительный удельный вес в местном товарном производстве¹.

Основной мужской одеждой «раклар» была туникообразная рубаша «боке» и штаны «шербал», голова покрывалась папачой «кълапа», утеплялись преимущественно разновидностями шуб, на ногах носили главным образом кожаную обувь.

Рубаху шили без плечевых швов, из прямого полотнища, сложенного пополам. Такая рубаша, по длине доходящей до нижней линии бедер, книзу расширялась, что достигалось вставными клиньями «мешир». Длинные, до кости руки, рукава «кваха» с ромбовидными ластовицами «кълаха» немного к концу сужались. Грудной вырез с небольшим стоячим воротником «гару» делался недлинным, приблизительно до линии груди, застёгивающимся на 2–3 пуговицы «маргъал». Для прочности спинку «мугъл» до уровня нижней линии лопаток, а иногда и переднюю часть до уровня груди, делали на подкладке. Это относится к рубашам, сшитым из привозных (Россия, Закавказье) тканей, главным образом холста и бязи. Нередко рубашки шились из сукна местного производства, подкладка в таких случаях не подшивалась. До начала первой половины XIX в. такая рубаша выполняла функции верхней одежды. Носилась она заправленной в штаны или на выпуск.

Штаны шили из двух полотнищ, каждое из которых складывали вдвое. От середины сложенной таким образом ткани вырезали клин, а затем обе штанины сшивались вместе в той части, где клинья не вырезались. Между штанинами вшивалась трапециевидная ластовица. Верхняя часть штанов на 3–4 см. подшивалась вовнутрь и прошивалась таким образом, чтобы в неё можно было вдеть вздержку или гашник, затягивавшиеся спереди. Переднего выреза и карманов «чалта» эта одежда не имела. Зачастую к штанинам пришивались штрипки «хлѳечел». Шили штаны из тех же привозных холста или бязи, нередко также и из сукна местной выделки. Бытовала среди каралалцев и спаренная наподобие комбинезона вязанная одежда, описанная Г.И. Шиллингом у дидойцев². Кроме того, во второй половине XIX в. у каралалцев эпизодически бытовала и овчинная нательная одежда, а именно, овчинные рубашки «къеххиль горде» и штаны «къеххиль шарбал» описанного выше покроя. Шились они и мехом наружу, и мехом вовнутрь, в исследуемое время носились преимуще-

¹ См.: Дагестанская область в 1854, 1870, 1890, 1891, 1892 гг. // КК на 1856, 1872, 1892, 1893, 1894 гг. Тифлис, 1855, 1871, 1891, 1892, 1893; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871; Марграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882; Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892, 1894, 1897, 1900, 1911 гг. Темир-Хан-Шура, 1893, 1895, 1898, 1901, 1912; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895; Он же. Дагестанский сборник. Т. I. Темир-Хан-Шура, 1902; Т. 2. Темир-Хан-Шура, 1904; Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902; Циратов А.С. Крайний очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Т. I. Баку, 1914; Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959; Гаджиев С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Она же. Одежда народов Дагестана: XIX – нач. XX в. М., 1981; Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев: XIX – перв. пол. XX в. Махачкала, 1967; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаев А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971; Мамаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление Махачкала, 1989. См. также соответствующие разделы историко-этнографических исследований народов Дагестана М.А. Агларова, Б.М. Алимовой, А.Г. Булатовой, Г.А. Гаджиева, С.Ш. Гаджиевой, А.И. Исламмагомедова, М.-З.Ю. Курбанова, С.А. Лугуева, Д.М. Магомедова, М.М. Магомедханова, Г.М.-С. Мусаева, М.К. Мусаевой, М.Ш. Ризхановой.

¹ См., например: Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890.

² Шиллинг Е.М. Народы андо-цезской группы // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. С.

ственно чабанами. Вероятно, эта одежда в более ранние эпохи у каралалцев, как и у других горцев Дагестана, была широко распространена.

Широкое распространение среди каралалцев получил бешмет «тегеле». Его обычно носили ежедневно и круглый год; выходя за пределы дома, мужчина, как правило, поверх рубахи одевал бешмет. Шили его преимущественно из сукна местного изготовления, на его пошив шли также привозные дешевые и дорогие (в зависимости от материального состояния хозяина) ткани. Мужчины отдавали предпочтение бешметам темных тонов: черного, темно-серого, темно-синего, темно-коричневого и др. Эта разновидность одежды шилась двух вариантов: летний, на подкладке, и зимний, утепленный шерстью или ватой. Стеганный стоячий воротничок застегивался на 1 – 2 пуговицы с помощью петель. Таким же образом бешмет застегивался и ниже, до середины торса, на 6 – 8 пуговиц; дальше полы просто накладывались одна на другую. Одежда эта была приталенной, её полы и спинка кроились из одного куска ткани. Нижняя её часть состояла из 8 – 10 клиньев. Неширокие, чуть суженные к кисти рукава делались длиной почти до середины кистей рук, так, чтобы они прикрывали рукава рубашки. С двух сторон на груди имелись обычно небольшие накладные карманы, иногда только один, слева; два внутренних кармана бешмет имел по бокам.

С начала XX в. у каралалцев, как и у других горцев Дагестана, появилась так называемая кавказская рубаха. Местная традиция связывает появление этой одежды с Чечней. Шилась она преимущественно из местных сукон темно-серого цвета, без ластовиц и боковых клиньев, с плотным воротником-стойкой шириной до 3 см, с длинным разрезом, застегивающимся на 6–8 пуговиц. Рукава этой рубахи застегивались на 2–4 пуговицы каждый. Носили рубаху подпоясав ее наборным кавказским ремнем «рачвад».

Поверх бешмета или кавказской рубахи мужчины – каралалцы носили черкеску «чурхъа». В отличие от большинства других горцев Дагестана, почти каждый мужчина с Карата и других каралалских селений (Анчих, Арчо, Рачабурда) имел черкеску, сшитую местными мастерицами. Покрой черкески напоминал бешмет, отличаясь от него наличием грудного выреза, более длинными и широкими рукавами, обычно подворачиваемыми, общей длиной одежды, достигающей до нижней линии колен. Кроме того, на черкеску шли самые высокие плотные сорта местного сукна, а по бокам, на груди, у неё имелись газырницы с 8–12 газырями «расандаби». Чурхъа носилась исключительно с кожаным ремнем с серебряными украшениями «барашками».

Каралалцы шили и носили несколько разновидностей шуб «кляч» из выделанной овчины. Все они шились длинными, от середины икр до шиколотки, карманов и застежек не имели и, за редким исключением, не подпоясывались.

Наиболее простой вид шубы «кляч» имел маленький отложной воротник (шириной до 25 см), по сути дела являющийся продолжением оторочки бортов одежды. Длинные широкие рукава, почти полностью закрывающие кисть руки, тоже оторачивались (ширина оторочки до 15 см). Сзади, от шеи до подола, проходил шов. Длинной шуба доходила до икр. Изредка, по необходимости, она могла быть опоясана кожаным ремешком или шерстяной веревкой; чаще всего полы её, как и у других разновидностей шуб, при ходьбе придерживались руками.

Кроме этого вида, каралалцы носили шубу-накидку с воротником-пелериной и ложными рукавами «къвалхалат»; такую же, но с меньшей по размерам пелериной и без рукавов «кляча»; шубу-накидку без пелерины, с маленьким отложным воротничком и без рукавов «къабарча». На пошив шубы уходило от 8 до 15 шкур. Кроили шубу карагинцы – мужчины, шили – женщины.

Широко бытовала у каралалцев и бурка «буртина» – как сшитая из войлока местного изготовления, без начеса, так и привозная, андийская, с начесом. Кроме того, мужчины иногда носили одежду типа пальто «буке» или куртки «къоч» из войлока. Буке шилось из целого полотнища (спинка и полы). Сверху, по бокам, оставались отверстия для рукавов, спереди делался небольшой треугольный вырез. Воротника и карманов не было, рукава кроились широкими и длинными, чуть сужеными к концам, достигающими до линии пальцев. Пальто застегивалось петлями на 5 – 6 кожаных пуговиц. Куртка отличалась от пальто длиной (до колен или чуть выше), более узкими и короткими рукавами (до кисти), вырез делался не треугольный, а полукруглый. Такую одежду чаще всего носили чабаны и пастухи.

Головные уборы «къапа» каралалцы шили из овчины разных сортов, преимущественно из шкурок молодых овец или ягнят. Полевой материал позволяет говорить о былом распространении здесь конусообразной островерхой лохматой папахи, и высоких папах в форме усеченного конуса. Об их распространенности среди горцев Дагестана, в частности, среди аварцев, писали еще авторы XIX в.¹ Однако наиболее распространенной для каралалцев, как и для других горцев

¹ См.: Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. М., 1823. С. 446; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871. С. 547.

Дагестана, была папаха полусферической формы, сплошь из овчины, на теплой стеганной подкладке. С XIX в. в местной среде, главным образом среди имущей части населения, получила распространение так называемая шапка «бухари» – высокая, в форме усеченного конуса (зауженной частью вниз), из каракуля, с суконным или атласным верхом. Носили каралалцы также овчинные полусферические шапки мехом вовнутрь, с узкой опушкой. Эта папаха преимущественно служила старшему поколению домашней шапкой; нередко такой головной убор одевали, выходя на улицу, в холодное время года мальчики. И, наконец, в летне-осенний и весенне-летний период многие каралалцы носили белые войлочные шляпы «буртинагъ кълапа» местного изготовления. Это был головной убор, так сказать, местного значения: отправляясь за пределы своего селения, своей округи каралалец обычно надевал овчинную папаху.

Мужская обувь шилась преимущественно из сыромятной кожи, реже – из войлока; носили каралалцы также деревянную и вязаную шерстяную обувь.

Наиболее распространены были чарыки «цлэквалди»: обувь, шитая из одного прямоугольного сложенного вдвое, куска кожи, с подрезами -закруглениями у пятки и у носка. От подъема до носка и от задника до пятки проходили швы. Обувь имела чуть загнутый носок, верхний её край стягивался на ноге узкими ремешками, пропущенными через специальные отверстия. Меньшее распространение получили дирихи «Глерихи», шитые из одного толстого куска без швов: борта и задник образовывали кожаные ремешки, проходящие по краям заготовки и переплетенные между собой по форме ступни. Распространены были также и мягкие кожаные сапоги или такие же по фасону и пошиву войлочные сапоги «мачуди». При изготовлении такой обуви голенища кроились и шились отдельно, а затем пришивалось к нижней части изделия. Каблуков у таких сапог не было, голенище со швом доходило до верхней линии икр. Позже, с XIX в., к мягкой подошве кожаного варианта этой обуви нередко пришивалась твердая подошва, а подошва войлочного варианта дополнительно простегивалась несколькими слоями войлока. Не меньшее распространение получила неглубокая кожаная обувь типа тапочек, но с твердой подошвой и невысоким, широким каблуком «калуш». Шили её сапожники из мягкой кожи, с войлочными стельками, тупыми носками, подбивалась обувь кожей из шкуры КРС или лошадей. Меньшее распространение получила комбинированная обувь, где нижняя часть представляла собой калуш с более высокими бортами, а верхняя, голенище, шилась из простеганного в 2-3 слоя войлока «бурти-

нальай чакмай». Носили каралалцы и башмаки «башмакъ», с задником, кожаным верхом, с чуть загнутыми носами. Наконец, бытовали здесь и вязанные сапоги «дабзи», заимствованные у цезов, бежтинцев, хунзибцев, гинухцев, анцухцев и др. народов юго-западного Дагестана¹. Сами каралалцы такую обувь не изготавливали, приобретали готовую. Со второй половины XIX в. и главным образом в конце XIX – начале XX в. многие состоятельные мужчины стали носить сапоги русского образца, на твердой подошве и каблуком - «чакмай». Такую обувь местного изготовления носили редко, чаще всего сапоги покупали готовые, привозимые из России или Закавказья. С конца XIX в. к каралалцам проникают галоши «резинкаби», которые постепенно становились здесь одним из самых распространенных видов обуви. Отправляясь в путь по оледенелым или заснеженным тропам, каралалец одевал на ноги специальную обувь с выступающими у носка и каблука гвоздями «хлетI махх». Все виды обуви, кроме «буртинальай чакмай» и «чакмай», могли носиться на босу ногу, но чаще всего под них одевались вязанные шерстяные носки «шети», однотонные, не орнаментированные. Мягкие сапоги, как кожаные, так и войлочные, вне дома носились с другой обувью – чарыками, дирхами, галошами. Кроме того, со всеми видами обуви, кроме калуш, башмаков и дабзи часто носили шерстяные порятнки, а чарыки, дирихи и калуш могли носиться с шерстяными, чаще – кожаными ноговицами «зангалди». Эти же виды обуви иногда носились с обмотками.

Чаще всего каралалец был подпоясан ремнем или узким поясом с серебряными бляхами «рачвал рижва», на котором слева висел кинжал «ханжар», нередко в дорогах, богато орнаментированных ножнах «кельал». Местная знать и наиболее состоятельные мужчины носили, кроме того, саблю «хелчван», а до 60-х годов XIX в. и пистолет «таманча».

Совершеннолетний мужчина до глубокой старости брил голову, волосы на голове позволялось иметь только очень короткие. Лет с 16-18 мужчина отпускал усы «михъабди», лет с 28-30 – бороду «мигаж».

Основными элементами женской одежды являлись туникообразная рубаха «горди», длинные штаны «шарбал», чухту «члухтлу», платок «кIазе» и тот или иной вид обуви.

Основу туникообразной рубахи составляло полотнище материи, длиной до 3,5 м, сложенное пополам. В верхней части делались шейный и грудной вырезы. Небольшой воротничок, шириной в 1 – 1,5 см, простегивался полоской той же материи, что и вся рубаха. Рубаха

¹ См.: Сергеева Г.А. Вязаная обувь народов горного Дагестана // КЭС. Вып. 8. М., 1984. С. 119.

застегивалась у шеи и на 1 – 2 пуговицы у грудного выреза. Роль пуговиц играли нередко серебряные монеты. От области подмышек и до подола широкими концами вниз вшивалось два клина. Рукава делались прямыми, длинными, без манжет, на ластовицах. Другой тип такой же одежды – это платье – рубаха с отрезной талией «яшилюб горде». Полуприлегающий лиф у талии сшивался с длинной юбкой из четырех полотнищ. Длинные, суживающиеся к концу рукава, доходили до середины кисти. Грудной вырез у такой рубахи был длиннее и, как правило, доходил почти до талии. Первый тип рубахи иногда у спины, реже – у груди шился на подкладке, лиф отрезной по талии рубахи тоже делался на подкладке. Ластовицы этих платьев подбирались другого цвета. Разновидность второго типа было платье с плотно облегающим фигуру лифом, с широкой, длинной, прямой юбкой до пят, пришитой к лифу мелкими складками. Узкие рукава заканчивались манжетами на одной пуговице. Грудной вырез делался большим, треугольным, достоящим до пояса. Получил распространение среди каралалок еще один вид одежды – распашное платье типа архалук «полуш». От вышеописанного оно отличалось тем, что было сверху донизу распашным, шилось обязательно целиком на подкладке, юбка была более широкой. Шили платье из фабричных тканей, из местного сукна, из дорогих тканей, поступавших из Турции, Ирана, Афганистана и других стран. В этой связи интересно отметить, что платье типа «полуш», сшитое из дорогих нарядных тканей, называлось у каратинцев «хъабало». Термин этот происходит от «къабалай» – названия наиболее нарядного дорогостоящего платья кумычек, в свою очередь заимствованного ими у народов Северного Кавказа. До середины XIX в. среди женщин-каралалок бытовало и войлочное платье «буке», «боке», по фасону повторяющее туникообразную рубаху. Еще раньше у народа бытовал род такого же платья, пошитого из стриженной овчины.

Разновидности туникообразных рубах подпоясывались матерчатым поясом – повязкой красного цвета «рачвал»: сложенное вдвое и слегка скрученное полотнище длиной до 1,5 м. и шириной до 0,5 м. простым узлом стягивалось у талии.

Каралалки носили штаны, повсеместно распространенные во всем Нагорном Дагестане: длинные, с широким шагом, узкие книзу, довольно широкие у бедер, держащиеся на вздержке. Нижняя часть штанов, видных из-под платья, нередко украшалась шелковой тесьмой, вышивкой, серебряными монетами и др.

Шубы из овчины среди каралалок особого распространения не получили: в холодное время года они преимущественно одевали теп-

лое платье и кутались в толстые шали. Тем не менее, шубы носились чаще всего при необходимости длительного пребывания вне дома. Наиболее распространена была шуба со вшитыми рукавами и слегка приталенная, без воротника «хъабарча». Подобного покроя нарядные женские шубы из особо ценных сортов овчины, шитые тканью, носили женщины сс. Карата, Анчих и других каралалских селений. Обшивалась шуба лучшими видами каратинского сукна, нередко дорогими парчовыми тканями. Подол, полы и рукава отделялись узкими полосками меха. Носили каралалки и женский вариант (т.е. более меньших размеров) шубу «къвалхалат», но без пелерины. Кроме того, у каратинцев встречался тип шубы, не известный в других регионах Дагестана, «по покрою напоминающих черкески»¹. «У нас есть сведения о наличии таких шуб только у женщин сел. Карата Ахвахского р-на и у аварок сел. Хвартикуни Гергебильского р-на. Их шили длиной до середины голени, приталенными, с застежкой у ворота (кожаная пуговица и петля)», – пишет Г.А. Сергеева².

Наш полевой материал относительно каралалцев подтверждает мнение проф. С.Ш. Гаджиевой о былом повсеместном распространении в Дагестане женской прически в виде множества косичек, спускающихся сзади на плечи³. С конца XVIII – начала XIX в. каралалки с детских лет и до пожилого возраста носили две косы, с 45-50 лет волосы укорачивались и подстригались в затылочной части.

Головные уборы женщин Дагестана (как никакая другая одежда) дифференцированы по обществам, союзам обществ и народам. Исследователи отличали особое разнообразие этого типа одежды у народов андо-цезской группы⁴.

Каралалки, как и все другие дагестанские женщины, носили чухту «чухтлу», состоящую из мешка для волос. Сначала отдельно шился плоский полусферический колпак, покрывающий макушку и теменную часть головы. К нему затем вкруговую пришивалась полоска материи шириной 4 – 5 см. К полученному таким образом чепцу пришивался мешок для кос, волос, по ширине он закрывал почти всю спину и доходил длиной ниже пояса. Налобная часть убора украшалась монетами и цепочками, иногда бисером и галунами. У нарядных чухту для девушек и молодых женщин колпак мог шиться из дорогой

¹ Сергеева Г.А. Основные типы женской верхней одежды у аварской группы Дагестана (вторая половина XIX – XX вв.) // ПИИЭ. 1975. С. 95.

² Там же.

³ Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. С. 92.

⁴ См.: Агаширинова С.С., Сергеева Г.А. Типология головных уборов аварок Дагестана конца XIX – начала XX в. // Итоги полевых исследований Института этнографии в 1970 г. М., 1971; Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 95 – 101.

парчи или бархата. Полоса, пришитая к колпаку иногда вырезалась из мягкой кожи. Мешок – накосник шился из дорогой ткани, как правило, другого цвета. Низ и края накосника у нарядных чухту тоже украшались монетами, цепочками, нередко золотым или серебряным шитьем. Обычно же убор шился из ситца, сатина и других привозных тканей, а также из сукна местного производства. Это упрощенный вариант чухту, заимствованный у жителей центральной Аварии. Исследователи отмечают былое распространение среди каралалок, вероятно до середины XIX в., головного убора типа ботлихской чухты¹. Она состояла из простеганного, набитого ватой или шерстью чепца. В отличие от ботлихского убора с выступающей налобной набивкой, чепец каралалок набивался более равномерно и имел округлую форму. У висков пришивались завязывающиеся у подбородка или затылка тесемки. Длина накосника, скомбинированного из лилового и красного шелка, достигала 1,5 м².

Выходя из дома, женщина поверх чухту надевала платок «кӀазе». Нередко это были платки местного изготовления, вязаные из высококачественной шерсти. В XIX в., особенно во второй его половине, каратинки носили платки, поступающие в Дагестан из Закавказья, Средней Азии, Турции, Ирана, Индии, а также из России. Это были шерстяные, чаще шелковые платки как небольших, так и довольно крупных размеров. В торжественных случаях даже в жаркое время года состоятельная каралалка могла одеть несколько платков, один на другой. Особенно ценились здесь и считались модными два вида платков: тяжелые, шелковые платки с густой бахромой и выбитым растительным орнаментом «никатав кӀазе» и тонкие шелковые платки с пестрым орнаментом по всему полю с широкой цветной каймой, производимые в Азербайджане «гурбандай». Нередко девушки и молодые женщины носили привозные кружевные платки ручной работы, поступавшие на рынки Дагестана преимущественно из России. С конца XIX в. такие платки треугольной формы каралалки могли приобретать в с. Чох, где появились мастерицы, вязавшие их (разм. 135 – 170 см.)³. В исследуемое время их делали не только из сукна, но и местного сорта особо тонко выделанного войлока. С проникновением из России и Закавказья дешевых фабричных тканей покрывала

¹ Такая чухта впервые описана К.Ф. Ганном, а в 50-х годах З.А. Никольской и Е.И. Шиллингом. См.: Ганн К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом, 1901 г. // ИКОРГО. Т. 15. № 4. 1902. С. 225; Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 21 – 23.

² Материальная культура аварцев. С. 248 – 249

³ См.: Сергеева Г.А. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // ПИИЭ. 1977. С. 116.

стали шить из привозного ситца, полотна, бязи и др. Состоятельные каралалки носили покрывала из шелка, парчи. При ширине ткани 1 – 1,3 м на покрывало уходило от 2,5 до 3,5 м. ткани. Носили каралалки покрывало, сложив его треугольником и забросив один конец через плечо.

За исключением сапог русского образца, каралалки носили обувь тех же разновидностей, что и мужчины, обмотками и ноговицами женщины не пользовались. Со всеми видами обуви в холодное время года женщины носили шерстяные носки, чаще всего узорные, с длинными до икр голенищами. В теплое время года чаще всего носились калуш, чарыки, дирихи, башмаки. В осеннее-зимний период указанная обувь обычно заменялись комбинированной обувью (кожаный низ – войлочный верх) или чисто войлочными сапогами с чарыками, дирхами. Носили каралалки и дабзи.

Набор украшений каралалок был достаточно широк: украшения чухту, нашейные и нагрудные украшения, серьги, кольца, перстни, браслеты и др.

Головной убор в налобной части украшался тонкой серебряной цепочкой «рахас», реже – монетами. Нагрудными украшениями служили наборы серебряных монет или блях, скрепленных между собой цепочками «чӀарсыл рахас». Из нескольких разновидностей серег «тантӀикӀи тӀамер» каралалки чаще всего носили небольшие месяце-видные пластины с чернью, иногда со звездой между рогами месяца. Девушки и молодые женщины носили серьги в форме мелких розеток с камнем (стекло, паста) посередине. Золотые серьги носились реже. Кольца и перстни «льищелашун, шишӀтел», носились с камнями и без, серебряные, черненные и гравированные. На правой руке женщина зачастую носила браслет «кваркӀин». Предпочтение здесь отдавалось серебряным однопластиночным браслетом с неглубокой гравировкой и мелкой зернью. Реже надевались составные пластинчатые браслеты на шарнирах, иногда с камнями. Кроме стекла и пасты, кольца и браслеты украшались кораллом, яшмой, янтарем, сердоликом, бирюзой, агатом, жемчугом. Большая часть украшений была кубачинского или казикумухского происхождения, привозились украшения и из аварских ремесленных центров – Согратля, Чоха, Ругуджи, Урады, Гинди и др.

Девочки носили ту же одежду, что и взрослые женщины, соответствующих размеров. Чухту девушки носили с 14 – 15 летнего возраста.

Итак, одежда каралалок в интересующее нас время – это в основном одежда аварцев и других народов аварской группы¹. В основных своих типах в видах она схожа с одеждой других народов Дагестана. Много общего у каралалцев и с одеждой других народов Кавказа².

Пища. Еду каралалцы готовили либо вне жилых помещений (в теплое время года), либо в одной из комнат (в холодное время), где семья, как правило, оставалась и на ночлег. К концу XIX – началу XX в. пристенный камин «табухвон» с дымоходом прочно вошел в быт каралалцев, однако большинство семей в летний период продолжало пользоваться очагом открытого типа: во дворе, в пристройке, в каком-нибудь углу. При пользовании подобным очагом обязательным было наличие треноги «клябах», иногда и очажной цепи «рахас». Несмотря на то, что с 80-90-х годов XIX – самого начала XX в. среди каралалцев стали появляться и все более распространяться чугунные или железные печки из России, очагами открытого типа здесь эпизодически продолжали пользоваться. Кроме того, каралалцы пользовались и специальными печами для поджарки зерна и выпечки хлеба. Этот тип печи хорошо описан А.И. Исламмагомедовым и назван им «каратинским»³.

У камина, частью у открытого очага, у печи находилась и кухонная утварь: несколько бронзовых котлов «хъязан», «хъязани хъагъ» и медных кастрюль «хъаге», сковородки «зайдан», род про-

¹ См. обобщающий труд по одежде народов Дагестана: Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана; см. также: Шиллинг Е.М. Народы андо-цезской группы: РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37; Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. Вып. 18. М., 1953; Агаширинова С.С. Национальная одежда аварцев в XIX – XX веках // Материальная культура аварцев, Агаширинова С.С., Сергеева Г.А. Типология головных уборов аварок Дагестана конца XIX – нач. XX века // Итоги полевых исследований Института этнографии в 1970 г. М., 1971; Сергеева Г.А. Материалы по одежде аварок Тляргатинского р-на Дагестанской АССР // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972; Она же. Об одежде аварцев Дагестанской АССР (по материалам экспедиции 1972 г.) // Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. Ч. 1. М., 1974; Она же. Основные типы женской одежды у аварской группы народов Дагестана (вторая половина XIX – XX в.) // Полевые исследования Института этнографии. М., 1975; Она же. Женские головные украшения аварцев Дагестана в конце XIX – XX века // Полевые исследования Института этнографии. М., 1976. Она же. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // Полевые исследования Института этнографии. М., 1977 и др.; см. также соответствующие разделы серии историко-этнографических исследований народов Дагестана.

² См.: Студентская Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М., 1989; Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Античность и средневековье. Л., 1990 и др.

³ См.: Материальная культура аварцев. С. 170 – 171.

тивня для поджаривания зерна «цоло», деревянные, реже – керамические тарелки и миски «цантур», «ламбег», тарелки большие, керамические, типа подноса «шарун», «шумур», деревянные и металлические (бронзовые, чугунные) ступки с пестиками «ражиха», «ражибух», половники «квай», «кой» шумовки «хинкIабахур», деревянные вилки «маа», «кIванкъа», ложки «гьеру», с конца XIX – нач. XX в. и металлические вилки и ложки «бегун», «бехун», тазы «Iарсе», керамические кувшины (большой – «даде», малый – «къванкъва»), молочники «гъанга», цедилки «буцIудоб», мерки («гъанур» = 16 кг; «сахI» = 1/5 «гъанур»; «кIорагъ» = 1/2 «гъанур»; «якъия» = 1/5 «сахI», «шигай» = 1/10 «сахI» и др.), водоносные медные кувшины «гъанде», «кварар», медный туалетный кувшинчик «квадар», «хванга», кухонные скребки «кванх» и т.д. Как и у других горцев Дагестана, количество медной и бронзовой утвари каралалской семьи свидетельствовало о степени её материального достатка.

Особенности ведения традиционного хозяйства предопределил состав пищи каралалцев, в основе своей мучной и мясомолочной¹. Из овощей здесь активно потреблялись чеснок «ражи», лук «кIанча», а со второй половины XIX в. картофель «къоло», «картушка». Фрукты, как свежие, так и сушеные, частью употреблялись местные, большей частью приобретались в обмен на местную продукцию. Различного рода съедобные травы и травы-приправы «жимиди» дополняли рацион каралалцев. Из растений здесь в том или ином виде (сырыми, начинкой, как съедобные корни) шли в пищу два вида полевого картофеля-батата («тойил жими», «мигъил къоло»), дикий укроп «чIар», тмин «мучари», черемша «хIанку», мята «гIандус», «саган», крапива «мичIчи», конский щавель «гъвамарчо», лопух «гъиа» и др. Шли в пищу также плоды и ягоды шиповника «кIеше», облепихи «гъарце», барбариса «сане», ежевики «цIере», «гIелтIи», кизила «жулам», земляники «гобе», «кокъе», рябины «аза» и многих других кустарников и деревьев.

Смолотую ранней осенью муку – ячменную «бечIини хъороб», пшеничную «къеру хъороб», «гъатIе», ржаную «муол хъороб», кукурузную «шамакъеру», «цIорогъориль», «хъороб», «гъатIе», а также толокно «гони» «махва» и солод «къкъи» хранили в ларях или в больших керамических кувшинах. Чтобы в местах хранения муки, зерна, мяса и др. продуктов не заводились мыши, помещение посыпали засушенными цветами ромашки «чIотIохер». Кроме того, в народе

¹ Традиционная пища горцев Дагестана, в том числе и каралалцев, хорошо исследована З.Б. Рамазановой. См.: Пища Нагорного и Южного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2003.

было известно несколько способов предохранения различного сорта муки и разного вида зерна от порчи. Универсальным способом такого предохранения считалось хранение вместе с мукой, зерном чеснока (отдельными дольками, зубцами), заложенного на различную глубину. В ячменную муку клали с той же целью дубовые «никва» желуди, в пшеничную – засушенный корень папоротника «затан», в ржаную – сухой навоз безрогого козла «гъвала», завернутый в чистую тряпочку; сорочьи перья должны были предотвратить порчу толокна (сорока – «хьиргъан»). Зерна ячменя не портились и давали при посеве хороший урожай, если их хранить рядом с сыром; мешки пшеницы рекомендовалось обложить ветками березы; кроме того, считалось, что запах урбеча «урба» предохраняет от порчи всякое зерно и др. Отметим мимоходом, что в каратинско-ахвахском регионе урбеч (из льна, из кураговых косточек и конопли) производился только в Анчихе, позже – в Нижнем Инхело и отсюда распространялся по другим селениям.

С осени в селениях заготавливалось на зиму также и мясо: начинался забой скота, по большей части – овец, баранов, меньше – телят, быков; резали также и коз.

Наиболее распространенный способ заготовки мяса – это его сушка. Туши «кьулгъаб» рубились на куски, которые либо просто просаливались, либо день-два выдерживались в насыщенном соляном растворе. В том и другом случае мясо просушивалось в тени, в хорошо проветриваемом месте. Помимо этого, общего для народов Кавказа способа заготовки мяса впрок, каралалцы (сел. Карата, Анчих, Арчо, Рачаболда) иногда практиковали у себя и замораживание мяса на искусственно созданных ледниках. Для этого строились специальные помещения, или же использовались дооборудованные естественные, природные пещеры. В том и другом случае копались неглубокий котлован, на 1 – 1,5 м. ниже уровня пола. Дно котлована устилалось каменными плитами, на которые укладывались вырезанные с мелководья льдины. Щели между льдинами заделывались снегом. Слой льда сверху посыпался слоем сена, высотой до 10 см. Сверху опять настилали слой льда – и т.д., в 4 – 5 слоев. Помещение снабжалось толстыми каменными или саманными стенками и плотной дверью. Ледник проветривался непосредственно перед закладкой в него свежего мяса, в одну из сторон он имел сток в виде небольшой канавки – для вытекания талой воды. Таких хранилищ в селении обычно было немного, принадлежали они, как правило, нескольким родственным семьям. Туши здесь хранились лежа, на полотнищах грубого («мешочного») полотна. Заготавливались также на зиму колбаса из овечьего фарша с

жиром и тмином «бецлоб бакье», иногда с ягодами барбариса. Впрок готовили также курдюк «мигъа», свернутый кольцами нутряной жир «хъваймо», топленный жир «бегленльер», а также наполненные фаршем и высушенные желудки «бецлоб баквал».

Молоко «шив» в натуральном виде каратинцами потреблялось редко: его давали детям, престарелым, больным. Почти целиком весь надой использовался для приготовления молочных продуктов. Наибольшее место из последних в рационе и при торгово-обменных операциях занимали различного рода сыры «эса», «бертлин». Сыры и творожные массы каратинцы делали тех же сортов и теми же способами, что и другие аварцы¹. В основном это были сыры из овечьего «ригъай бертлин» или из коровьего молока «знай бертлин». Заметим только, что приготовление говяжьих сыров для каратинцев – явление сравнительно новое: до первой половины XIX в. коровье молоко шло преимущественно на приготовление топленного масла «бицлаб льорлье» (сливочное масло – «шарил льорлье»). В пищу шла также и сметана «илису», окисленное сычугом «махъа» кислое молоко (простокваша) «эроб шуй» и оставшаяся после сыроварения сыворотка «эрце».

Как и у других горцев Дагестана, наипростейшим блюдом каралалцев были поджаренные на плите, сковороде или в специальной печи злаки «кьему». В интересующее нас время злаки (ячмень, пшеница, позже – кукуруза) эпизодически поджаривали и ели при различного рода формах проведения общественного досуга, в обычные дни – в небольших порциях, для разнообразия, как лакомство. Однако, до второй половины XIX в. такая еда выполняла более важные функции, т.е. служила основной пищей воинов в походе, для мужчин при дальних переходах вообще. Из смеси отваренных разновидностей злаков, иногда с добавлением фасоли, каратинцы готовили ритуальное блюдо «гъоди», «гъоре» для коллективных трапез и раздач в дни календарных и религиозных праздников.

Большое место в рационе семьи занимало толокно «гоня», «махва»: замешанное на воде, на чесночной подливке или на сыворотке, иногда с кусочками сыра, оно для беднейших слоев населения составляло основную пищу. Иногда для женщин и детей из толокна готовилось лакомое блюдо. Его замешивали на масле или на кураговом отваре; в первом случае из толокна получались отжимки – горсти, их ели обычно с сыром и запивали кислым молоком; во втором получался род каши, которую ели ложками. Толокно, насыпанное в неболь-

¹ См.: Матерьяльная культура аварцев. С. 269 – 271.

шой кожаный или шерстяной мешочек, тоже служило воину-каратинцу походной пищей.

Чаще других блюд к столу подавался хинкал «хинкай». Самая распространенная разновидность – это сваренные в воде, реже, в мясном бульоне, прямоугольные куски подсолненного теста, размерами около 2 – 3 см. при толщине 1 см. Хинкал, бульон и мясо (если блюдо готовилось на мясном бульоне) подавались отдельно, в различных тарелках, приправой к нему служил сыр, творог, кислое молоко, чесночная подлива, иногда топленое масло, изредка урбеч. Вместо мяса могли подавать колбасу, курдюк, поджарку из курдюка или кусочков нутряного жира «къвакла». Другая разновидность такого блюда «хлуциди» готовилась из прямоугольных кусочков раскатанного в тонкую лепешку и разрезанного на полосы теста (2х2 см). Она подавалась к столу с бульоном, а также с теми же добавочными продуктами и блюдами (подливы, мясо, колбаса и проч.). Еще одна разновидность отличалась от предыдущей только формой сваренного теста: от скатанных 30-40 см цилиндров отрезались куски, зажимались пальцами и бросались в котел. Получались сдавленные по бокам небольшие лепешки, толщиной в полсантиметра и диаметром до 1,5 см. Хинкал иногда готовился и другим способом: от теста отрывали бесформенные куски и бросали в кипящую воду, бульон. Особый, дискообразной формы (в диаметре 2,5 см) хинкал каратинцы готовили из кукурузной муки.

Хлеб, по сравнению с хинкалом, пекли реже. Каратинки готовили и кислый «гъане» и пресный хлеб «къечу», причем последний – это род лепешки «тйем къечу». Хлеб пекли два-три раза в месяц, главным образом для того, чтобы под рукой всегда была готовая пища. Хлебом могли покормить детей и других домочадцев в перерывах между завтраком и обедом; хлеб подавался к столу гостя, пекли его на свадьбы, поминки, праздники, готовили как дорожник, для вакуфных уплат, пятничных раздач и т.д. Поскольку своего хлеба каралалцам на весь год не хватало, в целях экономии муки здесь, как и почти повсеместно в Нагорном Дагестане, к ячменной или пшеничной муке иногда добавлялась гороховая мука «хлалил хъороб» и из этой смеси варили хинкал, пекли хлеб. Особую разновидность представляли собой небольшие, испеченные на плите или на сковороде, кукурузные лепешки. Готовили каралалки и блины «тйем къечу».

Из пшеничной или ржаной муки готовились различного рода вареники типа курзе «рецлорай хинкай» с разнообразной начинкой: с крапивой, творогом, со смесью творога и зеленого лука, с картофель-

ным пюре, яйцами, мясом, требухой и др., иногда с молозивом «длере».

К мучной еде относятся и разные каши «карши». Готовили их обычно на воде, иногда на молоке: пшеничная каша «къерул карши», кукурузная каша «шамакъерул карши» и др. Их ели просто так и с молоком, простоквашей, с маслом, урбечем. Иногда, как лакомство, готовилась каша из солода «къи карши».

Перечисленная выше начинка запекалась в тонкое раскатанное тесто: так пеклись различного рода пироги – чуду «къечлаби», «гъингор». Форма их была либо круглая, либо полукруглая. В том и другом случае они смазывались топленным (реже сливочным) маслом, посыпались толченым и разрезались на узкие (до 15 см) полоски. Нельзя не отметить и специальный вид печеностей: большой, до 1 – 1,2 м. в диаметре пирог с мясом, украшенный поверху нанизанными на палочки яйцами, запеченными орехами и др. Это был так называемый «сиду», пирог – приз, которым награждали победителя в конных скачках, борьбе, беге, метании камня и др. спортивных состязаниях.

Суп «чарпа» готовился каратинцами редко. Он прочно вошел в местный семейный рацион лишь со второй половины XIX в., когда здесь окончательно утвердилась такая культура, как картофель. Иногда к ужину подавалась легкая похлебка с молодой крапивой, готовился суп с фасолью «цурахале», «гъервале», чечевицей «гъолох» – как постный, так и с мясом, подавались к столу молочные крупяные супы. Сытная еда типа соуса готовилась из печени «реклайль», «элапиль», легких «хъунсерди» и картофеля.

Из заимствованных блюд, прочно вошедших в каратинскую кухню, можно назвать также плов «пулав» и халву «бахъух».

Яйца «карклан» шли в пищу отварными, иногда из них на жиру или курдюке жарилась яичница «хайгун».

Хотя официальный ислам налагал запрет на спиртное, водка «таракъи» и особенно вино «жана» были для каралалцев обычными напитками. Несмотря на это, не только проявление заметного пристрастия к выпивке, но даже появление в нетрезвом виде среди людей общественным мнением резко осуждалось и категорически не допускалось. Привозились вино и самогонная водка с Закавказья и Северного Кавказа. Кроме того, легкие хмельные напитки производились здесь же, на месте. Это были ячменный напиток «мед», род хмельного кваса из ячменя или ржи «лъедер» и общедагестанский напиток, известный как буза «члагла»¹.

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 286 – 287.

Таким образом, пища каралалцев характеризовала земледельческо-животноводческий характер хозяйства оседлого населения. десятки поколений которого освоили производящее хозяйство в условиях гор, малоземелья и сложных климатических условий.

В целом материальная культура каралалцев в XIX – начале XX в. дает возможность еще раз подчеркнуть общеаварский её характер в основных чертах, видах и вариантах конкретных объектов. В то же время, анализ традиционных типов поселений, жилья, одежды, пищи каратинцев говорит о значительном проявлении здесь общедагестанских характеристик. Многие в материальном быту народа, имевшего вековые тесные экономические и культурные связи, носит общекавказские черты. Однако, все это вовсе не означает отсутствие у каралалцев самобытных черт в одежде и жилище, в поселениях и в пище, черт специфических, этнодифференцирующих.

Выбор места для поселения у каралалцев каким-то, пока еще не совсем ясным образом был связан с тем или иным домашним животным. Так, место под старое с. Карата по преданию было выбрано якобы потому, что сюда на пастьбу приходили кони: куда бы стреноженных лошадей не выводили на ночной выпас, они старались прискакать именно на это пастбище. Затем, еще до пожаров, рассказывают местные старожилы, по непонятным причинам кони стали сбегаться на пастбище в районе расположения нынешнего селения. Возможно, что в этих преданиях сохранился глухой отголосок стародавних представлений, нечто от тотемизма. В районе с. Арчо, еще до его основания, люди якобы неоднократно замечали небольшое стадо резвящихся коз, которое тут же куда-то исчезало, как только к нему пытались приблизиться. В пустынной местности, где сейчас располагается с. Анчих, люди ранним утром многократно слышали пение петухов, но как ни старались, ни одного петуха никому увидеть не удавалось. Заболевшие или получившие травму ослы, якобы сбегались на большую поляну, где впоследствии образовалось с. Рачабулда. Пробыв здесь несколько суток, выздоровевшая скотина возвращалась к хозяину – и т.д. Подобные же предания существовали в народе и в отношении других селений: Рацитль (корова), Эхело (бык). Верхнее Инхело (баран), Машдада (овца), при этом во всех случаях так или иначе обыгрывалась одна и та же схема: местность пустовала, ее по различным причинам облюбовало то или иное домашнее животное, на этом месте начинали селиться люди.

Каралалцам были известны укрепления, не практикуемые, насколько нам известно, другими народами Дагестана. В наиболее уязвимых местах селения делалась искусственная насыпь: между двумя

рядами ограды из толстых жердей, высотой до 2 м, насыпалась земля. Ширина такого укрепления достигала 1,5 – 2 м.

По сравнению с другими народами Нагорного Дагестана, каралалцы активно применяли саман в качестве строительного материала.

В этой части Дагестана только они приспособивали ледники для хранения мяса и других скоропортящихся продуктов.

Карата и другие селения были известными далеко за пределами Дагестана центрами по выделке высококачественных сукон – «каратинских шалей», что означало активное включение местных жителей в рыночные отношения. По этой причине интерьер каралалского жилища отличался, как правило, необычной пестротой: здесь рядом с произведениями местного ремесла соседствовали предметы быта из Грузии, Азербайджана, Ирана, Турции, Индии, Афганистана, России и др. По той же причине, выбор материалов и тканей для пошива одежды, равно как и привозных, готовых ее образцов, был намного богаче.

В неоднократно подвергнувшихся пожарам каралалских селениях тенденция выноса хозяйственных помещений за линию жилых строений наблюдается четче, чем у других народов Дагестана.

В отличие от подавляющего большинства других горцев Дагестана, у которых такая одежда, как черкеска, была далеко не у каждого мужчины, почти каждый каралалец имел свою черкеску.

Женщины каралалских селений носили шубу, известную в Дагестане лишь хвартукуинцам, по покрою напоминающую черкеску.

Оригинальной была каралалская чухта, напоминавшая головной убор ботлихских женщин, но отличающаяся и от него, и от чепцов-накосников горянок других обществ Дагестана.

Самобытны также и народные приемы предохранения злаков и муки от порчи и т.д.

ГЛАВА IV СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Рудименты древних форм семьи. Каралалцы, как и другие дагестанцы, на определенной стадии исторического развития прошли этап семейно-общинной организации. Где-то на рубеже поздней бронзы и раннего железа серьезные изменения общественно-экономических отношений положили, в частности, начало появлению и утверждению индивидуальной (малой) семьи¹. Пережиточное бытование большой семьи для народов Дагестана в более поздние исторические периоды² исследователи отмечали неоднократно³. Концепция распространения в Нагорном Дагестане семейно-общинных отношений признается не всеми⁴. Думается, что категорическое отрицание их отсутствия не может быть доказанным, если исходить только лишь из традиционной агротехники и особенностей сложения форм собственности на землю⁵. В исследуемое время у каралалцев фрагментарно сохранился тип семьи (по Д.А. Ольдерогге – третий из четырех, стадияльно следующих один за другим типов большой семьи⁶, по А.И. Першиц и Я.С. Смирновой – переходная к малой семье форма⁷), при котором несколько поколений потомков одного человека со своими семьями проживало совместно, каждая семья владела индивидуальным имуществом, собственность же на уголья и скот была общей. Назвать этот тип семьи демократическим или деспотическим (по типологии М.О. Косвена⁸), либо классифицировать её как братскую (по

уточнению Ю.В. Бромлей типологии М.О. Косвена¹) нецелесообразно. Этнографический материал показывает, что в сохранившихся у каратинцев до XVIII – начале XIX в. семейно-общинных структурах (на фоне господства малой семьи) главенствовал старший мужчина. Он по обычно-правовым нормам считался (в определенной степени и был) единоличным распорядителем имущества общины и судеб её членов. На деле, в повседневной жизни, глава семьи не принимал ни одного более или менее важного решения, не посоветовавшись с членами семьи, по крайней мере с главами «микроячеек» общины. В силу чисто биологических причин такая семья чаще всего возглавлялась не отцом, а одним из братьев и представляла собой по сути дела родственное, хозяйственное и идеологическое единство родных, а зачастую родных и двоюродных (по отцовской линии) братьев с их семьями, семьями их детей и внуками. Состояла такая семья из 3-4 поколений предков одного и того же мужчины. По местному преданию, такая семья в XIX в. проживала в с. Энхели. Возглавлялась она двумя братьями – Кьурав и Габа. У Кьурав было четыре сына (БатIа, Саид, Курбан, Гьур) и три у Габа (Шарип, Загалав, Дида). Все они с женами и детьми входили в состав семьи Кьурав-Габа. У перечисленных двоюродных братьев было более 30 детей, они имели женатых сыновей, а некоторые из них и внуков. Всего в семье насчитывалось до 50 человек². Такие же семьи проживали и в других селениях каратинцев: семья СагIду в Анчихе (до 30 человек), семья ХIажи в Арчо (до 25 человек), семья Муслима в Карате (до 35 человек)³ и др. Таким образом, бытование в Нагорном Дагестане форм большой семейной организации еще раз подтверждается⁴. Дальнейшая эволюция такой семьи шла по линии уменьшения её сегментарного состава: в одну семью объединились уже, как правило, только родные братья, которые, по мере появления детей у сыновей и внуков, отпочковывались от общей родственно-хозяйственной единицы.

Развитие производительных сил общества вело к исчезновению такого типа семей. Однако, особенности традиционного ведения хозяйства – многоотраслевого, полунатурального, обходящегося небольшими участками пахоты, требующего сезонного отхода части населения на летние или зимние пастбища – предопределили бытование

¹ Бромлей Ю.В. Энгельс Ф. и проблемы архаической формы семейной общины // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.

² Полевые материалы авторов // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. I. Д. 452. С. 52 – 54 и след.

³ Там же. Д. 452-б. С. 36 – 41.

⁴ См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 24 – 78.

¹ См.: Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II – I тысячелетия до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 86. М.: JL. 1958; История Дагестана. Т. I. М., 1967; Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974; Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения Древнего Дагестана. М., 1982.

² См.: Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 55.

³ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.

⁴ См.: Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. (Исследования взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 105.

⁵ См.: Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.) // УЗ ИИЯЛ. 1964. Т. 13.

⁶ См.: Ольдерогге Д.А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.

⁷ См.: Першиц А.И. Проблема типологии общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978; Смирнова Я.С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // СЭ. 1981. № I: Она же Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). М., 1983.

⁸ Косвен М.О. Указ. соч. С. 70 и др.

пережиточных форм семейно-общинной организации вплоть до 30-40-х годов XX столетия. Уточним, что их было мало, единицы, но сам факт их бытования говорит о гибкости и живучести традиционных социально-экономических структур. Гораздо более распространена была вплоть до предвоенных лет другая, своеобразная, так сказать, промежуточная форма семьи. Являясь по своей сути и внутреннему содержанию малой семьей, вновь выделяющаяся семейная ячейка некоторое время очень часто пользовалась общими пахотными и сенокосными участками; членить малые по площади участки было экономически нецелесообразно, требовалось какое-то время, пока молодая семья экономически окрепнет и обретет самостоятельность.

Малая семья, как уже было сказано, занимала у каралалцев господствующее положение. Большая часть семей была нуклеарной (простой), около трети семей – расширенными (сложными). В числе последних семьи вертикального или отцовского (корневого) типа преобладали над семьями горизонтального типа (или, по Ю.В. Бромлею и М.С. Кошубе¹, однолинейные преобладали над многолинейными). В основной своей массе семьи состояли из родителей и их детей. Нередко членами семьи были или оба, или один из родителей мужа. Реже с родителями и детьми проживал кто-либо из родственников мужа – сестра, младший брат, дядя, дед и др. Иногда совместно с родителями и их детьми временно проживал и женатый старший сын (обычно – до окончания строительства дома, постройки отдельной комнаты и др.).

Внутрисемейные отношения в каралалской семье вытекали из её многофункциональности как социальной группы. Важнейшая из этих функций – производственная – осуществлялась по апробированным веками традиционным методам. В семье царил строго регламентированное половозрастное разделение труда. В земледелии мужчины вывозили и разбрасывали навоз, сеяли, пахали землю, принимали участие в перевозке урожая, в скирдовании, в обмолоте зерна. Все, что связано с помолом зерна (доставка на мельницу зерна, обратная мука, молотба) выполнялось мужчиной. Кроме того, на мужчине лежала ответственность за исправность террасного поля, ограды. Все остальные операции женщины выполняла либо совместно с мужчинами (мужем, сыновьями), либо без них. К последним относилась чисто женская работа в поле: прополка, окучивание, жатва, веяние. Мальчики и подростки помогали отцу, старшему брату, приучались к мужской работе. Соответственно, в женских трудовых операциях прини-

мали участие девочки. В животноводстве на мужчину возлагалась успешность протекания окотной компании, доения овец, перегон и выпас скота, стрижка. Женщины доили коров, подкармливали скотину на стационаре, готовили молочные продукты (кроме овечьего сыра) и др. В ремесленном производстве все операции, связанные с обработкой шерсти и выделкой из нее сукон, паласов, носков, хурджинов, мешков и войлока, возлагались на женщину. Мужчины обрабатывали металл (кузнечное ремесло, медночеканное и ювелирное производство), дерево (плотницкое и столярное дело, выделка различного рода домашней деревянной утвари), шкуры из овчины, камень, кость. Непосредственно в доме мужчина занимался текущим ремонтом дома и хозяйственных помещений, заготавливал дрова на зиму, чинил сбрю, сельскохозяйственные орудия и др. Вся работа по уходу за детьми, обеспечению чистоты и порядка, а также стирка, приготовление еды и т.д. – считалось чисто женским занятием. Юноша с 15-16 лет и девушка с 13-14 лет считались достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно выполнять любую работу по дому или хозяйству вообще.

Главой семьи «хъизан» считался отец «има». В еще неотделившейся семье эту функцию выполнял дед по отцу «гьеркIайла». Традиционно глава считался единоличным распорядителем имущества и судеб своих домочадцев. На деле же, как уже отмечалось, власть эта была чисто условной, адатной, характеризующейся не столько юридической силой¹, сколько нравственно-этическими установлениями общества. Как бы там ни было, глава семьи все свои решения согласовывал, как правило, с женой «гьаркIке» и другими взрослыми членами семьи. В семье он пользовался подчеркнутым уважением всех других членов семьи. Младшие домочадцы должны были стоя его приветствовать, вставать при его появлении, беседы своей не навязывать, ждать, когда он к ним обратится с вопросом, предложением или распоряжением. Все лучшее в доме – лучший кусок за столом, лучшая постель, одежда – предоставлялось, прежде всего, главе семьи. Он представлял семью и её интересы перед тухумом, джамаатом, перед сельской традиционной и официальной администрацией. Любая провинность члена семьи, любой неблагоприятный поступок кого бы то ни было из домочадцев, общественным мнением вменялись в вину главе этой семьи.

¹ «За убийство сына ни перед кем в отношении дядя отец не отвечает», – гласит § 11 раздела «Об убийствах» «Адагов Каратинского наибства». См.: Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв.: Архивные материалы. Составитель Х.-М.О. Хашаев. М., 1965. С. 144.

¹ Бромлей Ю.В., Кошуба М.С. Семья и брак у народов Югославии. М., 1982

Если молодая супружеская пара вместе со своими детьми проживала совместно с родителями мужа, то семья зачастую называлась именем его матери (семья Патимат, семья Хадижат и др.). Здесь сказывается, вероятно, глухие отголоски материнского права, заглушенные не только процессом естественного развития социально-экономических отношений, но и активным проникновением идеологии ислама во все сферы жизнедеятельности общества.

Жена по адатным нормам, подвергнутым целенаправленной корреляции с шариатскими установлениями, должна была безоговорочно подчиняться своему мужу «кунтIа» во всех ситуациях, по любому вопросу. На деле каралалка, как и женщина других горских обществ Дагестана, пользовалась в семье почетом и уважением, занимая в ней определяющее место и пользуясь вполне определенной свободой. Выходящей замуж девушке отец, дед, старшие женатые братья, дяди и др., наряду с различного рода домашней утварью, одеждой, деньгами, нередко дарили участок сенокоса или пахоты, часть фруктового сада и, кроме того, скотину. Все это, вместе с подарками родственников жениха, своих родных и близких и суммой кебинных денег, составляло личную собственность женщины, которую она имела право востребовать в случае развода с мужем. Это положение в значительной степени определяло место женщины в обществе и в семье, давало ей чувство уверенности, независимости, самостоятельности. Уточним сразу же, что развод в каралалской семье – событие чрезвычайно редкое (для интересующей нас эпохи, разумеется). На страже семьи стояли не только общественное мнение и обычно-правовые нормы. Без особо уважительных причин развестись с женой означало для мужчины обретение значительного числа лиц, посчитавших себя оскорбленными (отец девушки, её дядя, братья, двоюродные братья и др.), с чем считаться, думается, приходилось. Помимо всего этого, роль женского труда в доме и хозяйстве уже обеспечивала ей уважение со стороны мужа и детей (дети – «макIи»). Вопросы купли-продажи, обменных операций, сватовства, женитьбы или замужества детей – все это и многое другое муж обязательно обговаривал с женой, считался с её мнением.

Уже лет с 8-ми мальчишки (сын – «ваша») по установившимся нормам поведения старались не проявлять, особенно на людях, своей привязанности к матери, оказывали ей знаки уважения, но держались подчеркнуто отчуждено; девочки (дочь – «яше», «яхьо») в этом отношении вели себя более свободно. По отношению к сестрам «яци» братья «ваци» занимали несколько привилегированное положение: сестры стирали их одежду, чистили обувь, убирали после них постель,

посуду и т.д. Особенно велика была в семье роль старшего брата, на которого родители возглавляли обязанность в воспитании остальных детей.

Таким образом, семейный уклад каралалцев был проникнут патриархальным духом. Отношения эти складывались в обстановке мощного земледельческо-скотоводческого хозяйства с его полунатуральными формами, которое вели в массе своей лично свободные труженики, организованные и по принципу кровного родства, и по соседскому признаку в образование общинного типа с элементами военизированного быта.

Семейные обычаи и обряды каралалцев мало чем отличаются от таковых же у других народов Дагестана¹.

Свадебные обычаи и обряды. Женитьба сына, замужество дочери – важнейшие события в каралалской семье. Создание новой семейной ячейки происходило по своеобразному, выработанному десятилетиями поколений традиционному сценарию.

Брачный партнер (для девушки – с 15-18 лет, для юноши – с 18-20) подбирался по нескольким признакам. Учитывалось материальное состояние невесты, жениха, социальный статус родителей, личные качества вступающих в брак. За потомков военнопленных «къзакъ» дочерей своих не отдавали, старались также не брать в семью девушку из такого сословия. Будущего супруга выбирали из своего тухума, своего джамаата. Реже заключались межсельские браки, еще реже – с представителями других аварских народов, совсем редко – межэтнические в рамках Дагестана, в единичных случаях жених или невеста принадлежали к одному из мусульманских народов Северного Кавказа или Закавказья. Стороны юноши и девушки присматрива-

¹ См.: Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М., 1985; См. также: Чурсин Г.Ф. Свадебные обычаи аварцев // Бюл. Кавк. ист.-археол. ин-та. Вып. 4. Тифлис, 1928; Он же. Авары: Этнографический очерк // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65; Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахисского р-на // СЭ. 1946. № 1; Она же. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев в XIX в. // КСИЭ. 1949. Вып. 8; Шиллинг Е.М. Народы андо-цезской группы (1940 – 1947) // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37; Ихилев М.М. Большая семья и патронимия у горских евреев // СЭ. 1950. № 1; Он же. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967; Алиев А.И. Брак и свадебные обряды даргинцев // СЭ. 1953. № 4; Сергеева Г.А. Брак и свадьба у народов Дагестана // КСИЭ, 1959. Вып. 32; Агаширинова С.С. Свадебные обряды лезгин XIX – нач. XX в. // УЗ ИИЯЛ. Вып. 12. Махачкала, 1964; Агларов М.А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности андийцев в XIX в. // СЭ. 1964. № 6; Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967; Она же. Народы Дагестана // Семейный быт народов СССР. М., 1990; Булатова А.Г. Лаццы: Историко-этнографические очерки. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1971; Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980; Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (Равнинный Дагестан). Махачкала, 1989 и др.

лись к будущим потенциальным брачным партнерам с их раннего детства. К годам возмужания юноши или зрелости девушки их родители в общем уже имели всю необходимую информацию о предполагаемой супружеской паре, вплоть до настроений домочадцев и родственников. Женились и выходили замуж молодые люди в подавляющем большинстве по выбору родителей. Если в этом важном мероприятии голос юноши что-то и решал, то настроения девушки мало кого интересовали.

Брак через сватовство «гьаркле хара» – наиболее распространенная форма у каралалцев в рассматриваемое время. Кроме того, в народе прибегали и к бракам-похищениям «хьамер», люлечным сговорам, обручениям малолетних («гьардара харой», «гьекьой»), отборочным и обменным бракам, к левирату и сорорату. Следует подчеркнуть, что все перечисленные формы брачного партнерства (кроме, понятно, первой) не типичны для подавляющего большинства народов Дагестана, не знавших покупного брака. Они бытовали эпизодически, к ним приводило то или иное стечение обстоятельств, соображения престижности, морально-этической, экономической целесообразности. Говоря иначе, статус обычая на эти формы брака не распространялся.

К похищению каратинцы иногда прибегали в случае получения отказа от родственников девушки. Случалось это очень редко, т.к. в лице родственников похищенной похититель обретал кровных врагов. «Если кто увезет девушку или вдову, – гласит адат каралалцев, – то виновный платит в пользу общества 15 руб., и от него зависит, женится на ней или нет...»¹. Несмотря на фиксированную для подобного случая правовую норму, на деле похититель редко брал на себя чрезвычайно большую ответственность и с точки зрения общественного мнения, и в отношении вполне реальной угрозы обрести статус кровника. Похищение, хоть и эпизодически, бытовало чаще всего не между самими каралалцами, а в отношении других народов: ахвахцев, аварцев, багулалов, чамалалов, тиндинцев и др. Немногим чаще совершался совместный побег влюбленных «хеке чваро ельшой», которым родители препятствовали воссоединиться. «Если женщина сама уйдет за кого-нибудь без согласия родителей...»² – такими словами начинается другая фиксированная норма, свидетельствующая, что такие эпизоды нет-нет, да случались. «Если отнимут у женщины кольцо или отрежут косу, и обиженная не заявит до истечения недели, а обидчик заявит, что она добровольно дала ему отнять кольцо и отре-

зать косу, то заявление её не принимается»¹, – читаем мы тут же. В данном случае речь идет о форме брака, известного и другим народам Кавказа², а также под названием «брак прикосновением», «помолвка прикосновением» и другим народам мира³. Г.Ф. Чурсин не без основания предлагал квалифицировать эту форму как разновидность брака похищением⁴. Молодой человек, получив отказ от девушки (непосредственно или через родителей), насильственно обнимал девушку, прикасался к её телу, срывал с неё платок, кольцо, отрезал косу и др. Девушка становилась как бы «помеченной», и к ней после этого вряд ли кто-либо осмелился посвататься.

Прежде чем посылать к родителям девушки сватов (сватать – «яше хаалъа»), сторона парня старалась абсолютно удостовериться, что не получит отказа. Молодой человек, получивший такой отказ, его родители и ближайшие родственники посчитали бы себя кровно обиженными, оскорбленными.

Сначала к избраннице в невесты отправляли одного человека. Это был близкий родственник юноши по отцу, по матери, друг отца, старшего брата, нередко – сосед. Важно было, чтобы взявший на себя эту ответственную миссию был лицом уважаемым, пользующимся репутацией честного и мудрого человека. Посланник направлялся к ближайшему родственнику девушки – к отцу, дяде, старшему брату. Разговор обычно велся длительный, к делу подбирались не торопясь, исподволь, прибегая к намекам, иносказаниям, притчам, пословицам и поговоркам и т.д. Когда приходивший добирался, наконец, до сути и недвусмысленно говорил о цели своего визита, родственник девушки обычно в традиционных выражениях благодарил пришедшего и в его лице – сторону юноши, за высокую честь, высказывал удовлетворение, что на его дочь обратили внимание уважаемые люди. Однако, говорилось в таких случаях, вопрос очень важный, нужно его обдумать, посоветоваться с уважаемыми членами тухума, со старшими домочадцами, узнать отношение девушки к предложению и т.д. Через некоторое время – от 3-5 до 10-15 дней, тот же человек повторял свой визит. К главной причине визита приходивший и хозяин дома опять-таки подбирались не сразу, постепенно, но все же гораздо быстрее, чем при первой беседе. Хозяин дома обычно с множеством оговорок, как бы нехотя, через силу, «исключительно из уважения к гостю»,

¹ Там же.

² См.: Максимов А.Н. Об одном свадебном обряде // ЭО. Вып. 4.

³ Меликишвили Л.Ж. Некоторые стороны осетинского свадебного обряда // КЭС. Вып. 2. Т. 5. Тбилиси, 1979.

⁴ Чурсин Г.Ф. Указ. соч. С. 36.

¹ Адаты Каратинского намества. С. 148.

² Там же.

приносил слова, значение которых истолковывалось как «особых причин для отказа у нас нет». Это считалось вполне достаточным, чтобы уже дня через 3-4 к родителям девушки направить группу родственников юноши из 5-7 человек: его старшего брата, дядю, двоюродного брата, соседа, близкого друга, а также мать, тетку, замужнюю сестру и др. Они несли с собой немного сладостей, фруктов, испеченные в коре «кьечлаби», а также небольшой подарок невесте: отрез и платок, либо только одно из них, или серебряное украшение и т.д. Сторона девушки была готова к приходу гостей, сюда, кроме родителей, братьев и сестер, собирались и ее дяди, тети, двоюродные братья и сестры и др. Сватовство теперь носило уже официальный характер: сторона парня высказывалась о своих пожеланиях, сторона девушки, дав себя уговорить, как бы примиряясь с неизбежностью, соглашалась. Все садились за стол – женщины отдельно от мужчин -- и слегка угощались. Согласие стороны невесты облекалось и в своеобразную знаковую символику: пришедших мужчин, 2-3-х из них, усаживали на обмазанную топленным маслом или курдюком шерсть, кусок овчины. Гости делали вид, что ни о чем не догадываются, возмущения по этому поводу, остроты, шутки откладывались к моменту ухода пришедших. Жирные пятна на одежде сватов свидетельствовали всему джамаату о достигнутом согласии. Затем, через несколько дней после этого, в дом родителей девушки направлялась более представительная по числу делегация родных и близких парня, человек 12-15 (отец, мать, родные братья и сестры в ней не участвовали). Сваты несли с собой пироги с сыром, творогом, сладости, фрукты и проч., а также подарки парня девушке: несколько отрезов на платье (3-4 домотканых, столько же привозных, фабричных), 2-3 платка, 1-2 шали, шубу, 3-4 готовых платья, серебряные украшения, обувь, белье, парфюмерию и др. Среди них находились и подарки ближайшим родственникам и родственницам девушки: её отцу и матери, братьям, сестрам, дядям, теткам (платочки, чулки, кисеты, парфюмерия и др.). Мужчины садились за стол, угощались и вели разговор о том, когда именно сыграть свадьбу, что в приданное получит невеста, каким хозяйством будет наделен жених, где молодые будут жить и т.д. Женщины в это время производили тщательный осмотр и оценку подарков стороны жениха. Вокруг сундука с подарками собирались родственницы жениха и невесты (последние – за исключение самых близких) и ее подружки. Старшая со стороны жениха брала из сундука по одной из вещей, приговаривая: «А вот, смотрите, платье. А вот, смотрите, платок!» – и т.д. Подарки демонстрировались так, чтобы самые ценные и красивые оставались напоследок. Подружки невесты шумели, шути-

ли, смеялись: «За то-то и то-то мы невесту вам отдадим, а за то-то и то-то ни за что! Вот это нашей невесте не подходит, ему грош цена! А вот это ничего, подойдет, но можно бы и получше! ...» Невеста находилась тут же, но в просмотре вещей участия не принимала, отворачивалась. Сторона жениха, его родственницы, то и дело обращались к невесте с вопросами, старались заинтересовать её подарками, спрашивали, нравится ли ей то-то и то-то. Невеста ничего не отвечала, за нее отвечали подружки, как правило, едко и остроумно. Шума и веселья здесь было много. Именно после этого дня юноша «Голохъан» и девушка «яше» официально становились женихом «бахларав» и невестой «бахларай».

Между обручением и свадьбой «бертен», «мухье», как правило, проходило от 2-3 месяцев до 1,5-2 лет. За это время одна из сторон могла переориентироваться в выборе брачного партнера, парень или девушка могли передумать, кому-то могла понравиться чужая невеста и т.д. Вряд ли такие случаи были часты, но они, все же, видимо имели место. Следствием подобных ситуаций становились затяжные и унижительные для обеих сторон судебные разбирательства, сельские пересуды, глухая вражда. Надо полагать, именно поэтому во второй половине века появилась фиксированная адатная норма, несколько противоречащая традиционным обычно-правовым установлениям: «Со дня постановления настоящих адатов во всем Каратинском участке уничтожается сватовство, и как бы ни была девушка или вдова засватана, сватовство это не признается. Всякий может жениться по своему усмотрению, но женитьба будет считаться с того дня, когда совершат свадьбу; а потому, никакие способы, имеющие предметом сватовства, после сего постановления не должны быть принимаемы для рассмотрения в судах»¹.

В общении между собой и родственниками друг друга невеста и жених руководствовались обычаями, известными в этнографической литературе как «избегания» и «семейные запреты». Невеста старалась не попадаться на глаза родственникам жениха, особенно мужской их части. Хотя и в меньшей степени, эта норма поведения предписывалась и жениху. Следуя неписанным этическим традиционным нормам, тех же правил старалась придерживаться молодая супруга до рождения ребенка; она избегала называть супруга и его взрослых родственников (отца, дядей, братьев) по имени; в присутствии посторонних не называл по имени и муж свою жену. К той же категории относилась и несовместимость с нормами общественного поведения

¹ Адаты Каратинского наибства. С. 148.

демонстрация мужниной любви и привязанности к жене и детям, обращение детей к отцу, матери и близким родственникам по имени и т.д. Все это у каралалцев не носило характера непреклонной жесткой обязанности, как у тюркоязычных народов Дагестана, многих народов Северного Кавказа, Средней Азии и др.¹, но в какой-то мере характеризовало особенности внутрисемейных и межсемейных отношений. Добавим только, что, избегая родственников жениха, девушка не только соблюдала старозаветный обычай, но и стремилась не дать повода подумать, что она напрашивается на подарок. По соблюдаемым каралалцами нормам, родственник или родственница жениха, встретив свою будущую невестку, должны были одарить её чем-либо: платком, носками, наперстком с иголками, лентами, ножницами, мылом и др.

Между семьями будущих супругов устанавливались теплые, родственные отношения. Сторона жениха постоянно навещала родственников невесты и в праздники, и в будни. Она угощала их готовым блюдом (хинкалом, лепешками, чуду и др.) или дарила продукты (сыр, мясо, овощи, колбасу, курдюк, мед и др.). Обе стороны готовились к свадьбе. Сторона жениха делала запасы мяса, напитков, сыра, муки, готовила подарки невесте и её родне и проч. Сторона невесты беспокоилась о приданном девушки и тоже думала о продуктах: ей предстояло принять, угостить и с честью проводить родственников и друзей жениха, пришедших за невестой. Невеста в эти дни вместе со своими подружками шила себе платье, вязала для подарков носки, вышивала, с утра до вечера у нее толпились девушки. Женщины селения приходили в дом невесты, ее мать, тетя или старшая сестра показывала им приданное молодой: постельные принадлежности, ковры, паласы, платья, платки, кухонную утварь и т.д.

За день до свадьбы или в день свадьбы заключался религиозный брак – «магьар», и с этого момента молодые считались мужем и женой. От девушки формально требовалось согласие на замужество, на деле, чаще всего, она выполняла волю родителей. В народе было принято подшучивать над муллою, совершающим «магьар», в то время, когда он угощался: его незаметно привязывали к столбу, столу,

скамейке; могли привязать ногу муллы к казану; карманы ему набивали объедками, огрызками; к одежде цепляли длинную веревку, с привязанными к ней тряпками, старой обувью и т.д. Мулла же, даже если и замечал эти проделки, не подавал вида. Когда он вставал и уходил, все это волочилось за ним, люди и сам мулла смеялись, острили.

В тот же день, т.е. за день до свадьбы, женщины, родственницы невесты, несли приданное молодой в её новый дом – дом жениха. Отметим, что обычай выделения приданного для дочери еще раз подчеркивает господство и преобладание у каралалцев малой семьи¹. Процессия в 20-25 человек шла по улицам с песнями, шутками. У каждой женщины в руках были какие-либо предметы и вещи из приданного: одеяло, палас, подушка, кувшин для воды, поднос, котел и т.д. Кроме того, женщины несли несколько мешков муки, туши баранов, сушеные колбасы, несколько (5-6) курдюков и др. Обычно отдельно несли большое зеркало, завернутое во что-нибудь. Процессию охраняли парни с длинными палками: среди молодых людей считалось особым удалством вырвать из рук несущих курдюк или колбасы; то и другое возвращалось после «выкупа»; откупались куском мяса, кувшином хмельного, лепешками и др. Вынудить процессию прибегать к подобным «выкупам» для неё считалось унижительным. Кроме того, по местным обычаям молодежь стремилась обнаружить зеркало и разбивать его камнями, процессия же, понятно, старалась донести зеркало до места целым. Все принесенное раскладывалось в доме жениха в комнате, отведенной для молодоженов. Пришедших приглашали к столу, угощали. По традиции родственницы невесты, осматривая дом, комнаты, обстановку, пробуя угощение, брюзжали, привередничали и жаловались: «Наша невеста привыкла к светлой (просторной, теплой...) комнате!»; «Наша девушка привыкла ходить по коврам (спать на мягкой постели, сидеть на резном стуле...)!»; «Наша дочка не приучена есть то-то и то-то, её нужно то-то и то-то!» и т.д. Сторона жениха доброжелательно и с шутками старалась по возможности удовлетворить претензии пришедших.

С утра в доме невесты подружки и 1-2 зрелые женщины наряжали молодую к свадьбе и пели:

«С солнцем распустишься (будешь процветать),
В счастливом (богоугодном) деле!
Ханскими подарками будешь
Вся усыпана ты,

¹ См.: Малнин Л.В. О свадебных платежах и приданном у кавказских горцев // ЭО. 1890. № 3; Косвен М.О. Брак-покупка // Красная Новь. 1925. № 2.

¹ См.: Максимов А.Н. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого // ЭО. 1908. № 1 – 2. С. 7 – 8; Винников И.Н. К вопросу о возникновении института «избеганий» (avoidance) // Сб. этнографических материалов. Л., 1927. С. 36 – 38; Шгернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933. С. 30 – 32; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 75; Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 163 – 240; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. С. 37 – 44; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана. С. 170 – 171.

Цветок, выросший на отцовском поле!
Ты уйдешь, а сердце твое
Здесь же, с нами останется».
(На бежтинском языке)¹

Все родственники невесты, мужчины и женщины, приглашались в дом жениха еще до прихода невесты. Здесь их с почетом встречали и хорошо угощали. Посидев, пообщавшись с другими гостями, угостившись и обменявшись гостями со стороны жениха, мужчины, каждый из которых получал небольшой подарок (носки, платок, кисет и проч.), вставали и уходили. Женщины оставались. Только после этого в дом невесты направлялась процессия за невестой. Возглавлял её жених со своими друзьями «бахларасул гьудул», сюда входили родные и двоюродные братья, дяди, племянники, а также сестры, тетки, племянницы и т.д. Всего в процессию входило 20-25 человек. С собой они обязательно брали хмельное, хлеб, мясо, сыр, т.к. знали, что в пути их неоднократно будут останавливать, преграждать дорогу и задерживать, пока не будет выплачен «выкуп». Люди шли с музыкой (зурнач – «зурмихъан», барабанщик – «дамихъан»), песнями, танцами, шутками, со свистом и гиком; до официальных запретов царской администрации такие процессии (за невестой и с невестой) сопровождалась ружейной и пистолетной пальбой. У ворот дома невесты процессия задерживались, женщины пели:

«За прекрасным цветком
Солнце выходит,
Попить холодную чистую воду
Олень выходит,
Искать в зеленой траве свою подружку
Перепел выходит.
За тобой охотник пришел
С золотым ружьем.
Ты волей небес
Его добыча».
(На каратинском языке)²

Здесь же, у ворот невесты, пришедшие устраивали танцы. Наконец к ним выходила мать, тетья невесты (отец и братья в этот день уходили из дома, часто даже из селения, и в торжествах не участвовали) и приглашала пришедших войти во двор, в дом. Однако дальнейшему продвижению пришедших теперь препятствовали подружки невесты «бахларалъул гьудул». Кто-либо из родственников жениха уго-

шал их сладостями, фруктами, орехами, специально принесенными на этот случай, или «откупался» мелочью серебром и пришедшие входили в дом. Людей рассаживали, накрывали столы, подавали хмельное. Подружки невесты то и дело предлагали пришедшим: «Хотите увидеть невесту? Давайте ковер (теленка, барана, медный кувшин...!)». Если кто-то откликнулся на предложение (что происходило далеко не всегда), ему верили на слово: подаренное становилось собственностью невесты. Посидев 1-1,5 часа, немного попев и потанцевав, пришедшие, по знаку старшего из них, вставали. Старший благодарил родных, родственников и друзей дома невесты и напоминал, что всех их с молодой ждут в доме жениха. С этого момента пришедшие старались украсть что-либо из дома невесты: бокал, тарелку, нож, ложку и т.д. Все это затем отдавалось невесте и тоже становилось её собственностью. Подружки невесты опять чинили уходящим всякие препятствия, не выпускали невесту; опять кому-либо приходилось «откупаться». Но тут упрямиться начинала теперь невеста. Она отказывалась идти, пока кто-либо из близких родственников жениха не подарит её телку, быка, овцу, несколько ягнят и др. Также она вела себя, скажем, забегая вперед, и у порога дома жениха, отказываясь переступить его, пока ей под ноги не постелят ковер или не подарят корову, телку и др. Наконец все выходили и с песнями, музыкой шли к дому жениха. Им вдогонку оставшиеся в доме женщины пели:

«Уходящим – радость с благополучием,
Остающимся – благодать с изобилием!
И там, и здесь ты наша,
Золотая пуговица на бархатном платье».
(На каратинском языке)¹

Пели и женщины процессии, направляющейся к дому жениха:
«Молодая лань
С дальних зеленых гор
Идет к охотнику –
Пусть оба будут благословенны!
Хорошо куропатке
В родном гнезде.
Ей выпало поменять место –
Пусть будет благословенна!»
(На каратинском языке)²

Парни с палками сопровождали и эту процессию. По традиции, на людей, сопровождавших невесту к дому жениха, могли напасть

¹ Там же. Л. 71.

² См.: РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 513. Л. 71. С. 33.

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 51.

односельчане и захватить «в плен» жениха или невесту («бахларав во-кьешер», «бахларай хьамер»). «Захваченных» держали в доме когото-либо из односельчан, окружив их почетом и уважением: хозяин дома накрывал для них стол и дарил какие-либо вещи: рубаху, отрез, пояс, кольцо и проч. «Похищенных» возвращали за солидный выкуп, обычно за несколько баранов. Когда процессия подходила к дому жениха, женщины и девушки пели:

«Невеста, невеста,
Наша невеста,
Под платком «гурминдо»
Шея длинная!
Жених, жених,
Наш жених,
Под искъалиль¹ черкеской
Фигура черкеса!

Невеста, невеста,
Наша невеста,
Лицо круглое,
Глаза черные,
Брови в линию,
Краснощекая,
Губы тонкие,
Наша невеста!
Под платком «дарай»
Фигура черкешенки,
Под «гурминдо»- платком
Шея длинная,
Наша невеста!»
(На каратинском языке)²

Навстречу процессии выходила мать жениха. Она целовала невесту, высказывала ей традиционные благопожелания и приглашала всех войти в дом. Здесь же она со словами «Да будет твоя жизнь в нашем доме сладкой!» давала будущей невестке ложку меда. Родственницы жениха обсыпали невесту и ее подружек зерном, мукой, орехами, конфетами, мелочью; все, что можно подобрать, подбирали ждавшие этого момента дети. Иногда к невесте с подружками подходила бабка по отцу жениха «гьерклайила» и выговаривала ей: «Иди (в дом) дорогая, иди! Ты желанная, ты в почете, иди! Меня выгоняют, а тебя приглашают, иди!» В ответ на это к старухе подходил дальний

¹ Искъал – бархат.

² См.: РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 513. Л. 29 – 30.

родственник невесты и выполнял заранее данное ему поручение. Со словами «Настоящая хозяйка этого дома – это ты!», он одаривал старую женщину платком, шалью или отрезом. «Эта была шутка, шутка», – говорила после этого бабка жениха, обнимала невесту, целовала ее и приглашала в дом¹. Вариант этого обычая нами был обнаружен и у ахвахцев². Подобные ритуальные действия с более разработанными и детализированными составными, были присущи адыгским народам при вводе невесты в «большой дом»³. Видимо, аналогичные обряды были характерны для кавказских народов вообще и свидетельствовали о былом распространении здесь семейно-общинных структур.

Невесту заводили в отдельную комнату и сажали в углу на возвышение из сложенных горкой полотнищ войлока, паласов, ковров, одеял из дорогой материи, выделанных шкур. Вся фигура ее была окутана большим платком, лицо закрывало полупрозрачное шелковое покрывало, при ней неотлучно находились две-три подружки и одна-две взрослые замужние родственницы. Это было, так сказать, ближайшее окружение невесты, кроме них в комнате обычно находилось много народа, главным образом девушек, подружек невесты и ее родственниц. Жениха на свадьбе не бывало, он до ночи проводил время в застолье у кого-либо из своих друзей. Иначе говоря, виновники торжества в общем свадебном застолье практически участия не принимали. Так называемая «свадьба со скрыванием», отмечают исследователи, характерная когда-то для всех народов Кавказа, еще не изжила себя, хотя и подверглась значительной редакции ислама и шариата⁴.

В других комнатах дома жениха уже сидели и пировали гости, туда с почетом заводили и усаживали пришедших (женщин отдельно от мужчин), и веселье, угощение продолжались с новой силой. К этому времени наступал час одаривания невесты родственниками жениха. Подружки невесты из комнаты, где она сидит, выкрикивали: «Отец жениха, заходи!» Он входил, стоя приветствовал молодую и объявлял о дарении денег, украшений, одежды и проч. Невеста сидела и молча слушала. Это единственный момент в жизни девушки – каралалки, когда она слушает старшего, да еще и родственника мужа, сила. Так поочередно, по возрасту (а не по степени родства), девушки

¹ Полевой материал. // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 452^а. Л. 76 – 77

² См.: РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 294 Л. 192 – 193.

³ См.: Меретуков М.А. Об одном пережитке матриархата в семейном быту адыгов // УЗ Адыгского НИИ языка, литературы и истории. Т. 8. Майкоп, 1968. С. 179-188.

⁴ См.: Сигорский М. Брак и брачные обычаи на Кавказе // Этнография. 1930. № 30. С. 49.

приглашали всех взрослых близких родственников жениха (дядьев, родных и двоюродных братьев и др.), которые чем-либо одаривали невесту.

Стол у мужчин вел тамада «гъадвал», поочередно, по старшинству предоставляя собравшимся произнести тост, наказывая «штрафами» (мясом, хлебом, хмельным, деньгами и проч.) «нарушителей» дисциплины. Все это обставлялось шутками, остроумными обвинениями и оправданиями, смехом, одобрительными восклицаниями всех собравшихся, в т.ч. и тех, кто подвергался «штрафу». Рог с хмельным ходил по рукам, от одного участника застолья к другому, неоднократно обходил всех присутствующих. Однако, позволить себе захмелеть хотя бы частично, потерять контроль над словами и поступками никто себе не позволял: это никак не вязалось с традиционными представлениями народа о чести и достоинстве мужчины. Время от времени собравшиеся выходили во двор или под навес потанцевать, для этого специально приглашались и женщины. Кого-либо из женщин тамада через посыльных просил и спеть. Заставив всех хорошо попросить, женщина соглашалась и исполняла песню; кто-либо из мужчин сопровождал её на агач-кумузе «пандур». Все же песни чаще исполнялись мужчинами, пелись они по большей части на аварском языке, реже – на каратинском.

Веселое застолье продолжалось до позднего вечера, наконец гости по одному или небольшими группами расходились по домам. А невеста оставалась с подругами и одной-двумя сопровождающими её женщинами. Вскоре туда же дружки приводили и жениха, который находился все это время с ближайшими друзьями в доме одного из них. Здесь тоже был накрыт стол, присутствовавшие развлекали друг друга и жениха остротами, песнями, танцами и др. Молодежь – жених с невестой со своими дружками и подругами – собиралась теперь вместе, начиналась новая волна веселья: своеобразное состязание в остроумии, песни и танцы и т.д. – все благопристойно, безо всякого, даже отдаленного намека на двусмысленность, непристойность. Примерно за полночь дружки и подружки уходили, молодые оставались наедине. Свидетельство непорочности невесты утром передавалось сопровождающим её женщинам, которые всю ночь проводили где-либо в соседнем помещении. Уйдя из дома жениха, его друзья до утра находились где-нибудь поблизости, отгоняя палками молодежь, по традиции старавшуюся подглядеть и подслушать за молодыми. Сами же друзья жениха тоже не прочь были над молодыми подтрунить. Рассчитав время, когда супругам, оставшимся наедине, особенно требуется отдохнуть, они с шумом вваливались к ним в комнату, принося

с собой хинкал с мясом и чесноком и предлагая супругам подкрепиться. Молодежь не покидала помещение до тех пор, пока по настоятельным просьбам пришедших невеста (собственно, уже молодая жена) хоть немного не отведывала кушанья. В этом действе, как и во многих других, сопровождающих традиционный свадебный обряд, воспринимаемый как шутку, обычай, традицию, желание повеселиться, кроются, по всей вероятности, рудиментные штрихи стародавних представлений, связанных, в частности, с идеей группового брака.

Рано утром подружки и друзья молодоженов будили молодых. Жена оставалась в доме, мужа уводили купаться к роднику. После этого молодая жена с подружками и муж с друзьями собирались в одной комнате. Следовали обычные в подобных случаях шутки, розыгрыши, смех, остроты, танцы, песни и проч. Для подавляющего большинства родственников и односельчан свадьба считалась законченной. На второй и третий день к молодоженам с поздравлениями приходили те, кто в силу тех или иных обстоятельств не смогли присутствовать на свадьбе.

В послеобеденное время четвертого дня группа девушек и парней выводили молодую к роднику или к речке за водой – «лъеидир». Жених в этом шествии не участвовал. Молодая в нарядной одежде, в окружении подруг, с кувшином в руках медленно двигалась к источнику, парни и девушки пели, играли на музыкальных инструментах, танцевали. Шум и веселье продолжались и на обратном пути. Когда невеста с сопровождающей ее молодежью входила во двор своего мужа, объявлялся танец молодых.

Еще через день-два отец молодой приглашал дочь и своего зятя с ближайшими родственниками к себе домой. Здесь их сердечно встречали, рассаживали за накрытыми столами (женщин отдельно от мужчин), угощали, звучали взаимные приветствия, здравицы и тосты. Всем пришедшим делались небольшие подарки. С этого дня новобрачная могла посещать свой родительский дом в любое время. В данном случае речь идет об одном из свадебных обычаев, получившем в этнографической литературе название "обычай возвращения домой" и известный многим дагестанцам и народам Кавказа вообще¹. М.О. Косвен классифицировал его как пережиток периода перехода от матрилокального поселения к патрилокальному².

К послесвадебным обрядам каратинцев относится также приглашение главным дружкой жениха обоих молодоженов к себе в гос-

¹ См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 268-269; Смирнова Я.С. Указ, соч. С. 64-65.

² Косвен М.О. Обычай "возвращения домой". Из истории брака // КСИЭ. 1946. № 1.

ти. Опять собирается молодежь, человек 10-12. их хорошо угощают, они проводят время в шутках, песнях и танцах и к вечеру расходятся по домам. Перед уходом молодая пара получает от хозяина дома подарки. Таких приглашений после свадьбы могло быть 2-3 и больше. Затем следовали приглашения молодых от дядей, друзей отца, друзей старшего брата жениха и др., и каждый раз, в конце вечеринки, молодым преподносили подарки: одежда, материя, украшения. скот и др.

Через 8-10 дней молодожены сами посещали родственников жены «бахарди кIкIан» и делали им небольшие подарки, получая, разумеется, ответные.

Несмотря на то, что общая схема свадебного обряда и сопровождавших его ритуалов для народов аварской группы, для дагестанцев-горцев вообще приблизительно одна и та же, в каралалской свадьбе, как мы видим, наблюдаются отдельные черты и штрихи узорегионального, специфического характера.

Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, его воспитанием у каратинцев тоже носят общедагестанский характер¹.

С первого дня замужества молодая жена так или иначе готовилась стать матерью. Бездетность оценивалась как большая беда, рождение ребенка отмечалось как праздник семьи, близких родственников, тухума. По сохранившимся пережиткам стародавних представлений, замужняя женщина, потенциальная мать, сразу же становилась для всевозможных недобрых начал и черных сил объектом преследований и злонамеренных козней. Будущей матери нельзя было чрезмерно грустить – это было равносильно призыву джинов, нельзя было чрезмерно веселиться – это могло вызвать зависть тех же джинов ... Этих запретов и ограничений было столько, что в полном объеме их давно уже никто не помнит. С наступлением беременности запретов, ограничений, рекомендаций становилось гораздо больше. Как бы там ни было, факт этот считался важнейшим событием, и теперь сохранение ребенка и успешные роды становились заботой будущей матери, ее родни, мужа и его родственников.

При этом различного рода эмпирические познания, накопленные поколениями в течении веков, облекались в религиозно-магическую форму². По местным нормам поведения полагалось не перегружать беременную работой и в то же время следить, чтобы она

¹ См.: Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала, 2006; см. также: Она ж. Этнография детства народов Дагестана. (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала, 2007.

² Подробней об этом см.: Бромлей Ю.В., Кошуба М.С. Указ. соч. С. 191.

в течении дня была достаточно подвижна. Желание будущей матери отведать то или иное кушанье обязательно удовлетворялось. Ей запрещалось смотреть на уродов, калек, посещать дом, где люди в трауре, смотреть на забой скота; ей противопоказаны были встречи с зайцем, змеей, диким кабаном, ящерицей, сорокой, кукушкой; беременная избегала встречи с другой беременной, с матерью умершего от болезни ребенка, с бесплодной женщиной, с женщиной, у которой пропало молоко; ей запрещалось прикасаться к золоту, ржавому железу, острому, колючему и т.д.

Рожала молодуха¹ в доме мужа с помощью опытной женщины – в каждом селении таких повитух было несколько. Перед родами в комнате разводили огонь, ярко ее освещали, к платью женщины прикрепляли несколько иголок; кроме того, все что можно было открывалось, отмыкалось, развязывалось и т.д. (замки, двери, узлы, и т.п.). Если роды были трудными, прибегали к дополнительным магическим приемам: подстилали под женщину одежду ее мужа, давали ей пить воду с землей с могилы деда, бабки, прадеда, раскатывали перед ней по земле куриные яйца и др. Знали повитухи и рациональные методы родовспоможения, облегчения родов.

Пуповину «цIуйн» новорожденного перерезали ниткой или волосами матери. Затем отпавшую часть пуповины заворачивали в тряпочку и хранили за притолокой. Новорожденного обмывали в теплой, подсоленной воде, пеленали и укладывали рядом с матерью. Здесь, у каралалцев сел Анчих и Арчо, выполнялся один интересный обряд, аналогии которому мы в этнографической литературе пока не встречали. Прежде чем впервые покормить ребенка материнским молоком, бабка-повитуха выходила во двор и обращалась к отцу (в отсутствии отца – к деду ребенка, его дяде, к двоюродному брату по отцу и т.д., соответственно изменив обращение): «Магомед, (Гасан, Гаджи...)! Твой сын (дочь) хочет есть! Ты разрешаешь своей Патимат, (Айшат, Хадижат...) дать грудь твоему сыну (твоей дочери)?». Женщина могла покормить ребенка только после получения разрешения, в дальнейшем мать кормила новорожденного по собственному усмотрению. О значении обычая можно только догадываться, более или менее научно выдержанные построения уместны, думается, с накоплением идентичного или аналогичного материала. Пока выскажем предположение, что подобная акция должна была, скорее всего, служить дополнительным публичным признанием отцом своего ребенка и, с другой стороны, подчеркнуть значение мужчины как главы семьи. Обы-

¹ См.: Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк / Под ред. Сефербекова Р.И. Изд. 2. Махачкала, 2008. С. 31 – 36.

чай иногда соблюдался, несмотря на запреты духовенства, вплоть до 30-40-х годов XIX в.

Два-три дня роженица не вставала с постели, односельчане и родственники приходили поздравить семью и справиться о самочувствии молодой матери.

На 4-5-й день совершался обряд укладывания ребенка в колыбель «кени вульа». Каратинцы пользовались обычной горской колыбелью – качалкой с жестким пеленанием. Собирались женщины-родственницы отца ребенка, его матери, соседки, односельчанки. Они приносили с собой сладости, фрукты, продукты, какую-либо утварь, одежду для ребенка и др. Пришедших угощали пшеничной кашей с маслом. Старшая из присутствующих брала ребенка на руки, читала молитву, высказывала благопожелания и укладывала ребенка в люльку. Как и у других народов Дагестана¹, здесь было принято, перед тем, как уложить ребенка, в колыбель на некоторое время помещали кота. Под постель ребенка клали нож², под голову Коран или суры из него, написанные муллой.

Наречение ребенка «щери зкка» собирало в дом молодых родителей и женщин, и мужчин, и родственников, и односельчан. Приглашался и мулла. Для гостей готовилась хорошая еда, гости приходили с необременительными для себя подарками ребенку или его родителям. Делая подношение, каждый обычно высказывал какое-либо благопожелание. Затем мулла брал ребенка на руки, читал молитву и трижды в каждое ухо новорожденного выкрикивал имя, выбранное для него родителями. Зачастую имя давали не родители, а дед, бабушка, дядя - т.е. старшие родственники отца ребенка. Чаще всего выбирать имя не приходилось: поскольку мальчик или девочка по традиции нарекались именами умерших своих предков, такое имя было, так сказать, уже готово, само собой подразумевалось.

Рождение мальчика и девочки отмечалось по-разному. Рождение девочки проходило почти незаметно, это было событие узкого круга людей - ближайших родственников ребенка. Рождение мальчика, особенно первенца, у каралалцев, как и повсеместно на Кавказе, выливалось в настоящее торжество с обильным угощением, с множеством приглашенных, с музыкой, песнями, танцами и т.д.

Определенные обычаи соблюдались каралалцами и при первой стрижке головы ребенка, и при первом обрезании ногтей. В том и другом случае готовилось хорошее блюдо, приходили родственники

(самые близкие), угощались, делали небольшие подарки. Волосы и ногти не выбрасывались, обычно их заворачивали в тряпочку и закладывали в щели кладки дома.

Все обычаи, ритуалы, связанные с ребенком, сопровождались раздачами (соседям, односельчанам, родственникам) лепешек, пирогов, мяса и др.

В колыбели ребенок находился до года, до года же, иногда и дольше, его кормили грудью, с 7-8 месяцев также жидкой кашей и молоком.

Приблизительно в возрасте 12-14 месяцев, когда ребенок начал ходить, родители ставили его на ноги и сыпали ему под ноги орехи, которые подбирались ребятней. Это называлось «развязать ноги». Наконец, в 3-4 летнем возрасте делали обрезание «сунат». Операцию обычно старались приурочить к нежаркому времени года, проводил ее бродячий специалист «ссуннатчи». Этот день тоже отмечался как большой семейный праздник по вышеуказанным сценариям.

С раннего возраста в мальчике воспитывали хозяина и воина, в девочке - управительницу и хозяйку дома, мать детей, С 3-5 летнего возраста отец, старший брат, другие мужчины – родственники ребенка постепенно приучали его к верховой езде, владению простейшими приемами обращения с холодным и огнестрельным оружием. С этого же возраста малыш приучался к мужской работе: он брал в руки (под присмотром старших) молоток, топор, лопату и др. С 6-7 летнего возраста в каралалских селениях (Арчо, Анчих, Карата и др.) для детей устраивали военные сборы, где они на протяжении 1-1,5 мес. два раза в год совершенствовали свои воинские навыки под руководством лучших стрелков, фехтовальщиков, наездников и др. (в мае и октябре). Из года в год, все усложняясь, такие занятия проводились с мальчиками, подростками и юношами лет до 15-16. Они были разбиты на возрастные группы (6-8 лет, 9-12 лет и 13-16 лет). Мальчик лет 6-10 был уже помощником в семье, выполняя по дому и хозяйству простейшую работу: уборка навоза, перетаскивание дров, он должен был напоить коня и искупать его, пасти скот, пригонять его домой и т.д. Лет с 12-13 подросток уже втягивался в более сложные трудовые операции: кладка камня, тесание бревен, выделка овчин, шкур, починка сбруи, пахота и др. К 15-16 годам юноша приобщался к любым операциям, выполнял любую мужскую работу наравне с отцом или старшим братом. Родители, родственники и односельчане старались привить будущим мужчинам чувство ответственности за членов семьи, патронимии, тухума, джамаата, такие черты, как самоотвержен-

¹ Там же. С. 45.

² Это распространенный на Кавказе обычай. См.: Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. Тифлис. 1927.

ность, храбрость, скромность, трудолюбие, выносливость, неприхотливость, уважение к старшим.

Рано приобщалась к труду и девочка каралалка. Уже к 3-5 годам она старалась выполнять мелкие поручения старших, помыть посуду, брала в руки иглу, ножницы, спицы, пыталась подмести комнату, накормить кур, собаку, скотину в хлеву и др. В 6–8 лет девочка была уже помощницей матери и старшей сестры (сестер) по большинству домашних и хозяйственных дел, начинала со старшими выходить в поле (для сенокосения, прополки, жатвы и др.), доить корову, принимать участие в изготовлении сыра, масла; она уже самостоятельно стирала, убирала в доме и во дворе, готовила простейшие блюда и т.д. В 9-12 лет девочка участвовала во всех видах работ наравне с матерью. Ей с детства прививались целомудрие, мягкость, доброжелательность, приветливость, трудолюбие, уважение к старшим.

Таким образом, одной из важнейших задач каралалской семьи было физическое, духовное, морально-этическое воспроизводство, при строгом возрастном и особенно половом разделении труда.

Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, позволяют иметь представление о традиционных принципах социализации личности¹, что очень важно для понимания истории, культуры и быта народа.

Похоронные обычаи и обряды² формировались столетиями, распространение ислама внесло в них свои коррективы. Многие из обычаев с течением времени были позабыты, какие-то традиционные действия получали с годами новое звучание и толкование, появились и вовсе привнесенные, нехарактерные для местной культурно-бытовой традиции обряды.

К умирающему от болезни или ран человеку приглашали муллу. Если умирающий был вменяем, к нему подзывались домочадцы, родные и двоюродные братья. Они выслушивали волю умирающего, его завещание. Мулла читал молитву и констатировал кончину.

Все дальнейшие действия совершались в ускоренном темпе. Покойного обмывали (мужчину – мужчины, женщину – женщины) в выдолбленном из целого ствола дерева деревянном корыте типа большого желоба «коро» и заворачивали в саван «мусру» – в 3,5 или 7 слов: бязь, полотно, ситец, непременно белого цвета. Над телом покойного снова читались молитвы, затем его укладывали на специаль-

ные носилки «кьелу» и ускоренным шагом несли на кладбище, где к этому времени, как правило, усилиями парней-односельчан уже была выкопана могила «хьобо». Под слова молитвы покойного укладывали в подбой, нишу с левой стороны могилы, отверстие заделывали плитами, могилу засыпали землей. Затем молитва читалась над могилой – от получаса до часа, и все возвращались домой, к дому покойного. На кладбище хоронить шли только мужчины.

Ряд запретов и предписаний, связанных со смертью человека, в каралалской семье неукоснительно соблюдался. Комната, где лежал покойник и все находящиеся в ней вещи окуривались дымом (для чего специально делалось подобие факела), либо выносились на солнечный свет. Съестное и продукты, находившиеся в комнате, где обмывали покойного, семьей не потреблялись. Не позже 3-х дней после смерти хозяина его коню, быкам и прочей животности нужно было сообщить о случившемся, иначе скотина могла подохнуть. Строго следили, чтобы вода после обмывания умершего не попадала на вещи членов его семьи, особенно детей, чтобы ее не попили куры, не лизнул домашний скот и т.д. Все эти и многие другие обычаи представляли собой остатки, пережитки стародавних религиозных представлений.

Для поминок и кормления приходящих на соболезнование «зигари» родственники покойного резали баранов (или телят, бычков), пекли хлеб. Во всех подобных делах члены семьи и самые близкие родственники не участвовали, это ложилось на плечи друзей, соседей, двоюродных дядей и братьев и др.

Родственники покойного располагались двумя группами. Мужчины обычно сидели или стояли во дворе, у двора, под навесом. В комнатах располагались женщины. (Та и другая группа – «рекла биккер»). Пришедший с соболезнованиями мужчина, остановившись в нескольких шагах от родственников, вскидывал руки и про себя, чуть слышно или громко читал молитву; все вставали и, также протянув руки, про себя читали эту же молитву «Альхам». После этого пришедший подходил к старшему из ближайших родственников и в одной из традиционных формул, сопровождая ее рукопожатием, выражал ему соболезнование («Пусть покоится с миром», «Пусть оставшиеся живут долго», «Пусть простятся ему его пригрешения» и др.). Таким же образом он обходил всех присутствующих, в т.ч. и пришедших, слова же соболезнования произносил только близким родственникам. После того, как вновь пришедший обходил всех присутствующих и присаживался где-нибудь, садились и все остальные. Мужчины негромко беседовали, вели разговоры на самые различные бытовые темы: это не только допускалось, но и считалось хорошим то-

¹ См.: Кон И.С. Этнография детства: Проблемы методологии // СЭ. 1981. № 5. С. 3 - 10

² См.: Чурсин Г.Ф. Указ. соч. С. 60 – 64.

ном. Здесь никто не решался рассказывать смешные истории, смеяться, увлеченно спорить, т.е. как-то выражать свои эмоции. Родственники умершего, независимо от степени родства (сын покойного, брат, дед, отец, дядя) стояли спокойно, принимали соболезнование, участвовали в общих беседах. Демонстрировать горечь утраты, боль, тоску категорически не допускалось.

Женщины заходили в комнату, к родственницам покойного, с причитаниями, плачем, стенаниями. С приходом новых людей начинался общий плач всех присутствующих женщин. Среди них были и специально приглашенные односельчанки-плакальщицы или жительницы других селений – (плач – «маа миса»). Мать покойного, жена, сестра, дочь иногда выражали свое горе тем, что рвали на себе волосы, одежду, царапали лицо, били себя по груди и животу¹. Чаще всего такое поведение (которое, кстати сказать, в народе не приветствовалось) выражало боль по утрате молодого человека (сына, брата, мужа и др.).

Причитания были стандартны в своей основе, в конкретной ситуации они варьировались применительно к обстановке. Чаще всего это были причитания-жалобы, например:

«Скала об скалу ударилась,
Небо о небо ударилось,
Сердце, о камень ударившись, разбилось!
Куда ты ушел, любимый?»

Можно назвать и такую форму, как плачи - проклятия, например:

«Будь проклят ты,
Потушивший мои глаза!
Да сгоришь в пламени ты,
Ввергнувший меня в пучину мук!»

Были и другие формы: плачи-упреки, плачи-восхваления, сочтения первых и вторых и др.

Большое место в похоронных обрядах занимали различного рода раздачи и кормления. Мужчинам и женщинам, собравшимся на соболезнование, несколько раз за три траурных дня раздавали тонкие лепешки, сыр, мясо, курдюк, куски материи. Кроме того, пришедших и приезжих кормили несколько раз в день, местным, родственникам и односельчанам предоставлялась возможность пообедать в доме покойного.

Мужчины и женщины приходили с утра. До рассвета мужчины вместе шли на кладбище, там под руководством муллы устраивались моления, после которых вновь все собирались у дома покойного. Для

муллы у могилы покойного из войлока, паласов и жердей строили род палатки, где он в течение недели читал Коран. К вечеру мужчины расходились по домам, разбирая по дворам тех, кто для соболезнования приехал издалека. Женщины, особенно родственницы, старались, если хватало места, остаться на ночь в доме покойного. На третий день вечером люди расходились по домам и собирались снова на 7-8-й день. Вечером 7-го или 8-го дня один из старших тухума покойного благодарил всех за участие и поддержку и предлагал разойтись по домам. После этого близкие покойного его именем делали пятничные раздачи, а в день мусульманского праздника - Курбан - в память о нем (о ней) резали жертвенного барана.

В знак траура «пашманлъер» родственницы покойного по традиции в течение 40 дней носили черную одежду, платье и платки; мужчины, близкие родственники, в течение тех же 40 дней не брились. Скорбя по тяжелой утрате, женщины не снимали траурной одежды иногда год, два, три и больше.

Таким образом, похоронные обряды каралалцев в подавляющем своем большинстве относятся к общедагестанским, общеварским, с незначительными местными вариативными чертами.

Все сказанное мы можем перенести на семейно-бытовой уклад каралалцев, где общего гораздо больше, чем отдельного, специфического.

Тем не менее, ряд обычаев или черт, отдельных характеристик был присущ только этому народу или, во всяком случае, небольшому этнорегиону.

У каралалцев, больше, чем у других народов центрального Дагестана, сохранились формы семьи, структурно напоминающие пережитки семейно-общинных вариантов кровнородственных и хозяйственно-экономических объединений. Их функционирование до 30-40-х годов объясняется не застойностью социального быта, а экономической целесообразностью.

Здесь же мы встречаем оригинальные отголоски более ранних форм социальных отношений, своими корнями уходящих в глубь прошлого, в материнское право. Свообразны отдельные штрихи свадебной обрядности каралалцев: знаковая символика достижения согласия между родителями юноши и девушки при сватовстве; обряд «жалобы бабушки», обряд приглашения в комнату невесты родственников жениха и др. Только в адатах каралалцев встречаем мы своеобразный запрет на сватовство. Оригинальны свадебные ритуальные песни, ритуальные плачи, отдельные штрихи детского цикла и др.

¹ Об этом обычае у дагестанских горцев см.: Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. № 4. С. 297.

ГЛАВА V ТРАДИЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Община (джамаат), тухум. Семьи каралалцев объединялись в тухумы, являвшимися в свою очередь сегментом общины. Основным видом собственности была частная собственность семьи на дом, хозяйство, участки пашни и сенокосов, сады. Тухумная собственность в указанный период ограничивалась собственностью на мельницы, зерноточки, места для скирдования сена, печи для просушки и выпечки хлеба, иногда - на ледники-морозильники. В тухумной собственности когда-то были и хутора, в исследуемое время они уже принадлежали отдельным семьям. Собственность на пастбища была общеджамаатской: таковой же была собственность на пустоши, на часть сенокосов и на большую часть лесных массивов. Часть участков леса в XIX в., особенно со второй его половины (рост имущественной дифференциации общества), была уже в частном владении. «За вырубку без разрешения хозяина в лесу дерева виновный платит хозяину стоимость дерева и штраф в пользу общества 1 руб.»¹ – читаем мы в каралалских адатах.

Тухум, как социальное образование, существовал и функционировал вовсе не в силу наличия общей (тухумной) собственности. Тухумная собственность некоторыми исследователями для горцев Дагестана и вовсе отрицается, и не без оснований: в интересующий нас период право семьи на тухумную собственность, как право совладельца, свободно продавалось и покупалось внутри джамаата². В тухум входило некоторое количество семей, главы (и, разумеется, дети) которые имели общее происхождение от одного предка – мужчины. Чем многочисленней был тухум, тем большим авторитетом и влиянием он пользовался в джамаате и за его пределами. Генетическое родство в повседневной жизни поддерживалось и подкреплялось участием всех его семей в важнейших внутритухумных событиях. Женильба сына, выдача дочери, дела по кровной мести и по ранениям, смерть члена семьи, строительство дома и многое другое - далеко не все сферы участия всего тухума, проявлявшегося в предоставлении средств деньгами, продуктами, материалом, рабочей силой. Достоинство члена тухума «напрямую» соотносилось с достоинством всего тухума; неблагоприятный поступок любого члена тухума воспринимался как пятно на всеобщей чести и достоинстве. Вопросы структурной организации тухума и внутритухумных, а также межтухумных отно-

шений регулировались обычно-правовыми нормами, выработанными обществом на протяжении многих веков. Старшие члены тухума, наиболее уважаемые из них, отстаивали перед джамаатом или союзом джамаатов интересы всех семей тухума, всех его членов. Межсемейные тяжбы и недоразумения могли быть вынесены на сельский суд только после разбирательства внутри тухума. Семьи тухума имели право предпочтительной покупки недвижимости своего члена. Таким образом, тухум каралалцев представлял собой кровнородственный союз семей, материально, морально и физически поддерживавших друг друга.

Джамаат, состоял из нескольких тухумов и представлял собой территориально-хозяйственный их союз. Управлялся он до начала - середины XIX в. преимущественно главами тухумов, на которых возлагались и управленческие, и хозяйственные, и административные функции в вопросах жизни и деятельности общины¹.

Джамааты (Карата, Арчо, Анчих, Рачаболда, Маштада, Верхнее Инхело, Рацитль, Нижнее Инхело) в свою очередь были объединены в административный военно-политический союз - Каратинское вольное общество или Каратинский союз общин (джамаатов). Это было военно-политическое и территориальное объединение близких по языку, происхождению и традиционной культуре общин. Союз был подчинен интересам независимости составляющих его джамаатов и имел свои выборные органы управления².

Управление союзом³ осуществлялось представителями джамаатов, которых специально для этого выбирала в каждом селении. Из своей среды последние выбирали предводителя, который, будучи зачастую одновременно и дибиром, воплощал в себе светскую (военную) и духовную власть. Кандидатура обязательно утверждалась общим собранием мужчин союза, которое по наиболее важным вопросам проводилось в местности «Азар гьачле». Вопросы сбора союзного ополчения, войны и перемирия, а также междуджамаатские экономи-

¹ Подробно о функционировании общин у горцев Дагестана см.: Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII - нач. XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса. М., 1988; см. также: Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана. С. 330 – 332.

² См.: Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII – XIX вв. Махачкала, 1972; Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII – XIX вв. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.

³ Алиев Б.Г. Традиционная система управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX века. Махачкала, 2006. С. 147 – 156.

¹ Адаты Каратинского наибства. С. 150.

² См.: Материальная культура аварцев. С. 118.

ческие, хозяйственные и другие проблемы решались по предложению представителей общин, или собранием этих представителей, или на общесоюзном сходе. Перечисленными вопросами и ситуациями полномочия союза исчерпывались. Все остальное многообразие вопросов, связанных с жизнью общины, ее семей и членов джамаата, решалось внутри общинной организации.

Органами управления общины были сельский сход, с начала XIX в. старшина «багавул», старейшины «гъанильгъадал», исполнитель «гел», глашатай «магъуш». Членом сельского управления был также мулла или дибир.

Вопросы, касающиеся всего общества, решал общий сход мужчин джамаата, на котором имел право присутствовать, выступать и участвовать в принятии решения любой член джамаата с 15-летнего возраста. «Правление общества народное, – писал М.А. Коцебу, – при решении дел важных участвует весь народ»¹.

Первое участие молодого человека на сходе не проходило незаметно. Перед его началом один из старейшин, обращаясь к собравшимся, говорил: «Сегодня объявился имеющий право быть среди нас, его имя такое-то, сын такого-то. Если не достоин – скажите!». Если хоть один из присутствующих мужчин обоснованно выступал против, юноша имел право участия и голоса на сходе лишь через год. После окончания схода родственники и односельчане приходили в дом нового члена схода, к его родителям с поздравлениями. День этот отмечался как семейный праздник – с застольем, песнями, танцами и т.д.

Текущие дела решались собранием (советом) старейшин «Накъил дандельер», представленном старшими джамаатских тухумов. Институт старейшин сложился в Дагестане еще в патриархально-родовом обществе и стал характерным признаком сельского управления горного края². Велики были на этих советах значение и власть муллы, дибира, вмешивавшегося, безусловно, во все дела личной, семейной и общественной жизни населения. Принятые решения до сведения населения доводил глашатай, «геле» выполняли полицейские функции. Сход выбирал должностных лиц, решал вопросы, связанные с арендой пастбищ, ремонтом дорог, мечети, моста, участия в походе, набегах, обсуждал вопросы укрепления обороноспособности селения,

выделения новым семьям или пришельцам участков земли, устанавливал правила пользования лесом, рассматривал дела по примирению враждующих сторон и т.д. Старейшины определяли сроки начала и конца различных видов сельхозработ, решали вопросы общественной и санитарной дисциплины в селении, рассматривали дела об оскорблениях, побоях, поранениях, о воровстве, потравах, поджогах и т.д. В повседневной практике сход, старейшины и дибир руководствовались тремя видами нормативных актов: нормами обычного права – адатами, нормами мусульманского права и нравственно-этического кодекса мусульмано-шариатских установлений и, наконец, договорами и соглашениями (имевшими, кстати сказать, статус адата) между джамаатами внутри союза, между джамаатом и союзом, между джамаатами различных союзов, между союзами джамаатов.

Таким образом, каралалские джамааты представляли собой независимый самоуправляемый хозяйственно-экономический и военнополитический организм, объединявший в одно целое крестьян-воинов вместе с их семьями и семейно-родственными союзами.

С образованием Имамата¹, куда вошла и территория расселения каралалцев, они стали управляться наибом, находившимся в с. Карата. В каждом джамаате наиб, а иногда непосредственно и сам Шамиль, назначал «нусилбетлер», т.е. сотника, и дибира, подотчетных в своих действиях наибу. Они руководствовались теперь уже только установлениями шариата и низамами (приказами, распоряжениями): адатное право низамами Шамиля было ликвидировано. По этим низамам, в частности, с каждой семьи взимались налоги: десятая часть всех доходов (закаат) и плата за пользование пастбищами (харадж)².

После окончательного присоединения Дагестана к России, в 60-х годах XIX в., царское правительство провело здесь административные реформы, существенно коснувшиеся, в частности, системы сельского управления³.

Согласно «Положению об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», каралалские селения вошли в состав Караннинского наибства Андийского округа Среднего Дагестана⁴. Получи-

¹ Коцебу М.А. Сведения о джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 288.

² См.: Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря 1723 г. // ИГЭД. С. 123; Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 116; Берчин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2. Ч. 2. Казань, 1850. С. 52; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871. С. 600. и др.

¹ См.: История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 99-107.

² См.: Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 55-56.

³ См.: Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 49.

⁴ См.: Дагестанская область: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков. 1886. Тифлис, 1893.

ла окончательное административное утверждение введенная еще до начала войны официальная должность - староста селения, джамаата – «багавул», «нусилбетгер». Староста выбирался на общем джамаатском сходе сроком на год, затем на 3 года и обязательно утверждался наибом, а затем и начальником округа. С конца 70-х годов староста уже стал назначаться администрацией. Он возглавлял совет старейшин, председательствовал на сходах: любое решение схода без его (или его заместителя) участия считалось недействительным. Он же председательствовал и на судах. На время исполнения обязанностей старшина обычно пользовался участком сенокоса. Кроме того, он получал 5 % штрафных сумм, поступивших в счет общества от членов джамаата. Вознаграждение члену сельского управления - это явление не традиционного характера, а привнесенное. Такого же мнения придерживается, в частности, и А.И. Исламмагомедов¹. Один из старейшин выбирался на сходе сроком на год заместителем старшины, за службу он получал 2,5 % от штрафных сумм. Старшина и его заместитель назначали 1-3 исполнителей - посыльных, выполнявших полицейские функции. Им разрешалось присваивать мелкие штрафы - за потрапу, загрязнение улиц, за шум в позднее время, за грубость в разговоре и т.д. Избранный на год сходом глашатай получал из общинной казны за службу 2 руб. серебром. Членом сельского управления был также дибир, получавший обычно по 1 сах зерна от каждого хозяйства. На нем, кроме обязанностей по совершению шариатского суда, лежали обязанности организации мусульманской, мечетской службы; он, кроме того, совершал магары, отпевал покойников и др. Он же контролировал поступление закята, отвечал за полноту и своевременность вакуфных поступлений. Подавляющая часть вакуфных средств шла на поддержку вдов, сирот, престарелых, оставшихся без кормильца, калек и др. Контроль за правильным распределением средств на эти нужды, а также за вакуфными раздачами местному населению тоже возлагался на дибир, муллу. Побои с населения, льготы, отчисления из штрафных сумм служили для феодализирующей верхушки каралалского джамаата средством наживы и обогащения. Такое положение дел считается характерным для всего Дагестана².

Представители сельского управления выбирались и назначались обычно из «сильных» тухумов и зажиточных семей. По установившейся традиции, вновь избранные или назначенные старшина и

¹ См.: Традиционно и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988. С. 223.

² ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 7. С. 1.

его заместитель устраивали праздничный обед, на который приглашались представители тухумов и семей всего джамаата. Помимо указанного выше вознаграждения за службу, члены сельского управления пользовались и другими льготами и привилегиями. Они не облагались подымной податью, были освобождены от коллективных работ (ремонт дорог, мечетей, мостов и др.), различного рода сельскохозяйственных работ – пахота, сенокос, жатва и др. (на их участках эти работы выполнялись силами членов джамаата); при раздачах в пользование общественных сенокосов они имели право выбора (другие общинники получали участки по жребию); им доставался лучший пай при вакуфных раздачах (мяса, хлеба, жира, курдюка и др.) и т.д. Все они находились на государственной службе, поэтому дела, связанные с преступлениями против членов сельского управления, рассматривались не сельским, а окружным судом¹. Сократился и состав сельского схода, на котором теперь уже принимал участие не каждый мужчина джамаата, а один представитель от каждой семьи.

Как и в других обществах Дагестана, сельское общество каралалцев выполняло роль коллективного собственника не только общественных, но и частных угодий членов своего коллектива и даже, в известном смысле, распорядителя их личного имущества. Так, по адатам с. Арчо, человек, продавший пахотную землю хозяину из любого другого джамаата, кроме джамаата с. Анчих, платил обществу штраф в 3 барана и по ягненку за каждый день, пока покупка не будет аннулирована. После этого виновный в течение одного года лишался права пользования этим участком². Аналогичные адаты были и в других обществах каралалцев.

Итак, царская администрация сумела оставить в неприкосновенности форму традиционного джамаатского управления каралалцев (как и других дагестанских обществ), приспособив его к своим колониальным устремлениям и задачам.

Судостроительство и судопроизводство каралалцев традиционно соответствовало специфике хозяйственной и гражданской организации населения и особенностей, вытекающих из взаимоотношений кровнородственных групп, семей и отдельных членов джамаата.

До административно-судебных реформ 60-х годов XIX в. суд «диван» у каратинцев осуществлялся либо старейшинами джамаата, либо посредниками «гьоркьохъан», «бакьихъан». Шариатское толкование сути правонарушения и следующих из этого материальных или моральных компенсаций давал дибир. Таким образом, если учесть то

¹ ЦГА РД. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. С. 18.

² РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4526. С. 54.

обстоятельство, что в роли посредников чаще всего выступали именно старейшины, мы увидим, что, в общем-то, один и тот же круг лиц был наделен и функциями управления, и функциями судопроизводства. «Взаимопретворимость органов управления и суда, – пишет по этому поводу М.А. Агларов, – хотя и четко разграниченных по функциям – одна из характерных черт упрощенных форм правления, свойственных самоуправляемым общинам с раздельной собственностью его членов на основные средства производства. Это своего рода неполная дифференцированность органов при полной дифференциации функций»¹. В междуджамаатских делах посредником могли выступить или третье общество, или хан (хунзахский, казикумухский) – по согласию сторон тяжбы. Сразу же следует уточнить, что в последнем случае речь не шла и не могла идти о каких-то формах зависимости. В лице хана тяжущиеся стороны видели личную авторитетную в Дагестане и за ее пределами.

Правонарушением считалось любое ущемление достоинства члена общества, его имущественных интересов, а также грубое несоблюдение морально-этических норм и устоев, принятых в этом обществе. В последнем случае грань между правовой и этической нормой нередко стиралась. В своих решениях старейшины опирались на нормы обычного права – адаты, принятые в данном, конкретном обществе-джамаате. Дибир, понятно, исходил из фиксированного мусульманского правового кодекса. Что же касается посредников, то они в подавляющем большинстве случаев опирались на жизненный опыт, знание особенностей взаимоотношений коллективов людей и отдельных личностей до тонкостей.

Говоря о правопорядке в общественной жизни каралалцев, следует подчеркнуть одно весьма важное обстоятельство, характерное и для других народов Дагестана. Речь идет о пережитках патриархальных отношений, которые в обществе развивающихся феодальных форм все еще давали о себе знать. В жизни коллектива это проявлялось, в частности, в непререкаемой силе общественного мнения, на почтении которого в значительной степени основывалось соблюдение не только морально-этических, но и обычно-правовых устоев, норм и положений, сложившихся в данном обществе. По своему характеру это было идеологическим принуждением соблюдения общественных установлений².

К разбору дела старейшины прибегали только с поступлением устной жалобы пострадавшего или его ближайшего родственника¹.

Усилия судей были направлены на возмещение убытков «зарад» пострадавшей стороне – отдельному лицу, семье, обществу в целом. Судопроизводство было основано главным образом на местных адатах. До 60-х годов XIX в. в Дагестане зафиксировано более 40 самостоятельных адатных систем². Зафиксированные во второй половине XIX в. адатные нормы Каратинского наибства предусматривают возмещение лицам ущерба, у которых кто-либо убил или поранил скотину (гл. IV, §§ 1-4), учинил поджог (гл. XIII), отравил своим скотом пашню (гл. XIV, § I), за проникновение на территорию частного владения со злым умыслом (гл. III, §§ 3, 8), за воровство (гл. IX), вырубку деревьев (гл. XI) и др.³ Воровству (вор – «цлогор») и поранениям (ранить – «льукъаль») адат придавал особое значение, детально устанавливая принципы определения виновности и компенсации убытков в каждом конкретном случае. Так, отдельно рассматривались случаи поранения в голову, членовредительства, нанесения увечья (лишение глаза, пальца, зуба – и т.д.) и др.⁴ Возмещение убытка, нанесенного члену джамаата, адат в ряде случаев считал одновременно и удовлетворением морального ущерба. Известно, например, что у горцев Дагестана отрезать верховому коню уши или хвост означало нанесение смертельной обиды его хозяину. Установление виновного и публичная санкция к нему по адату считались полной мерой возмездия провинившемуся, в т.ч. и возмездие морального плана. «Если отрубят не по вражде ухо или хвост, то виновный платит хозяину ее разницу стоимости до и после отсечения, но если докажется, что виновный сделал это по вражде, то взыскивается с него вдвое больше»⁵. Материальная компенсация пострадавшей стороне предусматривалась и в случае нанесения оскорбления (гл. VI, §§ 1,2; гл. XII, § I и др.)⁶. Платежи до второй половины XIX в. предусматривались имущественные, со второй половины XIX в. они в основном были заменены денежными.

Иногда тяжущиеся стороны обращались не к старейшинам, а к посредникам. Таковыми могли быть известные мудростью и справедливостью лица из собственного джамаата, из соседних или дальних

¹ Агларов М.А. Указ. соч. С. 182.

² См.: Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 260.

¹ См.: Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 3-6.

² См.: Егорова В.П. Быт сельского населения Дагестана во второй половине XIX – нач. XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Машиннопись.

³ Адаты Каратинского наибства. С. 143-151.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. С. 147, 151.

обществ: здесь требовалось взаимное согласие сторон. Решение посредника или посредников считалось окончательным.

Прибегали каралалцы и к суду посредством присяги, клятвы. Клятва была двух видов: именем Бога и Пророка и именем жены.

От подозреваемого в том или ином правонарушении при отсутствии улик и свидетелей «нуґI» требовалась очистительная присяга «наква» с тем или иным числом соприсяжателей, обычно родственников по отцовской линии. В зависимости от тяжести обвинения по адату привлекалось различное число соприсяжников. В подавляющем большинстве случаев обвиняющая сторона сама решала, кто должен давать присягу: пострадавший с его родственниками или подозреваемый с родственниками. Только личная присяга требовалась в подозрении нанесения раны вне селения, воровства из дома, гибели скота в стаде при выпасе; к двум соприсяжникам прибегали в случае оценки стоимости павшей по чьей-либо вине скотины и при подозрении в краже одного барана; три соприсяжника требовалось в делах о поджоге; с пятью родственниками очищался заподозренный в воровстве коровы; по шесть соприсяжников свидетельствовали в пользу подозреваемого в поранении на территории селения, в подозрении совершения хищения в доме, в воровстве быка или лошади, в поджоге урожая в поле; к клятве 10 соприсяжников прибегал тот, кого обвинил в преступлении раненый; по 12 человек давали клятву в невиновности своего родственника в преднамеренном убийстве своей жены, в поджоге имущества в селении или на кутане; 15 человек присягало в невиновности их родственника в деле по убийству мужем своей жены по подозрению в измене, в невиновности подозреваемого в оскорблении женщины действием; с 50-ю родственниками! очищался подозреваемый в нанесении ран человеку, от которых тот скончался¹ и др. Если нужного числа родственников для присяги не набиралось, то каждый из них мог повторить присягу несколько раз – чтобы достичь адатного установления.

Второй вид присяги, скорее всего заимствованный, известный в Дагестане как «хатун-галлак»², произносился приблизительно по следующей формуле: «Если я виноват, пусть моя жена будет мне запретной». Если после этой клятвы вина мужчины становилась очевидной, доказанной, или же он не выполнял обещания, данного под такую клятву, клявшийся терял право на свою жену и должен был развестись с ней, отдав ей ее имущество и уплатив кебинные деньги.

¹ См.: Адаты Каратинского наибства. С. 147, 151.

² См.: Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. Тифлис. 1868. С. 18.

Против принесения подобной клятвы выступало духовенство, считая ее противоречащей нормам шариата. Осуждалось это и общественным мнением. Поэтому к даче подобной клятвы здесь прибегали очень редко.

Полевой материал свидетельствует об эпизодическом бытовании у каралалцев еще одного вида клятвы. Тот, на кого падало подозрение в тяжком преступлении, в сопровождении обвиняемого и двух его родственников шел на кладбище и, произнеся молитву, восклицал: «Родственников с обеих сторон (т.е. с отцовской и материнской – авт.), лежащих здесь, призываю в свидетели моей невиновности». Местное духовенство было против дачи такой клятвы, считая ее противоречащей шариатским установлениям, и к ней прибегали очень редко. К пережиткам культа предков, совершенно очевидно, этот обычай имел прямое отношение.

После судебных реформ 60-х годов XIX в. дела рассматривались специально для этого избранным и официальной администрацией утвержденным судом, где всегда председательствовал старшина, в его отсутствие – заместитель. Из числа старейшин выбиралось, как правило, 4-5 человек сроком на два года, которые открыто и гласно решали дела; решение суда приводилось в исполнение немедленно. За службу судьи имели право на 3 % от штрафных сумм. Кроме того, на них распространялись льготы, которыми пользовались другие члены сельского управления. Сельский суд принимал к разбирательству следующие дела: о купле-продаже, о захвате имущества (до 100 руб.), о воровстве, обмане, утайке (до 30 руб.). Кроме того, здесь выносились решения по наказанию нарушителей общественного порядка, за ссору, драку, мелкое воровство, неисполнение постановления суда и т.д.

На любом из заседаний суда имел право присутствовать и дибир, который давал по необходимости шариатское толкование решения по тому или иному случаю. Его непосредственная деятельность была ограничена разбором дел, возникающих в семейных, семейно-брачных отношениях и в делах по наследству.

Приступая к реформам, царская администрация многое сделала для поисков и публикации адатов джамаатов и союзов обществ. Значение этой работы можно оценивать, думается, двояко. Публикация адатных норм различных обществ и регионов принесла несомненную пользу, сохранив для потомков бесценные памятки истории, культуры и быта дагестанских народов. Однако, составляя общие своды для новых административных подразделений – наибств, шамхальств, округов и проч., администрация унифицировала их, подгоняя под еди-

ный юридический «ранжир» адаты отдельных сельских обществ, джамаатов, «редактируя» их, выбрасывая все, что европейскому уму казалось рутинным, старозаветным, архаичным.

Апелляционной инстанцией для сельских судов был окружной суд, а для окружного – Дагестанский народный суд. Последний состоял из председателя (назначенного командующим войсками области и утвержденного главнокомандующим Кавказской армией), членов суда и кадия. Председателем окружного суда был начальник округа или его заместитель. В окружной суд судью и его помощников избирало население. Сначала выдвигались избиратели (по два человека от 50 хозяйств, с конца XIX в. – по одному от 100), а те, уже потом, выбирали судью и помощников¹. В окружном суде разбирались дела об убийствах, ранениях, похищениях женщин, прелюбодеяниях, грабежах и насилиях, о спорных земельных вопросах. Кадии окружного суда давали консультации по семейно-бытовым и наследственным вопросам².

Итак, юридическая мысль каралалцев прошла приблизительно те же стадии, что и соответствующие правовые нормы и отношения других народов Дагестана³.

Говоря о народах Кавказа и, в частности, Дагестана, исследователи отмечают их как «общества с высокоразвитым устойчивым правопорядком»⁴. Этническая пестрота Дагестана, писал М.М. Ковалевский, предполагает здесь и пестроту юридических систем; на деле же, отмечал ученый, здесь, если отбросить незначительные частности, эта система едина⁵. Приблизительно в этом же плане высказывался и А.В. Комаров⁶. Ее, эту юридическую систему, оставив внешне все в неприкосновенности, царская администрация смогла приспособить к своим колониальным целям.

В общественной жизни каралалцев заметную роль играло функционирование институтированных обычаев, формировавших бытовые отношения и откладывавших на них своеобразный неизгладимый отпечаток.

Обычай кровной мести «гъери бецла», в отличие от подавляющего большинства других обычаев, был жестко регламентирован

¹ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3. Л. 70.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

³ См.: Магомедханов М. Дагестанцы: Вехи этносоциальной истории. XIX – XX века. Махачкала, 2007. С. 79 – 110.

⁴ Косвен М.О. М.М. Ковалевский как этнограф-кавказовед // Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 242.

⁵ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 140.

⁶ Комаров А.В. Указ. соч. С. 97.

нормами обычного права и соблюдался до 30-х годов XX столетия. Однако, если сравнить количество рассматриваемых дел по кровомщению и другой преступности, то они составят незначительную долю – где-то около 0,3¹. В сводах адатов дагестанских обществ предусмотрены такие правонарушения, как нанесение побоев родителям, прелюбодеяние, убийство малолетних и др., т.е. преступления, которые могли быть совершены, но практически совершались крайне редко или не совершались вообще. Где-то в этом ряду стояли, можно констатировать с определенной долей натяжки, и преступления по кровомщению, которые имели место, но совершались реже, чем это принято считать. Одним из первых актов военно-народного управления в Дагестане было предписание начальникам округов выявлять враждующие семьи, независимо от того, как давно вражда возникла, составлять списки таких семей и примирять их². В результате этих мер в 1865 г. в Дагестане насчитывалось 268 враждующих семей³, т.е. в среднем по одной враждующей семье на 7-8 населенных пунктов Дагестана. В 1929 г. в Дагестане по судебной статистике зафиксировано 118 случаев убийств на почве кровной мести. В 1930 г. таких случаев было уже 30, в 1939 г. – 22⁴.

Возникнув в недрах родового строя как мера обороны, обычай функционировал и в феодализирующемся обществе, в условиях сохранения значения кровнородственных уз. «Мсть из нормы бытовой с появлением частной собственности на скот, землю и рабов становится правовым обычаем и в качестве такового пережиточно сохраняется у различных народов в течение весьма длительного исторического периода», – пишет А.С. Омаров⁵.

По древним адатам за убийство мужчины или женщины, независимо от их возраста, убийце и его тухуму мстил весь тухум убитого. Право и обязанность совершения равного возмездия ложилась в первую очередь на ближайшем родственнике убитого – на отца, брата, мужа, а затем на двоюродных и троюродных братьев, племянников, дядей и др. Преследованию подвергался прежде всего сам убийца и его ближайшие родственники, а затем уже и более дальние. По адату, как уже было сказано, требовалось равное возмездие. Однако сто-

¹ См.: Дагестанский областной народный суд: Андийский округ // ЦГА РД. Ф. 4. Оп. 5. Д. 11. Л. 3-27

² Комаров А.В. Указ. соч. С. 47 – 48.

³ Там же. С. 47.

⁴ Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. 1934 // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 22.

⁵ Омаров А.С. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Вып. 4. Махачкала, 1966. С. 257.

рона убитого в порыве гнева и слепой ярости могла напасть на дом убийцы, перебить всех мужчин, увести скот, поджечь дом, вытоптать поля, вырубить деревья и т.д. Для предотвращения подобных деяний у каралалцев были задействованы внутриобщинные и междуджамаатские договоры, предусматривавшие семикратные платежи и штрафы для тех, кто позволит себе подобное разорение и грабеж «гъара». Отметим тут же, что штрафы и выкупные платежи - это явления позднего периода, говорящие о значительной имущественной дифференциации общества.

Причины сохранения обычая и укрепления его позиций в традиционном правопорядке нужно искать, по-видимому, в факторах усиления тухумной организации, как важнейшего звена социального механизма общества. Немаловажна здесь и роль культа предков, как одной из основ идеологических и морально-этических воззрений общества¹.

Для возбуждения мести не имело значения, по своей вине погиб человек или по вине убийцы, нападая или защищаясь, преднамеренно убит он или в результате несчастного случая; принимался во внимание только факт убийства, факт гибели. В дальнейшем, где-то с периода среднего средневековья, в этих вопросах происходит обычно-правовая дифференциация. Традиционные нормы отказывают в праве мести родственникам убитого, если убийство было непреднамеренное, если убитый напал, находился в засаде, пытался подкрасться сзади и др. Более того, обычное право предусматривает примирение кровников на условиях уплаты стороной убитого «цены крови» - «дията». «За убийство во время ссоры или драки виновный платит родственникам убитого по приговору суда 250 руб.: на 200 руб. имуществом и 50 руб. деньгами и изгоняется в канлы»², - читаем мы в каралалских аdataх. В «чистом виде», без редакции царской администрации, адат выглядел несколько по-другому. Во-первых, выкупной платеж считался возможным, а не обязательным. Вообще, даже в начале XX в. примирение с тухумом убитого для убийцы и его тухума считалось унижительным, чаще всего убийство вызывало ответное убийство. Во-вторых, в «канлы», т.е. в изгнание, удалялись все братья и отец убийцы сроком на год и больше. Выкупные платежи выплачивались исключительно скотом и определялись в 20 быков или в 100 отборных баранов.

По местным аdataм, преследованию, как кровник, не подвергалась женщина, несовершеннолетний юноша, умалишенный. Во всех

случаях ответственными за деяние считались не они, а их полноценные взрослые ближайшие родственники. Со дня убийства лица, на кого ложилась обязанность кровомщения, считали это самым важным делом своей жизни. Мужчина не занимался хозяйством, семьей, личными делами, делами своих близких, пока не выполнял свой долг. По представлениям каралалцев, душа убитого не находила покоя до тех пор, пока не будет отомщена, иначе - пока не прольется кровь убийцы. Акт кровомщения давал умиротворение предкам покойного в несколько колен¹. Отказ от мести, пренебрежительное отношение к этому вопросу покрывало бы мужчину в глазах общества позором.

Причинами преследования человека, как кровника, кроме убийства родственника, могло послужить тяжелое оскорбление чьего-либо достоинства и чести, оскорбление словом или действием чьей-либо матери, сестры, жены, близкой родственницы, осквернение могила джамаата, его мечети.

Как только в селении узнавали, что произошло убийство (или чей-то проступок, приравняемый к убийству), наиболее авторитетные пожилые люди немедленно принимали меры по охране дома убийцы, укрывали где-либо или у кого-либо убийцу с его ближайшими родственниками и стремились тут же найти для поступка смягчающие вину обстоятельства. Первейшей их заботой было вручить семье погибшего материю на саван убитому, несколько мешков муки и несколько баранов для устройства поминок. Этот жест означал, что тухум убийцы осознает свою вину и готов отвечать за содеянное. Все предложенное могло быть принятым, могло быть, очень редко, и отвергнутым. Переговоры о перемирии, об уплате семье погибшего дията начинались сразу же. Для того, чтобы подыскать нужные слова, выражения, мотивировки в атмосфере охватившего людей горя и гнева, нужно было обладать мудростью, тактом, гибкостью ума, красноречием. Собрать нужное количество скота или требующуюся сумму для одной семьи в подавляющем большинстве случаев было делом немыслимым. Это был как раз тот случай, когда срабатывал механизм тухумной поддержки. Все члены тухума, в зависимости от степени родства и материального благосостояния, вносили свой пай для выкупного платежа.

Если сторону убитого в конце концов удавалось уговорить и она принимала «алум» в полном объеме, убийца, отбив на чужбине срок изгнания, приезжал в селение и примирялся с родственниками убитого. Обряд примирения состоял в следующем. Рано утром, до

¹ См. Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 20.

² Аdataы Каратинского наивства. С. 143.

¹ См.: Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 115.

восхода солнца, или поздно вечером, после его захода, к старшему родственнику погибшего направлялась со стороны убийцы процессия. Она состояла из представителей тухума убийцы. Впереди процессии на привязи вели жертвенного быка. За ним в окружении родственников, без головного убора, босой, с саваном через плечо и с кинжалом или саблей в левой руке шел убийца. За ними шли остальные родственники. Неподалеку от дома родственника погибшего, куда к этому времени собирались и другие его родственники, процессия останавливалась, все молча ожидали появления на пороге дома его хозяина. Заставив себя некоторое время ждать, хозяин дома выходил к пришедшим. Отделившись от сопровождающих, к дому подходил с низко опущенной головой убийца и молча протягивал ему оружие. Этот жест в совокупности с перевешенным через плечо саваном означал: «Моя жизнь - в твоих руках». Хозяин дома слегка дотрагивался до головы подошедшего и произносил: «Да простит тебя Аллах!». Убийца в сопровождении одного-двух своих друзей удалялся, а все остальные садились в доме родственника убитого за общий стол и совершали совместную трапезу. После этого обе семьи, убитого и убийцы, во всех случаях жизни поддерживали друг друга, взаимно участвовали во всех заботах и мероприятиях, между ними складывались отношения, характерные для родственных семей.

Итак, обычай кровной мести, как средство регуляции общественных отношений, доставшись в наследство от более ранних эпох, продолжал функционировать и в XIX в., вплоть до 30-х годов XX в.

Обычай взаимопомощи играл в среде каралалцев заметную общественную роль. Он появился из недр родовой общины, был характерной чертой для населения родственно-тухумных поселений, успешно привился на почве территориально-родственных поселений. Сохранился и развивался обычай и в новое время, характеризующееся феодализацией общества и появлением в общественных отношениях ростков отдельных элементов капиталистических отношений. «Коллективная форма работы, возникшая в далеком прошлом, как непременное условие существования определенной общественно-хозяйственной группы людей - рода, тухума, общины - со временем становится обычаем взаимопомощи»¹. Характерен этот обычай и для традиционного общественного быта других народов Дагестана².

¹ Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев. С. 22.

² См.: Эльмурзаева А.Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана в XIX - начале XX века. Махачкала, 2008; см. также: Никольская З.А. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в. М., 1948; Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Она же. Семья и брак у народов

Еще раз вспомним, что хозяйство каралалцев характеризовалось, даже в первые десятилетия XX в., полунатуральными формами, по составу было многоотраслевым, по содержанию парцеллярным. В таких условиях родственная и соседская помощь были не просто желанными, возможными, но зачастую и необходимыми.

Помощь родственников и односельчан оказывалась каралалской семье в каждой отрасли хозяйства.

При полевых работах помощь нуждающемуся оказывали при вывозе и разбрасывании навоза, при пахоте и севе, прополке, жатве и вывозе урожая, при обмолоте и веянии. Собраться люди могли и сами, по своей инициативе, мог их пригласить и нуждающийся. В любом случае помощь оказывалась безвозмездно, хозяин тратился обычно только на обед для собравшихся, и то не всегда. Расставлял на работу и руководил общими действиями один (одна) из наиболее опытных представителей старшего поколения. Любая работа проходила споро, но с весельем, песнями и шутками, состязаниями в остроумии, с розыгрышами и т.д.

В животноводстве помощь оказывалась в заготовке сена, изготовлении молочных продуктов, при стрижке овец.

Бытовали и другие, частные виды взаимопомощи: помощь при сборе камня для строительства дома, при кладке стен, засыпке потолка; помощь при изготовлении кизяка, заготовке дров на зиму, заготовке строительного леса; участие дополнительных рабочих рук нужно было при лущении кукурузы, валянии войлока, изготовлении на зиму домашних колбас, при отбеливании и покраске сукна и т.д. Все перечисленные и другие виды взаимопомощи, особенно те из них, что собирали много народа, проходили как праздники, сопровождаясь музыкой, пением, танцами, шутками и т.д.

К особым видам взаимопомощи следует отнести объединение усилий нескольких хозяйств в супрягах и кошах.

Оказывалась помощь, главным образом родственная, также и в тех случаях, если человека, семью постигала беда: пожар в доме или в поле, гибель скота при разливах, камнепадах, оползнях, от эпизоотий

Дагестана в XIX - нач. XX в. М., 1985; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Егорова В.П. Из народных традиций Дагестана // ВИЭД. Вып. I. Махачкала, 1970; Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки. XIX - нач. XX в. Махачкала, 1971; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. М., 1978; Лугуев С.А. Взаимопомощь в хозяйственной деятельности лакцев. (Вторая половина XIX - нач. XX в.) // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979; Асланова М.Ш. Обычай взаимопомощи у лезгин-переселенцев // Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев и др.

и др. В подобных случаях каждый родственник помогал, чем мог: деньгами, скотом, продуктами и т.д. Не оставались обычно безучастными и соседи, односельчане.

Крупные события в семье каралалца становились обычно событиями и для всего джамаата. В организации, проведении и расходах на свадьбу, похороны, рождение сына, сборах средств для выплаты «цены крови» принимали участие все родственники; односельчане и в этих случаях не оставались в стороне.

Наконец, самым распространенным видом соучастия в хозяйственной жизни друг друга у каралалцев, как и у других дагестанцев, были взаимные одалживания (одолжить – «къарз»). Одалживалось все, от продуктов питания и орудий труда до тягловой силы или верховой лошади.

Во всех случаях не участвовать в общих сборах по оказанию помощи кому-либо, не помочь ближнему, родственнику или односельчанину, пожалеть средства для оказания материальной помощи, не удовлетворить просьбу одалживающегося для любого каралалца считалось позором.

Таким образом, обычай взаимопомощи, родственно-тухумной и соседской, бытовавший в силу хозяйственной необходимости, перерос у каралалцев в нравственно-этическую норму.

Обычай куначества и гостеприимства – такая же характерная черта общественного быта каралалцев, как и других дагестанцев¹.

Традиционно приезжий или пришедший в селение – это гость всего джамаата. Если гость попадал в селение в дни вакуфных раздач, первый пай предназначался ему. В дни проведения свадьбы сторона жениха специально выделяла т.н. «долю гостя». Она состояла из лепешек, мяса, сыра, сладостей, пирогов, завернутых в небольшой платок типа косынки. За безопасность гостя и целостность его имущества отвечала община целиком. Однако, развитие производительных сил общества и все большая имущественная дифференциация общинников имела одним из следствий тенденцию персонализации гостеприимства: приезжий всё больше становится гостем отдельно взятой семьи. Тем не менее, в конце XIX – нач. XX в. гостеприимство все еще окончательно не утрачивает архаических черт родовой организации, выражавшихся во всесторонней заботе о госте, главным образом, семейно-родственных групп².

¹ См., напр.: Гамзатова А.Ш. Гостеприимство и куначество горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008.

² См.: Егорова Б.П. Из народных традиций Дагестана. С. 88.

Приехавший впервые в селение человек, кто бы он ни был, обязательно обеспечивался ночлегом, едой и приветливым обхождением. Как и у других дагестанских народов, в селениях каралалцев приезжих принимали у себя семьи по очереди. Прибывший в селение, имеющий здесь знакомого, становился гостем «цлев» своего знакомого. Особенно почиталась отдельная категория гостей – «имальиль цлев» – «гости отцов». Это были приезжие, потомки гостей, неоднократно останавливавшихся в прошлом у потомков нынешних хозяев. Они в этнографической литературе известны как «кунаки». С «имальиль цлев» у хозяев складывались отношения, напоминавшие отношения близких родственников.

По местным этическим нормам, вновь приехавший в дневное время или вечером направлялся вначале к центральному годекану даже в том случае, если приходилось оставить дом своего знакомого далеко позади. Здесь гость здоровался с находящимися здесь мужчинами, которые приветствовали его стоя, присаживался и вел непринужденную беседу. Через некоторое время сюда приходил и знакомый гостя, оповещенный о его приезде кем-либо из молодых людей. Этот церемониал предотвращал чувство неловкости, которое мог испытывать гость, если его знакомого или кого-либо из его совершеннолетних домочадцев-мужчин дома не оказалось. В подобном случае приезжий автоматически становился гостем родного или двоюродного брата знакомого – его дяди, племянника и др. Ведя гостя домой, хозяин шел впереди него, постоянно предупреждая: «Осторожно, тут крутые ступеньки, а здесь ямка, здесь нужно чуть пригнуться...» и т.д. Во дворе кто-либо из домочадцев, вышедших приветствовать гостя, расседлал его коня и гостя вводили в лучшую комнату. Специальных гостевых комнат у каралалцев, как и у других дагестанцев, за редким исключением, не было. Гостью отводилась самая нарядная комната, где обычно сосредотачивалось все наиболее дорогое и красивое: ковры, оружие, посуда, сбруя и т.д.

Первой заботой хозяйки дома было дать гостю умыться с дороги и, если время подошло, совершить намаз. После этого гость приглашался к столу. Для его угощения подавалось все самое лучшее, что можно было найти в доме, у родственников или у соседей – подавалось все это в лучшей посуде. В застолье принимал участие хозяин и его старшие сыновья. Все они, не столько ели сами, сколько ухаживали за гостем: подкладывали ему лучшие куски, меняли блюда, предлагали отведать того или другого и т.д. Для гостя – христианина к столу подавалось и вино. Из уважения к гостю хозяин обычно делал платок – другой из своей рюмки; не желая заставлять хозяина идти

против религиозных запретов, гость обычно поднимал один бокал, провозглашая здравицу в честь хозяина и его домочадцев и от дальнейших возлияний отказывался. Всякие разговоры на темы преимущества одних религиозных догм над другими для гостя и, тем более, для хозяина, считались недопустимыми - для случая, когда гость был иноверцем. Расспрашивать гостя о цели приезда, было не принято, говорить о цели своего приезда в начале беседы для гостя тоже было непозволительно: к этому вопросу гость подходил исподволь, как бы мимоходом. Во время трапезы в дом хозяина один за другими приходили его родственники, друзья, соседи, чтобы поприветствовать гостя. Ровесники гостя и старшие по возрасту могли принять приглашение хозяина и сесть за один стол с гостем, младшие по возрасту этого себе не позволяли. Побыв немного и приняв участие в общей беседе пришедшие расходились по домам. Хозяин мог позволить себе лечь лишь после того, как гость уложен, вставать с постели утром он был обязан раньше него. Все свое время хозяин обязан был отдать приезжему. Как бы важны не были его хозяйственные и семейные заботы, он должен был в первую очередь заниматься делами гостя.

Вечером следующего дня в доме хозяина устраивался праздничный ужин. Для увеселения гостя приглашались сельские балагуры и остряки, рассказчики и сказочники, певцы и певицы. В веселье и угощениях проходил весь вечер, гости расходились за полночь. Приезжий мог находиться в гостеприимном доме столько, сколько ему нужно, стараясь при этом как можно меньше обременять хозяев заботами и хлопотами.

Уезжая, гость обычно дарил хозяину или кому-либо из его домочадцев необременительный по стоимости для себя подарок, получал подарки от хозяина и сам. Покидающего дом гостя хозяин или его сын (брат, племянник) провожал до границ джамаатской округи. За её пределами ни хозяин, ни джамаат ответственность за гостя уже не несли. Интересно в этой связи вспомнить, что адаты отдельных аварских обществ предусматривали штраф с того, кто провожал гостя дальше границ владений общины¹.

Особа гостя была неприкосновенна и освящена веками складывавшимися нормами обычного права. Оскорбление гостя означало кровное оскорбление хозяина, у которого он остановился, последний обязан был защищать достоинство и имущество гостя вплоть до применения оружия. Специальные пункты адата каралалцев стояли на страже жизни гостя. «За убийство гостя из Каратинского общества в

каком-либо селении этого общества, – говорится в них, в частности, – убийца платит тогда же хозяину, у кого находился убитый, 10 руб., а родственникам убитого - 250 руб.»¹. И далее: «Если убьют гостя из другого района в Каратинском обществе, то убийца сверх положенного в набействе дияга обязан купить 25 локтей материи убитому на саван и быка стоимостью в 12 руб.»².

Как и предыдущий обычай, гостеприимство и куначество у каралалцев переросли в нравственную норму народа, в его морально-этическую характеристику.

С развитием общества обычай гостеприимства все больше и больше теряет связь с кровно-родственными отношениями людей. В кунаке, госте видят уже личного союзника и друга. Эта историческая форма общения людей стала средством передачи информации, средством межнациональных контактов, взаимовлияния культур, сближения каралалцев с другими народами. «Можно смело утверждать, что только священный обычай гостеприимства дает возможность проникнуть в эту недоступную страну», – писал А.К. Сержпутовский³. Это мнение разделял и С. Анисимов⁴.

Рассматривая элементы и составные традиционного общественного быта каралалцев, невозможно пройти мимо общего вывода о схожести их с соответствующими элементами и составными других народов Дагестана. На этом общем фоне, однако, развивались отдельные стороны, штрихи особого, узкоэтнического.

Отдельные частности сочлененности звеньев «семья - тухум – союз джамаатов» и соответствующих же форм собственности у каралалцев несли на себе отпечаток специфичности.

Полевой этнографический материал позволяет судить о некоторых нормах обычного права каралалцев, не фиксированных, не унифицированных редакцией официальной администрации, относящихся не к союзу в целом, а к отдельным джамаатам.

Самобытен обычай, ставивший целью подчеркнуть переход юноши в новое социальное качество в день первого его участия в народном собрании. Этот небольшой и, на первый взгляд, незначительный эпизод, имеет отношение не только к общественно-бытовой специфике народа, но и к его традиционным нравственным категориям, к традиционным методам и формам социализации личности.

¹ Адаты Каратинского набейства. С. 144.

² Там же.

³ Сержпутовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестан. Петроград. 1917. С. 6.

⁴ Анисимов С. Кавказский край. Путеводитель. М.: Л., 1928. С. 12.

¹ Адаты аварцев // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л. 31, 99.

Специфична каралалская «клятва на кладбище». Для изучающих историю и культуру Дагестана, знакомых с пережиточными чертами патриархальных отношений и древних культов в общественной жизни горцев, подобная клятва не является чем-то неожиданным или из ряда вон выходящим. Тем не менее, описание подобного обычая в дагестановедческой литературе нами не обнаружено.

Узко местное, локальное мы можем проследить, в частности, и в обряде примирения кровников у каралалцев, и в местных требованиях соблюдения этикетных норм в сфере «гость – хозяин», и в функционировании некоторых частных обычаев взаимопомощи и др.

ГЛАВА VI ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Народное образование каратинцев складывалось из двух составных: а) из знаний элементарной грамоты, полученной в семье в общении с родственниками и односельчанами; б) из знаний счета, письма и умения читать, полученных в результате специального обучения на дому или в примечетской школе¹.

Находясь с ранних лет в кругу родственников и односельчан, ребенок рано начинал постигать элементы счета и простейших математических вычислений. Через игры со сверстниками, в результате постоянного общения со взрослыми, сознание ребенка пропитывалось началами, основами родной для него народной культуры; он приобщался к духовным ценностям устного народного творчества, к традиционным морально-этическим и поведенческим нормам и т.д. Его образование постепенно складывалось с постижения местных мировоззренческих представлений, с освоения установленных его предками причинно-следственных связей между особенностями человеческого бытия, функционированием общественных коллективов (семьи, тухума, джамаата) и явлениями природы и т.д. При этом все знания и представления формирующегося члена коллектива насковозь пронизывались идеей Бога, мусульманского вероисповедания, шариатских установлений: в них ребенок находил или видел точку отсчета для логических обоснований, оценочных критериев и ценностных ориентаций.

Лег с 5-6 ребенок начинал обучаться арабскому алфавиту, чтению Корана и заучиванию наизусть отдельных молитв и сур. Вопреки сложившемуся мнению, этим, так сказать, начальное образование ребенка не ограничивалось. Его учили счету, основам четырех арифметических действий, давали понятие о временах года, о жизни растений, животных и др.

Обучение проводилось в мектебе муллой или на дому родителями. Уже в XVIII в. в Дагестане почти не было селений без примечетской школы в них². Дома чаще всего обучали девочек. После усвоения алфавита начиналось прохождение отдельных глав Корана: мулла обычно заставлял читать главу несколько раз, добиваясь, чтобы

¹ О традиционных формах народного образования в Дагестане см.: Каймаразов Г.Ш. Очерки истории и культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 36 – 41 и др.

² История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 413.

она была прочитана гладко, свободно, без заминок¹. Прохождение отдельных глав отмечалось как семейное событие: готовилась хорошая еда, приглашались родственники, обязательно приглашался и мулла, который занимал в застолье почетное место и одаривался подарками перед уходом. Такое же семейное торжество организовывалось и по окончании учебного года: обучение длилось 2-3, иногда 3-4 года².

Успешно прошедший обучение в мектебе мог пополнить свое образование в медресе. Такая школа была и в с. Карата. В этих учебных заведениях обучалось ограниченное количество учащихся. Это понятно: 9-10-летний мальчик в каралалской семье нес заметную хозяйственно-бытовую нагрузку. Посылая мальчика для учебы и проживания в другое селение, семья не только лишалась дополнительной рабочей силы, но несла еще ощутимые расходы по содержанию оторванного от дома обучающегося. Здесь, в мектебе, учащиеся под руководством довольно образованных для своего времени духовных лиц, учились грамотному письму по-арабски, переводу с арабского, проходили основы шариата, изучали логику, географию, математику, астрономию. Если способности и материальное положение позволяли, выпускник медресе продолжал учебу у кого-либо из известных в Аварии ученых-алимов.

Обучаясь в мектебе или дома по программе, ставшей традиционной, мальчики и девочки, так или иначе, попутно осваивали и аджам – местный алфавит, основанный на арабском, с подстрочными и надстрочными значками для передачи фонетических особенностей аварского языка. Следовательно, подавляющее большинство каралалцев (как и других горцев Дагестана) было грамотно.

Содержались мектебы и медресе за счет закята, доходов с вакуфного имущества и земель, а также дарений верующих – мусульман. Даже в условиях военных действий Шамиль и его окружение проявляли заботу о материальных средствах для мусульманских школ³.

Устное народное творчество каратинцев в художественных формах и образах концентрировало в себе всю духовную жизнь народа, его представления о добре и зле, чаяния и надежды.

Самобытны пословицы и поговорки народа. В них отражен хозяйственный опыт и быт предков, представления о благородстве и ни-

зости, о прекрасном и безобразном. Являясь средоточием коллективной мудрости многих поколений, они несли в себе заряд нравственности, человеколюбия, доброты. Приведем конкретные примеры:

«Строй – выше, паши – ниже» – Здесь отражается традиционная специфика расположения хозяйственно-жилых комплексов и угодий.

«Строй из хвороста, но обложи камнем» – Здесь отражена строительная культура народа.

«Из чужого сукна (сотканного в другой семье – авт.) черкеска лучше кажется»; «Из своего сукна черкеска больше греет» – Здесь отражается стародавняя занятость населения ткацким ремеслом.

«Осла хинкалом не кормят» – Здесь отражается распространенность в народной кухне хинкала – и т.д.

Все приведенные народные изречения так или иначе отражают в себе традиционную материальную культуру. Ряд пословиц и поговорок непосредственно связан с традиционным хозяйством каратинцев, например: «Земля пот любит»; «Пахоту ветер не унесет»; «Вол в упряжке весной, хозяин в упряжке круглый год»; «Даже из десяти больших баранов маленький бык не получится»; «Доить овец и доить коров – не одно и то же»; «Ремесло человека прокормит» и др.

Не могли не отразиться в афористических оборотах и особенности семейного быта каралалцев: «Вина самого младшего – это вина самого старшего»; «Голова – всему начало»; «Женщина в доме – опорный столб»; «Муж – гость, жена – хозяйин»; «Женщине покой после смерти будет, в доме – не будет»; «Дочь – временное твое, постоянно чужое»; «Даже одна дочь – много, даже семеро сыновей – мало»; «Сын родился – ты родился»; «У кошки больше прав (в семье), чем у невестки»; «Для невестки самое страшное слово это "свекровь"» и др.

В народных изречениях отражается форма традиционного управления («Решение старейшин для дурака не закон»; «Мужчина в кладовой и женщина на сходе – это одно ж то же»), судопроизводства («Семь старейшин определяли его вину – сами оказались виноватыми»), обычай кровной мести («Убивает мужчину – ранит весь (свой) род»; «Кровь кровью не смывается»), взаимопомощи («Сделанное другому хорошо отзовется»), гостеприимство («Гость – послание бога»; «Гость – к счастью»; «Избави нас Бог от дома, где не бывает гостей») и др.

Морально-этические нормы общества в пословицах и поговорках отражаются как в зеркале: «Трус – не мужчина»; «Главное украшение мужчины – мужество (храбрость)»; «За семью отдай правую

¹ См.: Туземец (Д.Б. Бутаев). Грамотность в горах Дагестана // ЭО. 1900. № 1. С. 117.

² См.: Селимханов А.К. К истории просвещения в Дагестане в XIX в. // УЗ Дагдипинститута. Вып. 1. Махачкала, 1957. С. 137 – 156.

³ См.: Каймарзов Г.Ш. Указ. соч. С. 58.

руку, за тухум – обе, за джамаат – голову»; «Хвальба – это слабость»; «Жадность не перекрывает девять достоинств»; «Жадный глаз и ненасытный желудок сводят на нет честь (мужчины)» и т.д. «Мысль в пословицах и поговорках – всегда широкого охвата»¹, глубина обобщения в них такова, что одно и то же изречение иллюстрирует самые различные отношения, положения, умозаключения и проч., может быть применено в разговоре, беседе с различными оттенками мысли. Поэтому приводимое нами толкование изречений весьма односторонне и условно.

Мир каралалских пословиц и поговорок неисчерпаем. Межличностный разговор или групповая беседа обычно изобиловали народными изречениями, делая речь яркой, образной, лаконичной и полной по смысловому содержанию.

Не меньше развиты в живом речевом общении и различного рода притчи. В духовном запасе их было такое множество, что по сути дела любая ситуация могла быть охарактеризована притчей, любое утверждение или отрицание, опять таки, находили в них свое воплощение. Темами для притч служили передаваемые из уст в уста, из поколения в поколение короткие были или вымышленные рассказы из жизни известных людей джамаата, другого общества; тип басни-новеллы из жизни животных; род поучения из жизни восточных правителей, их родни и приближенных и т.д.

Неисчерпаем также и мир сказок каралалцев². В долгие зимние вечера, собравшись у огня, дети и взрослые увлеченно слушали сказки о животных, о героях и богатырях, о чудесах и превращениях. Одна категория этих сказок по сюжету и действующим персонажам представляла собой ни что иное, как пересказ местными языковыми средствами известных произведений народного интернационального творчества: тут и тип Бабы-яги, и Кошечка бессмертного, и Конька-горбунка, Золушки, Снегурочки и т.д.³ Распространение получили также сказки, выросшие на местной почве: сказки о животных и сказки-новеллы, напоминающие по сюжету басни⁴, волшебные сказки, сказки авантюрного типа. Для примера приведем одну из сказок:

¹ Назаревич А.Ф. Отобранное по крупицам: Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала, 1958. С. 11.

² См.: Назаревич А.Ф. В мире горской сказки. Махачкала, 1962; Сказки народов Дагестана. М., 1965; Аварские сказки. Махачкала, 1965 и др.

³ Аналогии см.: Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежгинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1994.

⁴ См.: Анкин В.П. Русская народная сказка. М., 1959; Абдурахманов А.М. Жанр басни в прозаическом фольклоре народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 269.

«Жил-был Танкилав, кормился тем, что зашивал чарыки. Однажды, когда он зашивал свои чарыки, пришел волк. От испуга шило выпало из рук Танкилава. Волк сказал: «Я пойду в хлев и принесу тебе шило». В хлеву были козы. Пошел волк в хлев, съел там всех коз и вернулся к Танкилаву с шилом. Потом в хлев пошел Танкилав. Не нашел в хлеву коз. Затем, через некоторое время подумав, вернувшись из хлева, Танкилав сказал волку: «Пошли кататься на лед (на каток, на реку)». Волк хотел схитрить, стал искать причину, чтобы отказать и не пойти на каток. Все же Танкилав уговорил волка. Когда они пришли на лед, Танкилав пропустил волка вперед и помочился на волчий хвост. Хвост почти сразу же примерз ко льду. Тогда Танкилав схватил голстую палку, побил волка, поломал ему хребет, разорвал живот. Из живота убитого волка выпрыгнули его козы. Я тоже был там, со всеми пил мед, он лился по усам Али-Газиява, не попадая ему в рот». Традиционно многие сказки каратинцев заканчиваются именем Али-Газиява. Кто это, реальная личность или фольклорный персонаж – выяснить не удалось.

Устно-поэтическое творчество каралалцев во всех его жанрах¹ одна из ярких, самобытных черт духовной жизни народа.

Песни в народе пели на двух языках, на родном и аварском. Тесные хозяйственно-экономические отношения с аварцами, народами аварской группы, схожесть материальной культуры и быта, общность исторических судеб и происхождения – все это в совокупности сблизило традиционные черты народной культуры этих народов. Поэтому, рассматривать, к примеру, песенное творчество каралалцев, отдельно от творчества аварцев практически невозможно. Наибольшее распространение получили лирические песни. Они были представлены в подавляющем большинстве четырехстишиями, каждое из которых являлось по содержанию законченной художественно-образной рифмованной речевой единицей. Чаще всего песня, как таковая, состояла из ряда таких единиц, последовательно, произвольно исполняемых певцом или певицей, например:

«Твой взор, остановившийся на мне,
Пронзил меня арабским клинком.
Неужто Всевышний настолько не милосерден,
Чтобы раны мои вечно кровоточили?»

«Твой стан, твой смех и твои глаза
Для меня муки ада и наслаждение рая.

¹ См.: Халилов Х.М. Песенные жанры фольклора народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 10-15.

Я хочу, чтоб сбылись мои мечты

Об утолении жажды из родника с ледяной водой».

«Вся глубина мироздания и глубокая мысль небес

В твоих речах, в твоём молчанье, душа моя.

Солнца, звезд и месяца извечный спор

В твоей улыбке и глазах, душа моя»

(На каратинском языке)¹

В часы досуга, на различного рода народных сборах, праздниках и свадьбах исполнялись также эпические песни. Они, как правило, были общеаварскими и исполнялись на аварском языке.

Особый вид народного творчества составляли причитания-плачи по покойному. Выше мы уже останавливались на этом вопросе, когда рассматривали традиционные похоронные обряды каралалцев. Добавим только, что жанр причитаний настолько вошел в творчество народа, что они стали слагаться и по гораздо менее важному поводу, чем потеря близкого человека. Приведем для примера причитания Умагат, у которой сдох теленок:

«Хвост как пучок свежей травы,

Шея как у быка,

Стать как у коня.

В прыжках превосходил двух телят и корову.

Без этого теленка нет мне жизни!

Теленок, твержу, теленок!

Мое пораненное сердце

Сравнивает его с породой бычьей».

(На каратинском языке)²

К традиционному народному творчеству относятся небольшие по размерам произведения, воспринимаемые в новое время как тип детских побасенок, считалок. Скорее всего, в этих куплетах когда-то был заложен символический, обрядовый смысл, связанный со стародавними домонотеистическими религиозными представлениями³.

Например:

«Раз, два, три скажи,

Положи на правое плечо,

Пусть радуется Цубур,

Пусть печалится Зубур,

Пусть все, у кого есть зубы

Грызя, грызут»

(На каратинском языке)¹

В подобных куплетах, перешедших к детям от взрослых², по всей вероятности «зашифрованы» стародавние формулы и заклинания. Ряд произведений устного народного творчества был адресован детям непосредственно. Это были своего рода стишки-диалоги, которыми родители забавляли детей, укладывая их спать, успокаивая капризничавшего ребенка, отвлекая его внимание от чего-либо и т.д. Например:

– Орел, орел, где ты был?

– Орел, в Цолода был, орел.

– В Цолода зачем был, орел, орел?

– Чтобы заготовить ивовые прутья, орел, орел.

– Зачем тебе ивовые прутья, орел, орел?

– Чтоб построить дом, орел, орел.

– Зачем тебе дом, орел, орел?

– Чтоб жениться, орел, орел.

– Жениться зачем тебе, орел, орел?

– Сына родить, орел, орел.

– Сын тебе зачем, орел, орел?

– На старости лет чтоб за мной смотрел, орел, орел.

(На каратинском языке)³

Аналогичное произведение отличается от приведенного тем, что вместо рафрена «орел, орел» в нем произносилось «Гургино»⁴.

Как произведения детского цикла воспринимались в интересующее нас время также и небольшие стихотворения, содержание которых было направлено на раскрытие внутреннего смысла, характеристики тех или иных понятий: джамаат, тухум, мир, вселенная, природа и др. Текст в них, как правило, носил легкий, шуточный, порой насмешливый оттенок. Для примера приведем народное произведение, возникшее, скорее всего, в с. Карата, которое дает краткие характеристики нескольким каралалским, близко расположенным населенным пунктам и народам:

«Вот эта звезда – цолодинцы,

Звезда – мезда⁵ – тукитинцы,

¹ Полевой материал автора // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 540. Л. 71 -72.

² Абакарова Ф.З. Дагестанская детская игровая поэзия // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 102.

³ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 532. С. 7 – 10

⁴ Там же. С. 10 – 11.

⁵ В подлиннике: «ЦЦай – май...»

¹ Полевой материал автора // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 30. Л. 42 – 44.

² Там же. С. 38 – 39.

³ См.: Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1975. С. 112.

На коне верхом – ахвахцы,
Удар плетью – аладинцы,
Ржаной хинкал – рачаболдинцы,
Скалистый пояс – анчихцы,
Золотой каток – каратинцы»
(На каратинском языке)¹

Перечисленное здесь надо понимать следующим образом: колонинцы забрались наверх, еще выше - тукитинцы, ахвахцы всегда на коне, аладинцам лишь бы пустить коня вскачь, рачаболдинцы – любители ржаного хинкала, со всех сторон огорожены скалами анчихцы, каратинским селением можно залюбоваться.

Экономия языковых средств, при широте многозначного внутреннего содержания, смыслового наполнения² – характерные черты народного творчества. Здесь проявляется «процесс сгущения мысли», тенденция и правило «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами»³.

У каратинцев много загадок, занимательных диалогов, новелл, анекдотов, сказаний и т.д. Все это складывалось веками, шлифовалось поколениями, передавалось из уст в уста, заимствовалось, перенималось другими народами, подвергалось влиянию творчества мусульманских стран, народов Кавказа, других народов мира. «Естественно, что при дальнейшей эволюции довольно однотипных «основ» фольклорных жанров происходили сложнейшие процессы – развитие, отрицание, переосмысление, взаимопроникновение и прочее, – которые у разных народов уже давали национально-специфические различия», – пишет А.М. Аджиев⁴. Пропущенное через сознание народа, став атрибутом общения в любой среде и в повседневной жизни устное народное творчество каралалцев является яркой характеристикой этноса, подчеркивая его самобытность на путях исторического развития в тесных контактах с другими народами.

Народная медицина каралалцев⁵ – одна из составляющих духовной культуры - основывалась на эмпирическом опыте многих поколений, вынесших из наблюдений над жизнью людей и явлениями

природы важнейшие основы понимания взаимосвязи человека и окружающего мира, их единства.

Знания народа об окружающем его мире представляют собой, по определению Ю.В. Бромлей, одну из важнейших подсистем этноса¹. Познания того или иного этноса в области медицины относятся именно к традиционным народным знаниям.

Особенностью народной медицины каралалцев, как и у других народов Дагестана, было соединение в одном лице лекаря и знахаря. Если народного врачавателя мы относим к одной из этих категорий, то это делается по признаку, в какую из сторон преимущественно склонялась его деятельность. Иначе говоря, народный лекарь одновременно использовал и знахарские приемы, знахарь же, как правило, владел отдельными рациональными приемами диагностики и лечения болезней.

В каждом из селений каралалцев были люди, так или иначе умевшие определить заболевание и лечить его. Для лечения травм, ранений, ожогов, внутренних недугов, нервных заболеваний нередко использовались такие приемы, как заговаривания, зашептывания, применение талисманов, молитв, кабалистических снадобий, магических действий и т.д. Нужно сказать, что, прибегая к ним, лечащий болезнь менее всего пытался кого-то обмануть, ввести в заблуждение, преднамеренно злоупотребить доверием пациента ему во вред и т.д. Приемы эти формировались веками, в их эффективность и целесообразность абсолютно верили как врачующий, так и лечащийся. Неудивительно, поэтому, что во многих случаях по законам психотерапии больной, если и не полностью излечивался, то, по крайней мере, заметно поправлял свое здоровье.

Как умельцы залечивать огнестрельные и ножевые раны, тяжелые травмы, трепанировать череп, лечить переломы конечностей и внутренние заболевания в XIX в. были известны Уммуга и Дибир-Али из Карата, Маарип из Арчо, Султанбади из Анчиха, Барук из Рачаболда, Чурук из Маштады, Кьура из Инхело и др. В конце XIX – в первые десятилетия XX в. лечили больных Ахмед-Дибир из Верхнего Инхело, Ахмед-Хан из Рачаболда, Чегвечи из Рацитля, Абу из Караты, Магомед-Расул из Арчо и др. У многих из них был «хьочи» – лечебник, составленный на основе местного опыта и обогащенный врачебной практикой Востока². За помощью в случае болезни каратинцы

¹ Там же. С. 35 – 36.

² См.: Гасанов М.М. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. Махачкала, 1971. С. 13.

³ Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1931. С. 91.

⁴ Аджиев А.М. Многообразие и единство в фольклоре народов Северного Кавказа // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 7.

⁵ Подробно о народной медицине в Дагестане см. исследования М.А. Дибирова. РФ ИИАЭ. Машиннопись.

¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 211.

² См.: Очерки из истории хирургии в Дагестане. Махачкала, 1960; Крачковский П.Ю. Избр. соч. Т. 4. М., 1960; Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX – нач. XX в. Махачкала. 1966 и др.

обращались и к лекарям соседних народов. Так, например, славой искусного врачавателя пользовался среди каралалцев, ахвахцев Гаджи-магомедов Динга из с. Тадмагитль¹. Обращались нуждающиеся и к другим лекарям Ахваха, также, как ахвахцы, по необходимости, пользовались услугами лекарей из каралалских селений. Способы лечения и диагностики у тех и других не могли не совпадать², поэтому здесь мы будем говорить лишь о частностях народной медицины у каралалцев.

При лечении ран «анльа» кроме подорожника «анльок'але», лекари Карата пользовались листьями папоротника «затан» первого года; пулевое ранение залечивали амальгамой из жира медведя «си», золы от сожженных сухих листьев грецкого ореха «цулакьо» и белой глины «шиши гьац'аб» – (пропорции ингредиентов 5:1:3).

При переломах «биа'р» и вывихах «ч'варер»; «гьинигал ч'варер», кроме накладывания шин, широко использовалось мумие «кьуру пиц'л»; его употребляли не только вовнутрь, но и как наружное лекарство, смазывая травмированные места.

Каралалским лекарям было известно такое средство против кровотечения «гьери боан», как обработка открытых ран снадобьем из желтой серы «ч'лабат'л», жженого пороха «жими», пепла от сожженной овечьей шерсти, непременно черной, дегтя из березовой коры «нахил пиц'л», истолченных муравьев «льарца» и меда (6:5:2:3:1).

При ревматизме «ц'ане» суставы больного парили в густом настое крапивы «мич'ч'ли», в который за полчаса до его использования бросали сухие осинные соты. Если больной жаловался на боли в суставах рук, которые к тому же заметно припухали (артрит – «гьурал»), то его лечили припарками из отвара чертополоха (гламол ц'ана), предварительно сварив в нем скорпиона (панк'траб).

От зубной боли лекари Нижнего Инхело давали больному отвар травы «маг'л-квен». По дошедшим до наших дней сведениям, Маарип из с. Арчо еще в первой половине XIX в. сверлил больной зуб, удалял нерв и пломбировал его. Для всех этих операций у него был инструмент, сделанный в г. Тифлисе по его заказу; дупло пломбировалось каким-то специальным составом, замешанном на белке яиц жаворонка «хьарах'инч'л».

При воспалениях уха (отит – «гьонт'лик'ла бок'лар») для больного готовили специальное лекарство (с. Анчих): в моче мула отваривались предварительно высушенные листья дикой мушмулы «хихи-

цо» до получения вязкой кашицы. Из этого состава делались небольшие шарики, величиной с горошину, которые кипятились в соке плодов черники «ч'елт'ли». В большое ухо пациенту вкладывался такой шарик, затем ухо дополнительно законопачивалось комочком шерсти, и в таком положении больной должен был сидеть (именно сидеть, а не лежать или стоять) в затемненном помещении час-полтора. Процедура повторялась не менее трех раз, ежедневно. Полученные таким образом шарики годились для применения лишь в течение двух недель, после чего выбрасывались подальше: дети могли ими отравиться.

При бронхите «клалан цур» больному давали горячий морковный отвар. Считалось также полезным поить страждущего бульоном от сваренного глухаря «рокьо панк'лу».

При всех легочных заболеваниях (легкие – «хьунсерди») лекари с. Карата рекомендовали больному отвары мяты «г'ландус», а также отвары веточек с листьями земляники «гобе» в дождевой воде.

Если человек жаловался на боли в области почек «г'лурус», лекари Рацитля прописывали ему сок ягод барбариса «сане» с медом.

Действенным лекарством от печеночных заболеваний (печень – «рекл'айль»), болезни Боткина – «обил рок'лар», считались отвары из сухофруктов (яблоко, груша, абрикосы, кураги, сливы) и некипяченое молоко красной коровы.

Вооруженные опытом поколений, имеющие обширную практику, лекари-каралалцы, как и врачеватели других народов Дагестана, умели при необходимости производить сложные операции. В первой половине XIX в. Уммуса из с. Карата удалял больным воспаленный аппендицит «бок'вал бак'ьер», прибегая при этом к гипнозу пациента. Он пользовался обсидиановыми хирургическими инструментами, привезенными, якобы, из Йемена.

Лекари с. Маштада для изгнания аскарид «жвалака» поили больного молоком ослицы, а врачеватели с. Рачаблда кормили мясом черного кабана «больон».

При заболевании анурией «л'ей биккар» лечение врача было направлено на возможное удаление перекрывающих мочеточники камней. Этому маштадинские лекари добивались, предписав больному особую диету на одну-две недели. Она состояла исключительно из молочных блюд при максимальном потреблении лечащимся отвара плодов хмеля «хамело». В этот насыщенный отвар после полутора-часового кипения на воде бросали горсть очищенных косточек кураги. Полученную таким образом жидкость держали в течение суток в закупоренном керамическом сосуде в прохладном темном месте. За

¹ О нем см.: Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала. 2008. С. 295 и др.

² См. раздел «Народная медицина» в работе «Ахвахцы». С. 293 – 342.

день больной должен был выпивать не менее 3-4 литров этого снадобья.

Излечивали каралалские лекари и различного рода кожные заболевания: абсцессы «кѳаха», лишай «хъашхъар», чесотку, экзему «хъирис», паршу «хъуту» и др. Приемы излечения этих болезней. их диагностика были такими же, как и у ахваццев. Это же можно сказать и о таких серьезных заболеваниях, как рак «талагъу», холера «вабаъ», чума «тагун», трахома «гъарклай раklar», оспа «тамер». Распознавали и лечили каралалцы и инфекционные заболевания («ангинушекъер унти»: брюшной тиф, малярию – «милгилал роклар», туберкулез, чахотку), в т.ч. и детские (корь – «кватлеро», коклюш – «хлаланцур»), болезни сердца и сердечно-сосудистые заболевания (асфиксия, астма – «хладунци»; порок сердца – «ракѳа боклар»; одышка, гипертония и др.), болезни желудка (заворот кишок – «кила къотел»; водянка – «лъейль къвачла»; гастрит – «баххер»; запор – «кила къотлер»; понос – «рахер» - и др.), легких (кашель – «охлоди»; плеврит – «хъунсер боклар»; пневмонию - и др.), суставов (артрит – «гъурал»; подагра – «мучади»; полиартрит; радикулит - и др.). урологические заболевания (анурия – «лъей биккер»; гематурия – «гъери жожер»; недержание мочи – «лъей итар» – и др.), заболевания нервные (бессонница – «къи гъанчелъер»; паралич – «лага беккер»; психоз – «гадал роклар»; обморок – «лъаягал воан») и т.д. Излечивали они и такие болезни, как обилие веснушек «мугърубай», выпадение волос «хулер», появление бородавок «бижуб дела», мозолей «крикъил гъанкѳа», отеков «эрхъен», обморожение «эрер», отравление «вогухар», ожирение «вожалъер», ожоги «бежа», заикание «мацли биккер» и др. Кроме уже перечисленных нами, они знали лечебные свойства таких растений, как тмин «мучари», можжевельник «цлана», марена «релъен», водяной перец «пилпил», черемша «сабо», «соло», конский щавель «гъвамарчо», лопух «члемерхва», подснежник «меклекл», дурман «махисунтл», чабрец «ташка», ромашка «члотлохер», дикий щавель «цекло» и др. Различного рода заболевания они излечивали плодами, цветами, листьями, корой, корнями таких кустарников, как шиповник «хлинкъе», облепиха «гъарце», барбарис «сане», кизил «журлам», а также деревьев – липы «гъинцѳу», ивы «жвала» дуба «никла», сосны «эжела», ели «эжела», березы «микки», рябины «аза», тополя «гъинцѳу» и др. Использовались лекарями также и целебные свойства культурных растений: тыквы «даржик», льна «келтѳу», лука «кланча», перца «пуч», чеснока «рожи», персика «нихъва», граната «сани» и т.д. Лечение перечисленных заболеваний, использование лечебных свойств указанных растений у каралалцев такие же, как и у

ахваццев, цезов, бежтинцев, гинухцев, гунзибцев, ботлихцев, годберинцев и других народов аварской группы¹: если отличия и имелись, то они были незначительными. Такое положение вещей, не перечеркивая этнокультурной специфики каралалцев, еще раз свидетельствует о историко-культурном единстве всех этих народов. Опираясь на опыт поколений, каралалские лекари накопили рациональные знания для результативной борьбы за здоровье человека. Как отмечалось Ю.В. Бромлеем и А.А. Вороновым, «научная медицина до сих пор в той или иной мере сосуществует с традиционными видами медицинских знаний»². Накопление этих знаний, «отличающихся устойчивостью и массовостью»³, во многом способствовала естественная близость каралалцев к природе.

Домонотенистические верования, или, точнее, их пережитки, являясь составной частью идеологических воззрений народа, дают ключи к пониманию важнейших процессов в духовной его жизни. Языческие представления – это «огромный комплекс первобытных верований, воззрений и обрядов, складывающийся на протяжении многих тысячелетий и послуживший основой, на которой сформировались в классовом обществе все мировые религии», – пишет Б.А. Рыбаков⁴. Хотя в интересующее нас время идеология ислама проникла, как мы уже подчеркивали, во все сферы личной и общественной жизни каждого каралалца, членов его семьи, тем не менее, отголоски стародавних представлений все еще играли заметную роль. Объясняется это замедленным развитием производительных сил общества, откуда следует и заторможенность его социально-культурной сферы, всего комплекса элементов надстройки, пропитанных идеями патриархальных отношений и соответствующих им идеологических воззрений. В такой атмосфере ислам не смог полностью перечеркнуть, вытеснить элементы, имеющие, чаще всего, характер отголосков, чуждых ему по духу воззрений. Скорее всего, ислам это и не пытался сделать: став господствующей идеологией в массах, он ограничил значение рудиментов домусульманских представлений их ролью как элементов народной жизни и бытия, частных, специфических черт традиционных отношений в различного рода стандартизированных ситуациях.

¹ См.: монографии серии «Малые народы Дагестана» // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1.

² Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографического исследования // СЭ. № 5. 1976. С. 8.

³ Там же.

⁴ Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории, № 1. 1974. С. 4.

Тема эта достаточно хорошо изучена в дагестановедческой литературе. Она, так или иначе, получила освещение в статьях и монографиях С.Ш. Гаджиевой, А.Г. Булатовой, С.С. Агашириновой, в коллективных монографиях «Материальная культура аварцев», «Материальная культура даргинцев», в монографиях С.А. Лугуева, Д.М. Магомедова, Б.М. Алимовой, Г.А. Гаджиева, М.Ш. Ризахановой, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедова и др., посвященных малым по численности народам Дагестана и др. Цельные, обобщенные исследования домонотеистических верований дагестанцев проведены в работах Г.А. Гаджиева (Доисламские религиозные верования и обряды народов Дагестана, М., 1991) и А.О. Булатова (Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX - начале XX в. Махачкала, 1990). Освещены эти вопросы и в монографии Б.Б. Булатова и С.А. Лугуева, С.И. Сефербекова и др.¹

Каралалцы, как и другие народы мира, верили в чудодейственную силу посредников между представителями высших духовных начал и людьми, в колдунов и чародеев «КIкIажи». В знахарях и лекарях, в частности, народ видел именно колдунов, что свойственно представлениям многих народов земного шара². По поверьям, колдуны и колдуньи активно вмешивались в жизнь людей, награждая их за добродетели и наказывая за пороки. Одной из характерных черт, которыми наделила их народная фантазия, считалась зависть. Отсюда исходит вера в возможность со стороны колдунов и колдуний сглазов и порчи³. Предостережся от них можно было различными способами: отпугнуть их чары металлическими предметами, драгоценными и полудрагоценными камнями или изделиями из них, талисманами и амулетами растительного, животного происхождения, или содержащими в себе бумажку с молитвой из Корана и др. Прибегали каралалцы и к способу определения источника сглаза, описанного Г.Ф. Чурсиным: растопленный на огне свинец или воск выливали в холодную воду, и по силуэту полученной аморфной фигуры устанавливали виновного⁴.

В сознании каралалцев пережиточно отложились отголоски веры предков в магические свойства домашних и диких животных. Нередко эти пережитки стародавних верований в народе сказывались в

¹ См.: Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVII – XIX вв. (Аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999; Они же. Очерки истории духовной культуры народов Центрального и Западного Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала, 2004; Сефербеков Р.И., Шигабуудинов Д.М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала, 2006.

² См.: Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964. С. 107

³ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 159.

⁴ См. Чурсин Г.Ф. Авары. С. 109.

представлениях об обретении отдельных качеств животного человеком, отведавшим мясо (тот или иной орган или часть его, а также выливая кровь, съедая мозг и др.) этого животного¹.

У народа со стародавней культурой пашенного земледелия не могли не сохраниться пережитки почитания быка. Они сказывались (как и для других горцев Дагестана) и в роли его как жертвенного животного, непременно участвующего в различного рода народных молениях, ритуалах, праздниках и др. Кроме того, если человек бредил или заговаривался при тяжелых формах заболеваний, ему смазывали лоб, кончик носа и подбородок бычьей кровью. В местах, где по народным суевериям могли скапливаться джины или черти (развалины, заброшенные дома, мельницы, свалки и др.), следовало воткнуть шест с бычьим хвостом: тогда, по народным поверьям, к этим местам можно было приближаться без опасения подвергнуться злым чарам.

Овцы, бараны, занимавшие в хозяйстве каралалцев весьма заметное место, тоже наделялись чертами сверхъестественного. Их роль как жертвенных животных с одной стороны и увязка их культа с культом предков² с другой мыслятся положениями, вытекающими друг из друга и друг друга дополняющими. У каралалцев пережитки этого культа сказывались, в частности, в том, что по поверьям, какой-либо большой радостью женщине нужно было поделиться с овцой, нащептав ей об этом на ухо; мужчина, соответственно, нащептывал свою радость, успех, удачу барану. Ни в коем случае нельзя было, напротив, делиться с ними своими бедами или невзгодами: от этого животные либо становились бесплодными, либо подыхали. К козлу у каралалцев было двоякое отношение. С одной стороны, он рассматривался как живой оберег стада, способствующий его здоровью и размножению, с другой стороны, как существо, приближенное к чертям³, он же мог рассматриваться первопричиной гибели скота, его падежа от эпизоотии, бескормицы, бедствий и др. Как и у других народов мира⁴, козел считался воплощением похоти, откуда исходила логическая увязка его образа с идеей плодородия.

Пережитки почитания коня выявлялись у каралалцев в частом упоминании этого благородного животного в сказаниях, преданиях,

¹ См.: Шнирельман В. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 179.

² Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 429; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 286; Чибиров Л.А. Древнейшие пласты... С. 121.

³ См.: Шгенберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 14.

⁴ См., например: Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 100

легендах и др. В них конь дает мудрые советы своему хозяину, выручает его из беды, предупреждает о грозящей опасности и т.д.

Как и у многих народов мира, собака в глазах каралалца являлась в двух ипостасях. С одной стороны, ее роль в хозяйстве, преданность хозяину высоко ценилась. Несмотря на это, собака относилась к «нечистым» животным, после прикосновения к которой нельзя было молиться, есть, брать на руки детей и др. Считалось, что носители злого начала часто обретают образ собаки и в таком виде вредят людям. С другой стороны, по народным поверьям, обладатель черепа собаки приобретал якобы свойство находить клады и припрятанные краденые вещи. Клыки собаки служили ребенку-мальчику оберегом против всяческих недобрых сил, также, как и клыки медведя, волка.

Как и другие кавказские народы, каралалцы наделяли магическими свойствами змею. Выползок змеи категорически не рекомендовалось трогать: это якобы сулило беду. У того, кто убивал змею, по народному поверью случалось какое-нибудь несчастье: погибал скот, зерновые давали скудные урожаи, возникали пожары и проч.

Считалось удачей, если в дом или хозяйственную постройку заберется лягушка: хозяйина якобы ожидала удача в хозяйственных делах. Убить лягушку значило вызывать проливные дожди, ураганные ветры, градобитие и т.д.

Каралалцы верили, что убившего ласточку или голубя неминуемо ждут большие беды: смерть детей, разорение, тяжелая болезнь и др. Бытовало поверье, что в этих и других птицах находят приют души умерших родственников.

Таким образом, пережитки магии, древнейших форм религии¹, в среде каралалцев все еще сохранились, накладывая своеобразный отпечаток на традиционную духовную культуру народа.

Определенное место в традиционной идеологии занимали верования, связанные с душой. Обозначалось это понятие номинациями «жан» и «рохIе». Несмотря на то, что исследователи склонны ставить между ними знак равенства², различия здесь, думается, существуют. «Жан» это не только и не столько «душа», сколько «состояние тела», «жизненная энергия», «жизнеспособность», «здоровье»; под «рохIе» подразумевается высшая субстанция и главное духовное содержание всего живого. Душа, считалось в народе, живет совместно с телом, человек прекращает земное существование, когда душа покидает тело. Собственно душа могла покинуть тело ненадолго, считали каралалцы, без ущерба для него: это и случается во время сна или обморо-

ка. Из представлений о душе складывались и похоронные обычаи, на которые впоследствии наложил отпечаток ислам.

Высшая содержательная субстанция типа души, духа была присуща, по местным поверьям, и горам, рекам, лесам, озерам и т.д. До начала XX в. каралалцы приносили жертвы этим духам, которые в гневе могли навредить человеку.

Итак, анимистические представления занимали свое место в ряду пережитков домусульманских верований этого народа.

В демонологии каралалцев важнейшее место занимали черти «шайтIан» и джины «жене»¹. В народе эти персонажи, чаще всего, различали с трудом или вовсе не различали. Разница между ними заключалась, вероятно, в том, что черти в своих кознях против людей большей частью противостояли их вере в Бога и Пророка. Кроме того, народная традиция приписывала чертям антропоморфный облик, тогда как джины в представлениях народа аморфны и наделены способностью предстать перед людьми в виде любого человека, животного или растения². Те и другие в представлениях народа делились на добрых и злых, мусульман и христиан. Борьба с их вредительством по отношению к человеку можно было творить молитву; джины, кроме того, якобы боялись всего железного, колющего и режущего. Как мы видим, представления эти особняком не стоят, они были присущи многим мусульманским народам, в том числе, разумеется, и дагестанцам³.

Своеобразно строились представления каратинцев о дэвах «картав». Само местное их название предполагает связь этого персонажа с широко распространенным на Северном Кавказе эпосом, одним из краеугольных камней для творческих построений которого служили местные поверья и религиозные представления⁴.

Дэвы тоже делились на мусульман и христиан, добрых и злых. Это были войны-великаны, обладавшие громадным ростом и невероятной физической силой. Хотя дэвы-мусульмане, т.е. добрые дэвы, зла человеку не причиняли, а как раз могли его облагодетельствовать (выручить из беды, поделиться с ним охотничьими трофеями, подарить золото, драгоценные камни и т.д.), встреча с ними считалась нежелательной. В народе верили, что, как бы хорошо встреча с дэвом не прошла, после нее человека обязательно постигнет неудача, беда: бо-

¹ См.: Чурсин Г.Ф. Указ. соч. С. 38.

² Подробней об этом см.: Лугуев С.А. Ахвахцы. С. 345 – 346.

³ См.: Сэфербекоев Р.И., Шигабуудинов Д.М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала. 2006. С. 122 – 125.

⁴ См. напр.: Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали. 1982.

¹ См.: Семенов Ю.И. О сущности религии // СЭ. № 2. 1980. С. 56.

² См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 326; Гаджиев Г.А. Указ. соч. С. 41 – 42.

лезнь, материальные потери, потери близкого и др. В любом случае правоверному мусульманину предписывалось при встрече с дэвом – добрым или злым – в беседу с ним не вступать, на вопросы и предложения не откликаться и громко читать молитву, пока дэв не исчезнет.

Здесь, скорее всего, произошло смешение свойств и характеристик заимствованного персонажа с чертами местных демонологических субъектов.

В плане пережиточных представлений интерес представляет персонаж «Боклариль йила» – «Старуха болезней», соответствующий ахвахской «Рокорилъи ила»¹ с тем же значением. Это был тип Бабы-Яги, он в сознании человека рисовался худой, носатой, уродливой старухой, с отвислыми губами и длинными ногтями на пальцах рук, в которых старуха держала суковатую палку. Она всегда была преисполнена злобы по отношению к человеку, насылала на людей эпидемии, эпизоотии на скот. Различного рода внутренние болезни человека каралалцы часто связывали со злонамеренными кознями этого персонажа. Уберечься от нее можно было, якобы, только молитвами.

Носителем этого начала был также персонаж «Рисидобо». Его представляли маленьким сморщенным старичком с длинной, волочащейся по земле бородой и не по росту громадными руками. Он, по народным представлениям, подкрадывался к спящему человеку и душил его руками или бородой. Приходил старичок обычно к одинокому, отдельно от других отдыхающему человеку, поэтому люди старались не оставаться на ночь в комнате в одиночестве. «Рисидобо» не переносил света, поэтому на ночь в комнате, особенно там, где находился ребенок, старались оставить горящий светильник. Этот религиозно-мифический персонаж широко распространен в поверьях народов Дагестана, где для него на многих языках имеется более полутора десятков наименований²; отдельные свойства персонажа позволяют относить его к типу славянских домовых³. Корни происхождения этих и ему подобных персонажей исследователи видят в присущем человеку первобытному страху перед ночью, темнотой⁴.

Если «Рисидобо» направлял свои действия против человека любого возраста и пола, то «Будалди» свои злостные поступки совер-

шал с беременной женщиной или новорожденными детьми. Его тоже представляли себе маленьким человечком, еще меньшим, чем «Рисидобо»; это был носитель мужского начала – в штанах, рубашке, с резко загнутыми вверх концами кожаной обуви, но без головного убора и совершенно без признаков растительности на голове и лице. Половину лица персонажа занимал рот с частыми, острыми, иглоподобными зубами. Больше всего он любил проникать в чрево матери и похищать оттуда плод, ребенка; часто он якобы душил детей в колыбели. Средства борьбы с ним были те же молитвы, свет, острые (режущие, колющие) железные предметы.

Все три последних персонажа являлись, скорее всего, интерпретированными временем и народной фантазией персонажами стародавних языческих божеств и демонов. Это положение в той или иной степени, вероятно, относится и к таким демонологическим персонажам, как черт, джин, дэв и др.

Таким образом, несмотря на устойчивые позиции ислама, в народе пережиточно сохранились представления о демонологических персонажах, характерных для гораздо более ранних форм религии.

Отдельные черты мировоззрения народа, характер его представлений об окружающем мире отразились, в частности, и в пережитках верований, связанных с явлениями природы, в обожествлении земли, неба, небесных светил, вершин и т.д.

Отголоски почитания земли сохранились у каралалцев в виде клятвы землей, запретов по осквернению земли словом или поступком. Все, оскверненное соприкосновением с «нечистым» (например, с собакой, ослом, кабаном, покойником и др.), очищалось землей и становилось пригодным для последующего применения. Преклоняясь перед производящей силой земли, каралалцы задабривали её жертвами, подношениями, обращаясь к ней с мольбами и просьбами. С усилением позиций ислама эти мольбы, просьбы стали адресовываться не непосредственно земле, а Верховному божеству, Господину всего сущего, в т.ч. и земли.

Земля в целом воспринималась как живой организм, нуждающийся в солнечном тепле, им оплодотворяющимся, рождающим для людей и животных съедобные злаки, плоды и корни. Такой взгляд традиционен многим земледельческим народам мира¹.

¹ Ахвахцы. С. 349.

² См. Александров А., Лобанов С. Заметки из путешествия по Дагестану // ЭО. 1910. № 1 – 2; Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 327; Булатова А.Г. Лакцы; С. 180 – 181; Гаджиев Г.А. Указ. соч. С. 20 – 22.

³ См.: Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов в XIX – начале XX в. М., 1957. С. 95.

⁴ См.: Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 479; Токарев С.А. Указ. соч. С. 75.

¹ См.: Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. Т. 1. СПб., 1916. С. 47; Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964; Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. С. 88; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Изд. 2. М., 1986. С. 135 – 138.

Следы почитания неба сохранились в клятвах именем «семи небес». Проклятие именем небес считалось в народе одним из самых страшных. О культе неба в этом микрорегионе писали А. Александров и С. Лобанов¹.

Когда-то, в давние времена, у каралалцев, как и у других аварцев², видимо был развит культ солнца, известный на Кавказе с эпохи энеолита³. Об этом можно судить хотя бы по сохранившемуся обычаю заклинать бога именем восходящего солнца. Значительное место в верованиях каралалцев занимал также присущий народам Кавказа вообще⁴ культ огня, культ домашнего очага.

Периодические изменения форм луны, связанные со сменой лунных фаз, легли в основу народного календаря и породили всякого рода суеверия, в частности, – представления об умирающем и воскресающем божестве⁵. Как и повсеместно на Кавказе, в дни затмения луны люди устраивали коллективные моления, а также били в медные тазы, стреляли вверх, кричали, способствуя тем самым, по поверьям, «освобождению» ее. Появление молодого месяца служило в народе поводом обращения к нему с просьбой об удаче и благополучии. Лунный свет считался благоприятным для сельскохозяйственных работ, для лечения некоторых кожных и нервных заболеваний, для подрастания молодняка и др. Отголоски почитания луны сохранились и у других народов Дагестана⁶.

Итак, домусульманские верования пережиточно сохранились у каралалцев и в виде рудиментов поклонения объектам космогонического порядка.

Следует еще раз подчеркнуть следующее положение. Перечисленные нами и многие другие остаточные формы религиозных представлений у каралалцев в XIX в., и, тем более, в начале XX в., бытовали не сами по себе, а как особое проявление, частное выражение отдельных оттенков всеобщей глобальной идеи. Последняя мыслилась как господство единого Верховного божества, от которого исходило общеидеологическое руководство – ислам.

Народный сельскохозяйственный календарь каратинцев складывался в течение длительного времени, основываясь на знаниях, наблюдениях, полученных усилиями, творчеством десятков и сотен

поколений людей. Возраст народных календарей каралалцев возможно определяется несколькими тысячелетиями. Отдельные фигуры, символы и солярные знаки на скалах, окружающих селения, могли служить жителям древнейшими солнечными календарями¹. Опыт поколений выработал критерии целесообразности соотношений положения небесных тел с началом и протяженностью во времени отдельных хозяйственных циклов деятельности человека. Поскольку главными занятиями каралалцев были земледелие и скотоводство, календарь соответствовал именно этим формам хозяйства. Поэтому, у каралалцев год делился на отрезки, названия которых происходили от тех или иных орудий труда, трудовых операций и др. Например, промежуток времени, соответствующий марту-апрелю, назывался «кьоб» – «лемех», апрель-май и сентябрь-октябрь именовались одинаково – «ригъай» – «мелкий рогатый скот»: здесь, видимо, подразумевалось время перегонов овец; июль-август – «харицел» – «серп»; август-сентябрь – «гъунча» – «сено»; февраль-март – «кила» – «навоз»². Видимо, в языке существовали названия и для других отрезков, однако, выявить их не удалось.

Календарным месяцем считался месяц лунных фаз, начало месяца совпадало с новолунием. Период лунных фаз равнялся 29,5 суткам, поэтому в лунном календаре 29-дневные месяцы перемежались для удобства счета с 30-дневными. Год состоял из 354 дней, с промежутком в 2 года к одному из 29-дневных месяцев добавлялось по одному дню и, таким образом, среднее количество дней в 31-летнем цикле равнялось 365 дням (354+11)³.

Каралалцы делили год «решин» на четыре периода: весну «регъибо», лето «къино», осень «рехъвар» и зиму «циbero». Кроме того, в народе выделяли самое жаркое время года – четыре недели, приблизительно с 25 июня по 20 июля – «ракъи къино», и самое холодное время – примерно с 25 декабря по 20 января – «ракъи циbero». Каждый сезонный период делился на 4 месяца «борцло», семь дней составляли одну неделю «гъакъу». Название дней строилось по следующему принципу: пятница, день молитв и отдыха, называлась «рузума», а дальше, от субботы до среды, дни назывались «первый», «второй» и т.д., т.е.: суббота – «разумалъи альбибал», воскресенье – «кледальоб», понедельник – «лъабдальоб», вторник – «боольор», сре-

¹ Александров А., Лобанов С. Указ. соч. С. 156.

² См.: Сефербеков Р.И.; Шигабуудинов Д.М. Указ. соч. С. 46 – 48.

³ См.: Кулинарев К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. С. 163.

⁴ См.: Чурсин Г.Ф. Почитание огня на Кавказе // К. № 121. 1904.

⁵ Штернеберг Л.Я. Указ. соч.

⁶ См., например: Сефербеков Р.И., Шигабуудинов Д.М. Указ. соч. С. 50 – 51.

¹ См.: Исрапилов М.И. Солнечные календари Кегерского нагорья. Махачкала, 1991.

² Полевой материал автора // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 513. С. 53.

³ Подробно об этом см.: Цибульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964. ЛС. 111 – 114.

да – «иншдильяр»; четверг назывался «ракфир» (т.е. «под пятницу», «накануне»).

Каралалцы, как и другие дагестанцы¹, жили не по лунному, а по лунно-солнечному календарю. При этом, отсчет дней и месяцев велся по фазам луны, а наступление времени года, времени суток определялись по солнцу.

Для определения наступления того или иного периода, времени года, у каралалцев в каждом из селений были особые приметы. Так, наступление весны жители с. Карата определяли тенью от скалы в верхней части с. Маштада: когда тень достигала определенной специальной камнем метки, наступал первый день весны. Для верхнеинхелобцев и рачаболдинцев такой день наступал, когда солнце заходило за гору у с. Алак (нынешний Ботлихский р-он); для жителей с. Арчо день весеннего равноденствия наступал, когда солнце восходило из-за горы Гьерцоб куре. В этот же день, приблизительно в том же месте, появлялась какая-то яркая звезда. «Цивамиль гераа» – говорят поэтому в народе, «звезда дошла до солнца»; днем наступления весны в Нижнем Инхело считались вечерний заход солнца за скалу Анчлогай и утренний восход из-за нее. Интересно, что дом председателя сельсовета Магомед-Али Шамсудиновича Набиева расположен таким образом, что первый весенний луч солнца, появившийся из-за названной скалы, попадает прямо в одну из его комнат; день, когда солнце достигало местности «Цобар милъе баа» (букв. «Солнцу дойти до Цоба»), и здесь тень от большого холма доходила до поля Цоба, для анчихцев был первым днем весны.

Когда солнце в своем движении доходило до холма Бурти клал, что расположен на довольно значительном расстоянии от с. Карата, на юго-западе от него, по приметам каратинцев, наступала середина лета. Признаком наступления лета для жителей Верхнего Инхело было продвижение солнца от Алака до местности «Буртияль». Заход солнца за вершину «Бутиль кIкIале» означал для рачаболдинцев то же самое.

Для каратинцев, по их приметам, осень наступала, когда солнце садилось над лесом в местности Пингвари. Обратный ход солнца, т.е. от местности Буртияль до с. Алах, по приметам верхнеинхелобцев означал наступление осени. То же самое рачаболдинцы определяли по заходу солнца за гору Ичули беса.

Самый короткий день года наступал, по приметам каратинцев, когда солнце заходило за с. Тукита. Этот день считался днем начала

зимы. Если солнце заходит в местности «Ичули», где вершина горы имеет очертания седла, значит наступила зима – заметили верхнеинхелобцы – и т.д. Для маштадинцев своеобразным календарем служила большая скала, расположенная напротив селения. На ней была масса естественных «отметин»: выпуклостей, вмятин, разноцветных минеральных отложений и проч. В зависимости от того, как и когда освещались солнцем различные части этой скалы, а также по отметинам, куда доходила в различные времена года тень от нее, люди определяли начало, конец и смену различных сезонов года.

Многовековая практика и трудовой опыт позволяли каралалцам делать фенологические наблюдения для определения времени суток, прогнозирования состояния погоды, видов на урожай культур, на состояние домашних животных и др.

Например, из с. Нижнее Инхело видна часть ущелья у подножья с. Анчих. Место это нижнеинхелобцы называют «Мильгильгь рехан» – «Ворота солнца». Примечено было, что время освещенности этого места солнцем совпадает со временем совершения полуденного намаза.

Здесь же люди нашли и такую закономерность: конец сезона сбора фруктов совпадал с началом периода заморозков.

Если с утра небосвод окрашивался в ярко-красный цвет, заметили каралалцы, следовало ожидать дождя или снега, в зависимости от времени года. Если в часы заката небо становилось багровым, нужно было ожидать солнечных дней без осадков. Каралалцы неоднократно убеждались, что ветер с запада, со стороны р. Андийское Койсу, приносит с собой дожди и похолодание. Если же ветер был с юга или со стороны Ахвахской котловины, ожидалась ясная погода без осадков.

По наблюдениям жителей с. Арчо, отлет журавлей раньше положенных сроков предвещал холодную зиму. Если же, напротив, журавли вовремя не улетали, следовало ожидать мягкую, теплую осень и зиму.

В народе заметили, что хорошая погода, трескучий мороз в начале второго месяца зимы предвещает год, благоприятный для земледелия и скотоводства. По наблюдениям рацитлинцев, какая погода установится на начало шестой недели зимы, такая она будет до конца зимы – начала весны. Анчихцы заметили, какая погода будет на начало восьмой недели зимы, такая же продержится и весь последующий месяц. Если после шестой – начала седьмой недели зимы ветры преимущественно будут дуть со стороны Кахиба, были уверены в Нижнем Инхело, то весна будет благодатной для посевов. Подобных на-

¹ См.: Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала. 1987.

блюдений у каралалцев было множество, и все они говорили о земледельческом опыте народа.

С конца марта шел отчет сельскохозяйственного года каралалцев: начинался он с праздника первой борозды и празднования дня весны. В скором времени внимание и время людей были заняты важнейшей проблемой скотоводов – окотной кампанией. Неделю спустя, наступал период вывоза навоза на поля, а еще через 7-10 дней начинались пахота и сев. Следующий важный цикл сельскохозяйственных работ – прополка – начинался уже через две недели. Прополка длилась больше месяца и проводилась неоднократно, с перерывами в 8-10 дней. Первая прополка по времени совпадала с началом доения овец. Приблизительно в один и тот же период проводились жатва, сенокос, обмолачивание зерна, его помол. Сразу же после сенокоса наступала пора перегона стад с дальних альпийских пастбищ на сельские. Затем, через 7-10 дней, стада овец перегоняли на дальние зимние пастбища. Вот этим, основным и, кроме того, многим другим хозяйственным задачам служил народный сельскохозяйственный календарь.

Отсчет суток у каралалцев начинался с вечера. «Народы, которые в качестве основной меры времени использовали лунные месяцы..., считали за полный 24-х часовой день период времени от одного вечера до следующего вечера», – пишет Э. Бикерман¹. Сутки каралалцы делили на вечер «маркIаЧIолъи», ночь «рельада», полночь, рассвет «кванльер», утро «рагъада», день «зебу», полдень «лъайкIа». Счет ближайших дней вперед и назад был такой: сегодня «эльел», завтра «альльи», послезавтра «сай», после послезавтра «лади»; вчера «суни», позавчера «унсори», позапозавчера «унисоричхо сиги».

Сходные условия жизни привели к схожести народных календарей каралалцев с календарями других народов Дагестана².

Таким образом, сельскохозяйственный календарь каралалцев соответствовал традиционным формам хозяйства, уровню производительных сил общества. Имея отличительные, специфические черты, он в общем и целом был схож с народным календарем других народов Дагестана, исследованных и описанных С.Ш. Гаджиевой, З.О. Османовым, М.А. Агларовым, А.Г. А.Г. Булатовой, С.С. Агашириновой,

¹ Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 10 – 11.

² См.: Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала. 1989.

Г.А. Гаджиевым и др. Проблема посвящена специальная монография А.Г. Булатовой, которая вышла в свет в 1999 г.¹

Народные календарные, религиозные и увеселительные праздники, собрания и игры тоже в значительной степени характеризовали особенности традиционной духовной культуры каралалцев.

Праздничная культура народов Дагестана довольно подробно освещена в монографии А.Г. Булатовой², поэтому мы, остановимся только на отдельных моментах праздников и увеселений.

Как праздники отмечались каралалцами дни начала сельскохозяйственных работ: вызова навоза на поля, пахоты и сева, первой прополки, уборки урожая; праздничными считались день сенокоса, день стрижки овец, день доения овец, дни отгона овец на летние и зимние пастбища. В эти дни, как правило, в семьях готовилось блюдо из сваренных злаков «гъоди» и раздавалось по селению; приняты были в эти дни также раздачи лепешек «къечIу» и пирогов типа чуду с творогом, мясом, зеленью. Для домашнего потребления, вечерних семейных трапез в эти дни готовились каши – ячменная, пшеничная, кукурузная и др. Люди заходили друг к другу с поздравлениями, делали взаимно небольшие подарки, шутили, смеялись, пели и т.д.

Отмечался каралалцами пользовавшийся большой популярностью и праздник Первой борозды «Унса боххер». Он характерен для подавляющего большинства народов Дагестана и хорошо освещен в этнографической литературе. Останавливаться на нем подробно мы не будем, попытаемся ограничиться здесь несколькими штрихами, специфического, местного плана.

Мужчина, игравший роль пахаря, нес плуг на плече к месту прокладывания первой борозды, а идущие за ним люди пели:

«На плече молодца золотой плуг.

Поле, желая с ним (с плугом – авт.) соединиться,

Истомилось.

Пусть от борозды будет всем благодать,

Пусть радуются все, пусть все будет в зелени».

По вновь проложенной борозде участвующие в процессии мужчины старались пройтись разутыми: считалось, что это дает здоровье всему организму. Дети в эти праздничные дни обменивались друг с другом вареными куриными яйцами; считалось, что чем больше будет обменов яйцами, тем скорее сбудется заветное желание.

¹ Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999.

² Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – нач. XX в. Л., 1988.

В остальном праздник Первой борозды у каралалцев совпадал с такими же праздниками других народов Дагестана.

Весело и радостно проходил у каралалцев праздник начала весны. Он начинался в ночь на 21 марта, это была точка отсчета дней нового года.

В этот вечер никто спать не ложился. С наступлением сумерек и до утра по селению группами, с песнями, шутками, танцами ходила молодежь, стучала в ворота, в двери, окна, не давала людям заснуть. Чтобы шум у дома прекратился, хозяева выходили к веселящимся и одаривали их яйцами, мясом, напитками, чуду и др. Родители тоже не давали спать своим детям: «Не спи, – говорили они, – не то будешь целый год спать!» В новогоднюю ночь было принято подшучивать друг над другом, пугать, разыгрывать друг друга и т.д. Мальчики и подростки вооружались луками и стрелами, наконечники стрел обматывались тряпочкой, пропитанной нефтью, керосином, жиром, маслом. Поджигая наконечник, лучники запускали стрелы вверх, устраивая своеобразный фейерверк. В селениях, в нескольких местах, в каждом квартале, жгли костры, молодежь прыгала через них. Все это совершалось между взаимными посещениями и угощениями сельчан.

Празднование вечера начала весны характерно и для других народов Дагестана.

На 10-й день 12-го месяца – Курбан - каралалцы, как и другие мусульмане, проводили дни поминовения умерших. В каждой семье в память об умерших родственниках резали баранов, готовили обильное угощение для родственников и сельчан организовывали жертвенные раздачи мяса, устраивали общеджамаатские и семейные моления – мовлюды.

После 30-дневного поста в месяце Рамазан наступал праздник, широко известный как Ураза - байрам. В каждом доме накрывались столы с обильным угощением для проходящих с поздравлениями: в эти дни младшие по возрасту шли с поздравлениями к старшим родственникам, соседям, односельчанам. Обычно пришедший приносил для хозяина какой-либо подарок. Посидев и угостившись он уходил, получив ответный дар (носки, платки, гребни, кистеты, посуду и проч.). Дети толпами ходили по селению, один-два из них на компанию были в масках, с приклеенными бородами и усами, в шубах наизнанку. Подойдя к воротам, к дверям хозяина, они пели:

«Пусть примет (Бог) пост,

А мы примем ваш хлеб!

Пусть всем будет благополучие,

А нам будут круглые и вкусные!»¹

Пусть все вы будете преисполнены радостью,

Пусть будут наполнены наши сумки!»

(На каратинском языке)

Генетически подобного рода образцы народного творчества берут свое начало, вероятно, от религиозных заклинаний типа славянских «веснянок»².

Как праздничный день отмечали каралалцы и день рождения пророка Мухаммеда, приходящийся на 12-й день месяца зулгуджа. В этот день, прослушав проповедь в мечети, люди расходились по домам. Многие дома устраивали моления по поводу торжественной даты. Каждый хозяин готовил хороший стол, люди посещали друг друга, угощались, делали небольшие взаимные подарки.

Как и других обществах Дагестана, в осенне-зимний период юноши и девушки отдельно друг от друга устраивали увеселительные собрания³.

В одном из домов селения собирались юноши и молодые женатые мужчины. Выбирался старший – «шах». В складчину покупали баранов, хлеб, сыр, хмельное. Собравшиеся веселились, ели, пили, пели, и т.д. Собрания продолжались от 3-5 (Арчо, Анчих), 7-8 (Карата, Рацитль) дней до 20-30 (Маштада, Верхнее Инхело). Без разрешения «шаха» отлучаться никто не имел права. Если «шах» кого-то и отпускал домой на время, тот, вернувшись, приносил какое-нибудь угощение: колбасу, курдюк, мясо и др. На этих собраниях мужчины проводили спортивные состязания в борьбе, метании камня с места, в беге и др.⁴

За рукодельем, очисткой шерсти, зерна и др. вечерами в доме у кого-либо собирались девушки и женщины. Здесь они могли поделиться новостями, обменяться мнениями, в перерывах между работой собравшиеся танцевали; женщины пели, острили, шутили, одним словом, отдыхали.

¹ Здесь: яйца и орехи.

² См.: Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941. С. 149

³ См.: Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007. С. 252 – 255.

⁴ См.: Дибиров М.А. Дагестанская народная физическая культура: Опыт историко-этнографического исследования. Махачкала, 1975; Мусаев М.Г. Традиционная физическая культура и спорт в жизни народов Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008.

Подобные собрания характерны и для других народов Дагестана¹, причем первые из них, мужские, носили явные отголоски былых мужских собраний, характерных для общественного быта народа на более ранних этапах развития².

Таким образом, нельзя не заметить, что ритуализированный досуг каралалцев отражал хозяйственно-бытовые условия народа, соответствовал им и ими же определялся. Здесь можно увидеть представления мировоззренческого, этического, эстетического порядка, складывавшихся на протяжении веков.

Традиционные нормы межличностного и группового общения – одна из важных характеристик духовной культуры каралалцев. XIX – нач. XX в. для них – это период дальнейшего развития процесса становления и развития феодальных отношений, период складывания в недрах полунатуральных форм хозяйства отдельных элементов капиталистических отношений. Этические нормы формировались в общинно-родовой среде и на более ранних этапах общественного развития, отсюда они, развиваясь и видоизменяясь, дошли и до новейшего времени. Последнее обстоятельство нельзя не учитывать, когда речь идет об определении особенностей и характера традиционно сложившихся норм общения.

Важное место среди них занимали этикетные нормы – «система характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализованного общения в типических, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия»³.

Во многом формирование обычаев и правил обхождения, норм общения каралалцев определялось сознанием принадлежности к свободному народу, независимому от другого общества или феодальной власти. Отсюда вытекало чувство собственного достоинства, накладывавшего неизгладимый отпечаток на повседневное поведение члена социального коллектива. В повседневном быту, в межличностном или при групповом общении, поведение каралалца определялось

именно этим сознанием, открытым, гораздо чаще внутренним противопоставлением действий и поступков «свободного» и «несвободного» по своему происхождению. Незрелость феодальных отношений, как уже отмечалось, привела к укоренению в общественном и семейном быту каралалцев патриархальных взглядов и норм. Последние также откладывали осязаемый отпечаток на поведенческие характеристики каралалцев. Господствующие формы социально-экономических отношений породили соответствующие им особенности семейных отношений, что не могло не повлиять на сложение норм традиционного общения. Все это в совокупности способствовало формированию неписаного свода и отдельных положений морально-этических, поведенческих, этикетных норм каралалцев, соблюдение которых считалось делом чести¹.

Одна из основополагающих, отправных точек отсчета критериев этического порядка каралалцев, как и других народов Дагестана, Кавказа – это почитание старших. Доставшись в наследство от родовых отношений, оно обеспечивало налаженность взаимоотношений в обществе и гарантировало производственно-бытовую дисциплину.

Авторитет старшего в семье был непререкаем. Для домочадцев слово, желание, решение старшего в доме мужчины, особенно старика, было последней инстанцией, законом. В доме всегда было место старшего, на которое никто не мог садиться. При его появлении в комнате мужчины вставали, женщины и дети выходили. Считалось неприличным громко разговаривать, смеяться в присутствии главы семьи. Непосредственно к старшему все в доме обращались только в случае крайней необходимости. Обычно первым заговаривал старший, младший был обязан отвечать коротко, по возможности лишь утвердительно или отрицательно. Подобные взаимоотношения в семье предусматривались не только между главой семьи (отцом, дедом) и остальными, но и в отношениях младших братьев со старшим братом.

Почитание, уважение оказывалось и старшему родственнику вообще, особенно родственнику по отцовской линии. А.Н. Ладзыженский отмечал для дагестанцев: «Основными положениями внутрисемейных взаимоотношений являются: беспрекословное подчинение младших старшим, почитание стариков...»² Старик, старший, мог вмешаться в хозяйственно-бытовые проблемы родственной семьи, прочитать нравоучение, отчитать младшего, независимо от пола и

¹ См.: Попов Н. Кавказские спартанцы: Игры народов Дагестана // Вестник знания. № 2. М., 1926; Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.: Л., 1949. С. 143-173; Егорова В.П. Некоторые формы досуга сельского населения Дагестана // ВИЭД. Вып. 3. Махачкала, 1972; Лугуев С.А. Реликты мужских союзов у лакцев // Всесоюз. конф. по итогам полевых работ 1980-1981 гг. Нальчик, 1982; Исламмагомедов А.И. Общественные праздники народов Дагестана (аварцы, даргинцы) в XIX-XX в. // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнографических исследований. Черновцы, 1984; Булатова А.Г. Указ. соч. С. 113 – 134 и др.

² См.: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 2001.

³ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10.

¹ См.: Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX – начало XX века. Махачкала, 2006.

² Ладзыженский А.М. Очерки социальной эволюции. Ростов, 1926. С. 164.

возраста. Во всех случаях его слова принимались во внимание, его слушали стоя, не возражая.

Почетом и уважением пользовался не только родственник, но и любой пожилой житель селения или другого общества. Младший должен был стоя приветствовать старшего, уступать ему место. Если встреча происходила вне дома, младший, при виде приближающегося старшего, вставал с места, делал навстречу ему несколько шагов, подавал ему для приветствия руку и усаживал. Младший по возрасту в присутствии старшего не мог себе позволить нескромной шутки, двусмысленности, скабрзности. Если старик, старший, в чем-либо ошибался, заблуждался, неверно понимал или трактовал что-то, младший не мог позволить себе публично поправить его. Любому из окружающих его молодых людей старик мог поручить выполнение какой-либо услуги: кого-то позвать, за кем-то пойти, что-то принести и др. Обычно, молодой человек воспринимал поручение старшего как знак особого доверия и с удовольствием, со старательностью выполнял его.

Уважение к старшим проявлялось и в том, что во всех важнейших хозяйственных и бытовых ситуациях требовалось вмешательство стариков, требовались их знания и опыт жизни. Фактически старики решали вопросы аренды общественных пастбищ и сенокосов, строительства или ремонта общественных сооружений, приема новых членов в общину, примирения кровников и т.д.

Немалую роль играли в обществе и пожилые женщины. Отношение к ним было бережным и подчеркнуто уважительным, и не только со стороны младших, но и со стороны стариков-ровесников.

В юноше, девушке общество с детских лет воспитывало вежливость «хйеренльер», обходительность, корректность «тарбия идалъер».

Каралалец никогда не проходил молча мимо другого человека или группы людей. По обычаю, встречаясь в пути, мужчина приветствовал путника восклицанием «ассалам-алеikum» – «мир тебе». Младший при встрече первым приветствовал старшего, но руку для приветствия подавал ему лишь в том случае, если старший оставался. Чтобы придать приветствию сердечность и теплоту, к приветствию добавлялись различные обращения: «старший», «отец», «дядя» по отношению к старшему; «брат», «двоюродный брат», «друг» по отношению к ровеснику; «сын», «племянник» – по отношению к младшему. Уважительной формой обращения женщины к мужчине были те же слова. Мужчина обращался к старшей женщине со словами «бабушка» (собственно – «мать отца», «мать матери»), «мать», «тетя»; к женщине-ровеснице со словами «сестра», «двою-

родная сестра»; к младшей по возрасту «девушка», «дочь», «племянница». Эти слова считались уместными не только при обращении с приветом, но и при вежливом разговоре вообще.

Женщина первой приветствовала мужчину. Пожилых, старых женщин любой, в том числе и пожилой мужчина, приветствовал первым.

При обмене приветствиями между мужчиной и женщиной, та и другая сторона находила вежливые слова, соответствующие обстоятельствам, например: «Добрый путь», «Вышел?», «Вышла?», «Как дела?» – и т.д. В ответ звучало: «И тебе добрый путь! Как здоровье?», «Да, вышел подышать! Как домашние?», «Все хорошо, слава Богу! А как у вас?» – и т.д., и т.п. Кстати, слова «добрый путь», «доброй дороги», произнесенные с вопросительной интонацией, означали «куда идешь?», «куда направился. направилась?» Ставить вопросы в такой прямой форме считалось неприличным.

Путник-одиночка первым приветствовал группу, идущий в селение ждал приветствия от идущего из него, спускающийся под уклон первым приветствовал поднимающегося, конный – пешего. Всадник, встретив старшего, должен был предложить ему коня.

Поведение мужчины в общественном месте должно было быть пронизанным достоинством, а также стремлением подчеркнуть доброжелательность «гаданльер» и сердечность «ракъва бацальер» по отношению к окружающим. Это достигалось и особой, сдержанной манерой держаться, и специальным набором вежливых, тактичных выражений, обращении типа «спасибо», «да пребудешь в благополучии», «если это возможно», «приходится вас побеспокоить», «извините» и др.

В межличностном или общем разговоре речь говорящего должна была быть неторопливой, спокойной. Доброе слово, хорошее пожелание высоко ценилось в народе. В идеале хорошее слово не должно было расходиться с делом, оно должно было соответствовать поступкам.

Важнейшим мужским качеством считалась сдержанность «сабру идав». Мужчина в присутствии посторонних старался ничем не выдавать чувство голода, холода, жажды, жары и проч. Любое проявление бесхарактерности, слабости считалось для него унижительным. Многие положения семейных запретов и избеганий вырости, вероятно, именно из требования сдержанности.

Этические нормы предусматривали, регламентировали поведение каралалца в гостях, также, как и поведение каралалца по отношению к гостю.

Без особой надобности горец старался не беспокоить людей своим посещением. Будучи гостем, прилагал усилия причинить хозяину минимум хлопот. За столом гость ел и пил мало, уверяя хозяев, что он хорошо угощается, что все великолепно приготовлено. Напротив, хозяин, встречающий гостя, пытался создать ему максимум удобств, предусмотреть малейшие его потребности.

Есть за столом нужно было (дома и в гостях) не торопясь, тщательно пережевывая пищу. Считалось крайне неприличным говорить с кем-либо с набитым ртом, откусывать от пищи большие куски, наполнять ложку до краев. Правила хорошего тона предписывали прекращение приема пищи в момент произнесения кем-либо тоста. Разговаривать, пить, есть, когда старшие ведут застольную беседу, считалось непристойным. Разговор за столом мог быть только общий – один говорил, остальные слушали, или двое дискутировали, а остальные подавали реплики. Говорить с соседом по столу, не слушая остальных, никто себе не позволял. Если старший мужчина или гость произносил тост в честь кого-либо из присутствующих, последний выслушивал говорящего стоя, даже если ему неоднократно предлагали сесть. Когда за одним столом оказывались вместе отец и сыновья, старший и младший брат, дядя и племянник и др., младшие из уважения к старшим могли только пригубить бокал хмельного; курение в присутствии старшего по возрасту категорически запрещалось.

Веками складывавшиеся представления о хорошем и плохом, допустимом и запретном, обязательном и желательном держали каралалцев в рамках горского этикета.

Таким образом, каралалцы в жестких условиях борьбы за существование создали свою, народную, традиционную духовную культуру. Много в ней схожего с элементами духовной культуры других народов Дагестана, немало в этой области прямых аналогий и совпадений. Тем не менее, как самостоятельный этнос, социально-культурная общность, каралалцы на протяжении веков усилиями множества поколений создали самобытные черты в культурно-бытовой сфере. На общем фоне схожего и идентичного, у народа много специфического, местного и в области устного народного творчества, в рудиментах стародавних религиозных представлений, в методах народной диагностики и извлечения заболеваний, в организации и формах группового или индивидуального досуга, в сфере норм межличностного, группового общения и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные в шести главах сведения об истории и этнографии каралалцев в XIX - начале XX в. дают нам лишь общую характеристику жизни и быта народа, раскрывают общие процессы в экономике и культуре, позволяют заглянуть в самые общие закономерности становления и развития духовной культуры. Повседневный быт, специфика внутри и междуджамаатских, внутри и межсоюзных отношений, особенности проявления творческих сил народа и многие другие стороны действительности у каралалцев были гораздо сложнее, содержательнее и глубже.

В социальном плане каралалец представлял собой тип лично независимого мелкого собственника, крестьянина. Это положение – отправной пункт для понимания сущности организации внутрисемейных отношений, тухумной организации, функционирования общины, организации союза общин.

Поземельные отношения у каралалцев соответствовали особенностям социальной структуры общества. Пашни и сенокосы находились в собственности семей, семьям же принадлежали сады и отдельные участки леса. Пастбища, пустоши, небольшая часть сенокосов и большая часть лесных массивов находились в общинной собственности. Этим соотношением тоже определялись черты функционирования джамаата как социально-экономического образования.

Материальная культура каралалцев в основных своих составных элементах была схожа с материальной культурой других народов аварской группы, народов Дагестана вообще. То же можно сказать и о семейном и общественном быте каралалцев, духовной культуре. Такое положение вещей вполне закономерно, что неоднократно отмечалось и аргументировалось исследователями: здесь сыграли свою роль такие факторы, как общность или схожесть природно-географических условий, исторических этапов развития, генетическая общность или близость. Тем не менее, у каждого самостоятельного этнического образования в ходе исторического развития быта, экономики и культуры складываются свои, местные, узколокальные, специфические черты и элементы, характерные только для данного этноса или, по крайней мере, охватывающие ограниченное географическое пространство. Такими чертами в области материальной культуры для каралалцев были: увязка выбора места для поселения с тем или иным домашним животным; здесь практиковались неизвестные в других частях Дагестана укрепления; по сравнению с другими народами Нагорного Дагестана каралалцы активно применяли в строительстве саман; только

здесь, насколько нам известно, строились искусственные ледники для хранения продуктов и др. В области семейного быта и семейной обрядности мы отметили следующее: у каралалцев, больше, чем у соседних народов, сохранились формы семьи, структурно напоминающие большесемейные организации; отдельные обычаи, унаследованные от эпохи материнского права, пережиточно функционировали в каралалской среде в форме ритуализованных действий; своеобразна в штрихах символика согласия при сватовстве; оригинален обряд приглашения в комнату невесты родственников жениха и т.д. В области общественного быта: наличие узколокальных незафиксированных адатов в отдельных каралалских джамаатах; своеобразие обычая особо отмечать достижение юношей статуса гражданства; специфичность «клятвы на кладбище» и др. Что же касается области духовной культуры, то здесь особого, отдельного, специфичного не больше, чем общего, но и не меньше.

Социальные отношения каралалцев определяются как развивающиеся феодальные. Своеобразие исторического процесса для каралалцев, как и для других союзов джамаатов, заключалось в том, что класса феодалов и класса феодально зависимых, как таковых, здесь не было. Феодальные отношения сказывались, вырисовывались из экономических взаимоотношений между джамаатами, между союзами. Феодализовалась управленческая верхушка, получившая возможность обогащения. Этот же процесс происходил и среди наиболее зажиточного слоя местного населения. В повседневном быту, наряду с этим, видное место занимали патриархальные взгляды, установления, обычаи. Вся частная, семейная и общественная жизнь члена джамаата находилась под прямым воздействием причудливого переплетения первого со вторым, феодальных отношений и пережитков патриархальных порядков.

Хозяйственно-экономические и административно-судебные реформы 60-х годов XIX в. изменили быт и отношения в каралалской среде. Незаметно, исподволь в экономике стали появляться элементы капиталистического хозяйства, все больше и больше ориентирующегося на рынок. Оставаясь внешне традиционным, существенно изменились сельское управление, джамаатское судопроизводство. Под контроль административных властей было поставлено функционирование стародавних обычаев, институтов и проч. Несмотря на это, местное, рациональное, апробированное поколениями пробивало себе дорогу, проявив стойкость и живучесть.

В тяжелой борьбе за существование, в обстановке скудности производительных сил, постоянной борьбы против угрозы порабо-

щения, в условиях физического и морального напряжения народ создал, сохранил и отшлифовал свою самобытную производственную, бытовую и художественную культуру, лучшими образами которой по праву гордятся наследники этой культуры – народ кIкаралал.

Одним из проявлений такой жизнестойкости по праву можно считать наличие целой плеяды видных людей, местных знаменитостей, прославивших свой малочисленный народ на весь Дагестан. Многие из этих людей хорошо известны на Кавказе, в России, в Европе, в мире.

Вобрав в себя лучшие черты предков, сыновья и дочери узденских семей стали известными учеными, общественными и государственными деятелями, певцами, блистательными спортсменами и т.д. Таких людей здесь можно насчитать не один десяток, это гордость и слава каралалцев сегодня, это гарантия их достойного завтрашнего и более отдаленного будущего.

Список использованных источников и литературы

I. ЦГИА Республики Грузия

- Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 2. Оп. 1. Д. 746.
- Ф. 2. Оп. 1. Д. 903.
- Ф. 2. Оп. 1. Д. 1311.
- Ф. 16. Оп. 1. Д. 406.
- Ф. 545. Оп. 1. Д. 317.

II. ЦГА Республики Дагестан

- Ф. 2. Оп. 1. Д. 27.
- Ф. 2. Оп. 21. Д. 3.
- Ф. 2. Оп. 5. Д. 10.
- Ф. 2. Оп. 5. Д. 115.
- Ф. 4. Оп. 2. Д. 5.
- Ф. 4. Оп. 5. Д. 11.
- Ф. 21. Оп. 5. Д. 11.
- Ф. 90. Оп. 1. Д. 7.
- Ф. 126. Оп. 1. Д. 49.
- Ф. 126. Оп. 2. Д. 7.
- Ф. 126. Оп. 2. Д. 16.
- Ф. 126. Оп. 2. Д. 15.
- Ф. 171. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 175. Оп. 1. Д. 18.

III. Материалы Рукописного фонда Института ИАЭ

- Адаты аварцев. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.
- Андийский округ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 301.
- Атаев Д.М. Отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6.
- Гаджиев Г.А. Чамалалы. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Ф. 3. Оп. 3. Д. 693.
- Гаджиев Г.А. Багулалы в XIX – начало XX века. (Историко-этнографическое исследование). Ф. 3. Оп. 3. Д. 188.
- Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22.
- Магомедханов М.М. Тиндинцы: Краткий этнографический очерк. Ф. 3. Оп. 3. Д. 855.
- Маллачиханов Б.К. К истории Дагестана. Д. 1167.
- Материалы по истории Дагестана XVIII -XIX вв. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

Материалы по истории Дагестана XIX века. Ф. 6. Оп. 1. Д. 51.

Минорский В.Ф. Очерки по истории Кавказа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321.

Омаров А.С. Общественный быт Нагорного Дагестана по материалам обычного права (до присоединения Дагестана к России). Ф. 3. Оп. 3. Д. 84.

Пикуль М.И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7.

Пикуль М.И. Результаты археологических исследований второго горного отряда Дагестанской археологической экспедиции. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11.

Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. Ф. 5. Оп. 5. Д. 65.

Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // Шиллинг Е., Панек Л.В. Сборник очерков по этнографии Дагестана. 1940 – 1947 г.г. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.

Юшков С.В. Рукопись по истории Дагестана. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42.

IV. Опубликованные документы и материалы

Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / под ред. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Пер. с араб. М.- С. Саидова. Махачкала, 1997.

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

Адаты Каратинского наибства // Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. М., 1965. С. 143 – 151.

Анреп И.Р. Сведения о населении Джаро-Белоканской области и обществ Анцухского и Капучинского. 1839/41 г. // ИГЭД. С. 369 – 370.

Ахвердов А.И. Два рапорта о дагестанских делах. 1802 г. // ИГЭД. С. 230 – 233.

Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213 – 229.

Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. 1578 – 1613. М., 1889. Т. 1.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1.

Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812г. // ИГЭД. С. 239 – 246.

Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835/36г. // ИГЭД. С. 337 – 352.

Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические очерки. Махачкала, 1992.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 // ИГЭД. С. 60 – 120.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII веков / Сост. Гаджиев В.Г. Махачкала, 1992.

Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сб. док. / Сост. Гаджиев В.Г. и Рамазанов Х.Х. Махачкала, 1959.

Донесение Головина с кратким обозрением военных действий на Кавказе в продолжении 1838 и 1839 гг. // КС. Вып. 32. С. 369 – 370.

Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 121 – 124.

Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России: Описание Осетии, Дурдзукии, Дилоэтии, Тушетии, Алании и Дишкетии // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 5 – 26.

Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М., 1958.

Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 31.

Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 306 – 312.

Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 234 – 236.

Латышев В.В. Известия древних писателей (греческих и латинских) о скифах и Кавказе. СПб., 1890. Т. 2. С. 174 – 192.

Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 6 – 59.

Материалы по истории Дагестана и Чечни / под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Ч. 3.

Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля: Сб. документов / Сост. Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Рамазанов Х.Х. М., 2005.

Неизвестный автор. Описание Дагестана. Конец 20-х – начало 30-х годов // ИГЭД. С.279 – 280.

Неизвестный автор. Записка о сношениях с аварскими ханами с 1800 по 1838 год. 1838 г. // ИГЭД. С. 353 – 361.

Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 319 – 328.

Обзор Дагестанской области за 1891 год. Темир-Хан-Шура, 1892.

Обзор Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893.

Обзор Дагестанской области за 1893 год. Темир-Хан-Шура, 1894.

Обзор Дагестанской области за 1894 год. Темир-Хан-Шура, 1895.

Обзор Дагестанской области за 1895 год. Темир-Хан-Шура, 1896.

Обзор Дагестанской области за 1897 год. Темир-Хан-Шура, 1898.

Обзор Дагестанской области за 1900 год. Темир-Хан-Шура, 1901.

Обзор Дагестанской области за 1910 год. Темир-Хан-Шура, 1911.

Обзор Дагестанской области за 1911 год. Темир-Хан-Шура, 1912.

Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915.

Отношение гр. Паскевича к гр. Несельроде, 13 сентября 1828 г. // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 507 – 511.

Отношение гр. Канкрин к барону Розену, от 29 августа 1933 г. // АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. С. 135.

Обозрение российских владельцев за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. Легнобытова В.С. СПб., 1838.

Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв.: Архивные материалы / Сост. Хашаев Х.-М.О. М., 1965.

Рапорт подполковника Меддокса гр. Паскевичу, 18 февраля 1831 г. // АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 517 – 518.

Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 281 – 292.

Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С.247 – 251.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / Сост. Маршаев Р.Г. Махачкала, 1958.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док. / Сост. Гаджиев В.Г., Габиев Д.-М.С., Магомедов Н.А. М., 1988.

Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 173 – 196.

Скалон Ф.П. Сведения об аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 276 – 278.

Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125 – 137.

Тормасов А.П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237 – 238.

Условия, предписываемые покоряющимся горцам, составленные ген.-адъют. Граббе // ДГСВК. С. 263 – 264.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX века: Архивные материалы / Сост. Хашаев Х.-М.О. М., 1969.

Хоренский Моисей. История Армении. М., 1958.

Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 265 – 275.

Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891.

Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 293 – 299.

V. Монографии и статьи

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982.

Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1980. С. 94 – 113.

Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993.

Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX – начало XX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966.

Абдуллаев М.А. Из истории научной и педагогической мысли до-советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988.

Абдурахманов А.М. Жанр басни в прозаическом фольклоре народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1979. С. 264 – 270.

Абдушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси: Изд. АН Груз. ССР. 1964.

Абдушелишвили М.Г. Об антропологии современного населения Армении // Антропологический сборник. М., 1969. Вып. 4. С. 5 – 15.

Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // Журнал Министерства госимущества. СПб., 1857. Т. 64. № 8. С. 25 – 30.

Абельдяев Н. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев // К. 1857. № 50 – 51.

Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество: Этнографические материалы и исследования. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 42 – 71.

Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван: Просвещение, 1983.

Авакян Л.Х. Народная одежда армян Арцаха в XIX – начале XX века // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1971. С. 261 – 222.

Агаширинова С.С. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX – начале XX в./ УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Вып. 4. С. 233 – 264.

Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX века. М.: Наука, 1978.

Агаширинова С.С. Одежда // Материальная культура аварцев. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1967. С. 230 – 282.

Агаширинова С.С., Сергеева Г.А. Типология головных уборов аварок Дагестана конца XIX – начала XX века // Итоги полевых исследований Института этнографии в 1970 г. М., 1971.

Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Вып. 13. С. 177 – 193.

Агларов М.А. Очерки этнографии земледелия Южного Дагестана // ДЭС. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1974. Вып. 1. С. 204 – 228.

Агларов М.А. Из истории земельных и общественных отношений в Аварии. (Период складывающихся феодальных отношений) // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1980. С. 54 – 55.

Агларов М.А. Территория сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XV – XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1981. С. 83 – 99.

Агларов М.А. Этнические процессы в политструктурной (раздробленной) политической системе Дагестана (до нач. XIX в.) // Мат. научн. сессии Дагестанского ФАН СССР (22 – 24 апреля 1985 г.) / Общественные науки. Махачкала, 1985. С. 7.

Агларов М.А. Власть и самоуправление в сельской общине Дагестана в XV – нач. XIX в. // Мат. научн. сессии по итогам полевых исследований в Дагестане в 1984 – 1985 гг. (28 – 29 апреля 1986 г.). Махачкала, 1986. С. 18 – 19.

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса. М.: Наука, 1988.

Агларов М.А. Современные параллели с древним этночленением в Дагестане // Алародии (этнографические исследования). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1995. С. 117 – 124.

Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2002.

Агларов М.А. Айтберов Т.М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турулавом б. Алиханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVII в. // Общественный

строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1980. С. 121 – 133.

Аджиев А.М. Многообразие и единство в фольклоре народов Северного Кавказа // Семейнообрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1985. С. 5 – 11.

Агулы: Сб. статей по истории, хозяйству и материальной культуре. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1975.

А.Д.Г. Обзор последних событий в Дагестане // ВС. СПб., 1859. Вып. 9. С. 475 – 518.

Аедоницкий В.А. Из поездки в Дагестан летом 1914 г. // Естественное и география. 1916. № 8 – 10.

А.З. Десять лет на Кавказе // Современник. 1854. Вып. 47. С. 22

Азизов С.А. Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX – нач. XX века // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1988. С. 23 – 31.

Азизов С.А. Южнодагестанская патронимия (тухум) второй половины XIX – начала XX века. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1988. С. 23 – 31.

Айтберов Т.М. Запись о разделе земель между повелителями Хунзаха и Казимуха (XV – XVII вв.) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1981. С. 131 – 133.

Айтберов Т.М. Институт главного наследственного кадия (первоначального имама) в политической системе Андалала конца XVI – первой половины XVIII века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 5 – 15.

Алаев Л. Б. Проблемы сельской общины в классовых обществах // ВИ. М., 1977. № 2. С. 98 – 110.

Александров А., Лобанов С. Заметки из путешествия по Дагестану // ЭО. 1910. № 1 – 2.

Александров В.А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.). М.: Наука, 1976.

Алексеев В.П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Вып. 13. С. 160 – 171.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Кронеологическое исследование. М.: Наука, 1974.

Алиев А.И. Брак и свадебные обряды даргинцев // СЭ. 1953. № 4.

Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII – XIX вв.: Очерк социально-политической истории. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1972.

Алиев Б.Г. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 158 – 197.

Алиев Б.Г. Предания и легенды народов Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1981. С. 146 – 166.

Алиев Б.Г. Дифференциация узденства и наём сельскохозяйственных работников в Нагорном Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1984. С. 76 – 88.

Алиев Б.Г. Источники по истории союзов сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1987. С. 35 – 52.

Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988.

Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX века: Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1999.

Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2006.

Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX века). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2007.

Алиев Б.Г., Ахмедов Ш.М., Умаханов М.-С.К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1970.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Неравенство тухумов как показатель разложения сельских общин Нагорного Дагестана. (XVIII – XIX вв.) // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1987. С. 22 – 34.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1999. Кн. 1.

Алиев И. История Мидии. Баку, 1960.

Алиев К. Кавказская Албания. I в. до н.э. – I в. н.э. Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1974.

Али-Заде А. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане // Тр. ИИФ. Баку, 1953. Т. 3. С. 114 – 123.

Алимова Б.М. Брак и свадебные обряды в прошлом и настоящем. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1989.

Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1997.

- Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1993.
- Алкадари Г.Э. Асари Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Изд. Даг. НИИ, 1929.
- Амиров Г.М. Среди горцев Северного Дагестана: Из дневника гимназиста // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1 – 77.
- Амирханов Х.А. Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М.: Наука, 1987.
- Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1959.
- Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1975.
- Анисимов С. Кавказский край: Путеводитель. М.; Л., 1912.
- Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982.
- Антонова Е.Н. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984.
- Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИИРГО. СПб., 1884. Т. 20. Вып. 4. С. 357 – 449.
- Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959.
- Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе Кавказского горского феодализма // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1973. Т. 18. С. 11 – 126.
- Арутюнов С.А. Этническая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.
- Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2.
- Асиятилов С.Х. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16. С. 325 – 344.
- Асиятилов С.Х. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев XIX – начала XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 14. С. 345 – 367.
- Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX века). Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1967.
- Атаев Д.М. Археологическое исследование в Дидо // СА. 1961. № 1. С. 2 и 2 – 265.
- Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1963.
- Атаев Д., Гаджиев К. Путеводитель по Дагестану. Махачкала, 1969.
- Ахмедов Ш.М. Сельская община в раннесредневековом Дагестане // ВИД. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 59 – 81.
- Бабаев Н.А. Города Кавказской Албании в VI в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1990.
- Бакиханов А.-К. Гюлистан – Ирам. Баку: Изд. Общества обслед. и изуч. Азербайджана, 1928.
- Бакланов Н.Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935.
- Баратов С. Описание нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 г. Тифлис, 1876. Т. 1.
- Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1878.
- Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская типография, 1850. Ч. 1.
- Берже А. Прикаспийский край // КК на 1857г. Тифлис, 1856. С. 275 – 339.
- Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 267 – 312.
- Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 249 – 288.
- Берже А. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879.
- Берже А. Горные племена Кавказа. Кавказ // Живописная Россия. СПб.; М., 1883. Вып. 9. С. 69 – 92.
- Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М.: Наука, 1975.
- Блиев М.М. Кавказская война: Социальные истоки и сущность // История СССР. М., 1983. № 2. С. 54 – 75.
- Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа // История СССР. М., 1989. № 4.
- Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа: На пути цивилизации. М.: Наука, 2004.
- Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
- Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. Пг., 1916. Т. 1.
- Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала: Изд. Даг. Базы. АН СССР, 1949.
- Бокарев Е.А. Введение в древнейшее историческое изучение дагестанских языков. Махачкала: Изд. Даггосуниверситета, 1961.
- Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. М.: Наука, 1961.

Бромлей Ю.В. Энгельс Ф. и проблемы архаической формы семейной общины // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. (Очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.

Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографического исследования // СЭ. 1976. № 5. С. 3 – 12.

Бромлей Ю.В., Кошуба М.А. Семья и брак у народов Югославии. М.: Наука, 1982.

Бруневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селиванского, 1823. Ч. 2.

Брюханов П.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сб. трудов Пятигорского госпединститута. Ставрополь: Крайкнигоиздат, 1947. Вып. 1. С. 157 – 168.

Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990.

Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX – XX вв. Махачкала: Изд. Даггосуниверситета, 1996.

Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII – XIX веках. (Аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала: Изд. ИИАЭ и Даггосуниверситета, 1999.

Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Очерки истории духовной культуры горцев Центрального и Западного Дагестана в XVIII – XIX веках. Махачкала: Изд. ИИАЭ и Даггосуниверситета, 2004.

Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки. XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1971.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Восточная литература, 1988.

Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999.

Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: Эпоха, 2000.

Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. Пушкино, 2001.

Бушуев С.К. О кавказском мюридизме // ВИ. М., 1956. Вып. 12. С. 72 – 79.

Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. М., 1936. № 2. С. 74 – 83.

Вавилов Н.И. Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития // Изв. АН СССР. Сер. биологич. М., 1957. № 5. С. 590 – 600.

Вавилов Н.И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших культур. М.; Л., 1957.

Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Изв. АН СССР. М., 1957. № 5. С. 506 – 516.

Вавилов Н.И., Букенич Г.Д. Земледельческий Афганистан // Избр. труды акад. Н.И. Вавилова. М.; Л., 1959. С. 107 – 139.

Васильев А.Т. Тавлинцы // Новое обозрение. 1889. № 1919.

Васильев А.Т. Кази-кумухцы // ЭО. 1899. № 3. С. 61 – 98.

Вахушти Б. География Грузии. Тифлис, 1909.

Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Изд. Главного начальствующего гражд. частью на Кавказе, 1888.

Вейденбаум Е. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис: Изд. Центр. книж. торговли, 1901.

Венедиктов М. Взгляд на кавказских горцев // Сын отечества. СПб., 1837. Ч. 18. С. 21 – 59.

Винников И.Н. К вопросу о возникновении института «избеганий» (avoidance) // Сб. этнографических материалов. Л., 1927. С. 30 – 41.

Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ. М., 1981. № 1. С. 35 – 50.

Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу / 2-е изд., дополненное и исправленное. В 2-х частях. М.: Изд. И. Родзевича, 1885. Ч. 1.

Возникновение и развитие земледелия. М.: Наука, 1967.

Волкова Н.Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа. XIX – XX вв. М.: Гл. ред. восточн. литературы, 1971. С. 97 – 115.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1974.

Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Дагестан: Исторический и современный аспекты этнокультурных процессов // Дагестан: Этнополитический портрет. Очерки, документы, хроники. М., 1995. Т. 3. С. 20 – 42.

Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1849 год // КС. Тифлис, 1884. Вып. 8. С. 241 – 305.

Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис, 1896. Вып. 18. С. 1 – 224.

- Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1 – 40.
- Вучетич Н. Четыре месяца в Дагестане // К. 1864. № 76.
- Гаджиев А.Г. Древнее население Дагестана. М.: Наука, 1975.
- Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.
- Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
- Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала, 1981. С. 3 – 25.
- Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Торгово-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 115 – 132.
- Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука, 1991.
- Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: Могильник Гинчи. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1969.
- Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991.
- Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1967.
- Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX века. М.: Наука, 1981.
- Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985.
- Гаджиев С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989.
- Гаджиева С.Ш. Народы Дагестана // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990.
- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Папаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1967.
- Гамзатова А.Ш. Гостеприимство и куначество у народов Центрального и Западного Дагестана. XIX – нач. XX в. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2008.
- Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношения Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Авторефер. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1972.
- Ганн К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. С. 49 – 96.
- Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.), М.: Наука, 1987.
- Гасанов М.М. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971.
- Гасанов М.Р. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999.
- Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Соч. и перев. к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-сентябрь. Т. 17. № 7. С. 3 – 48.
- Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // ЭО. 1901. № 1. С. 1 – 34.
- Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан: Из путевых заметок, ведённых на Кавказе в 1860 году // ВС. 1862. № 2. С. 387 – 422.
- Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трёх царств в природе естеств. СПб.: Иждивением Императорской АН, 1785. Ч. 3.
- Губаханова Р.А. Государственные учреждения в пореформенный период // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1989.
- Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб.: Изд. Импер. АН, 1809.
- Давудов О.М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1974.
- Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Махачкала: Изд. Ихлас, 2006.
- Далгат А. В огне революции. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960.
- Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М.: Университетская типография, 1846.
- Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1857.
- Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1970.
- Дебсс Г.Ф. Антропологические исследования в Дагестане // Антропологический сборник. М., 1956. Вып. 1. С. 208 – 220.
- Дебиров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М.: Наука, 1966.
- Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966.
- Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982.

Дебиров П.М. История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов М.: Наука, 2001.

Дебиров П.М. Ковры Дагестана: Традиционное и современное искусство ковроткачества. Махачкала: Изд. ИЯЛИ. 2006.

Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 1 – 28.

Дирр. А.М. Антропологический и этнографический состав кавказских народов // КК на 1911 г. Тифлис, 1910. Ч. 1.

Джавахишвили Н.А. Основные историко-этнографические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1989. № 4. С. 43 – 52.

Джанашиа С.Н. Труды. Тбилиси, 1988. VI. С. 471 – 492.

Дзагурова В.П. Еще раз о союзах сельских обществ // ВИД. Махачкала: Изд. ИИЯЛ. 1974. Вып. 1. С. 82 – 89.

Дибиров М.А. Дагестанская народная физическая культура. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Изд. Департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1.

Дюма А. Кавказ / Пер с франц. Тбилиси, 1988.

Егорова В.Г. Из народных традиций Дагестана // ВИЭД. 1970. № 2. С. 83 – 94.

Егорова В.П. Некоторые формы организации досуга сельского населения Дагестана // ВИЭД. 1972. Вып. 3. С. 61 – 72.

Жуков Е.М. Некоторые вопросы социально-экономической формации // Проблемы социально-экономической формации: Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975. С. 7 – 24.

Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980.

Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // КС. Тифлис, 1898. Вып. 19. С. 221 – 247.

Загурский Л.П. Этнологическая классификация кавказских народов // КК на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 1 – 12.

З.Л. Десять лет на Кавказе // Современник. СПб., 1854. Т. 48. № 11. С. 1 – 40.

З.Л. Административные отделы Кавказского края // ИКОИРГО. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 30 – 61.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежавшего России и сопредельных оному земель. СПб.: Изд. К. Винтера, 1835. Ч. 3.

Ибн Хордадбех. Книжка путей и стран / Пер. с араб. А. Велихановой. Баку, 1986.

Ибрагимова М. Имам Шамиль М.: Наука, 1991.

Ибрагимов М.-Р. А. Численность и этнический состав сельского населения Дагестана в XIX – начале XX века // Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1981.

Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. М., 1940. № 2. С. 62 – 72.

Иессен А.А. Работа на Сулаке: Отчет о работах в 1933 г. // Изв. ГАИМК. М., 1935. Вып. 110. С. 30 – 41.

Изудинова Р.С. Андийская бурка. Махачкала: Юпитер, 2005.

Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2001.

Исламмагомедов А.И. Поселения аварцев в XIX – XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Вып. 12. С. 156 – 162.

Исламмагомедов А.И. Общественные праздники народов Дагестана (аварцы, даргинцы) в XIX – XX вв. // Мат. Всесоюз. сес. по итогам полевых этнографических исследований. Черновцы, 1984.

Исламмагомедов А.И. Аварцы. XVIII – начало XX века.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2002.

Исрапилов М.И. Солнечные календари Кегерского нагорья. Махачкала, 1991.

Ихиллов М.М. Большая семья и патронимия у горских евреев // СЭ. 1950. № 1.

Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1967.

Кавказ и Российская империя: Проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд. Звезда, 2005.

Казиллов Г.Н. Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала: Изд. Даггоспедиинститута и Мин. культуры ДАССР, 1989.

Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971.

Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1980. Т. 2. Ч. 2.

Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.

Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1993.

Карпов Ю.Ю. Джигит и Волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Изд. Музея Петра Великого, 1996.

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Изд. Музея Петра Великого, 2001.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюзн. кооп. изд-во, 1959.

Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969.

Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. М., 1883. Кн. 12. С. 137 – 154.

Ковалевский М.М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., 1888. № 12. С. 513 – 551.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова и К°, 1980. Т. 2.

Ковалевский М.М. Дагестанская «народная правда» // ЭО. 1890. № 1. С. 1 – 24.

Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911. Вып. 1.

Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. М.: Наука, 1989.

Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1895.

Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1904. Вып. 2.

Комаров А.В. Адагы и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1 – 80.

Комаров А.В. Списки населённых мест Дагестанской области // Сб. статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1 – 223.

Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Вып. 8. С. 1 – 43.

Кон И.С. Этнография детства: Проблемы методологии // СЭ. 1981. № 5. С. 3 – 10.

Косвен М.О. Брак-покупка // Красная Новь. 1925. № 2. С. 3 – 12.

Косвен М.О. Обычай «возвращения домой»: Из истории брака // КСИЭ. 1946. № 1. С. 3 – 11.

Косвен М.О. Очерки этнографии Кавказа // СЭ. 1946. № 2. С. 109 – 144.

Косвен М.О. Проблемы общественного строя горских народов в ранней русской этнографии // СЭ. 1951. № 1. С. 7 – 21.

Косвен М.О. Патронимия и проблемы структуры рода // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 257 – 266.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. Вып. 1. С. 265 – 374.

Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1958. Вып. 2. С. 139 – 274.

Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. М., 1962. Вып. 3. С. 158 – 288.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Вып. 9. С. 279 – 297.

Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 5 – 56.

Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1964.

Котович В.Г. О хозяйстве населения Горного Дагестана // СА. 1965. № 3. С. 5 – 13.

Котович В.Г. О процессе урбанизации в Древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1980. С. 69 – 82.

Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.

Котович В.Г., Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в Горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука, 1980.

Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Вып. 9. С. 321 – 341.

Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи Древнего Дагестана. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1965.

Крачковский И.Ю. Избр. соч. М., 1960. Т. 4.

Кривенко В.С. По Дагестану: Путевые заметки. СПб., 1896.

Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II – I тыс. до н.э. // КСИИМК. М., 1946. Вып. 13. С. 124 – 142.

Круглов А.П. Культурные места Горного Дагестана // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 31 – 40.

Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II – I тыс. до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. С. 28 – 52.

Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

- Кузнецов Н.И. В дебрях Дагестана // ИИРГО. СПб., 1913. Т. 49. Вып. 1. С. 1 – 251.
- Кукулина И.В. Этнография Скифии по античным источникам. М.: Наука, 1985.
- Курбанов М.-З.Ю. Сюргинцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2006.
- Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.
- Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII века // Материалы по истории земледелия в СССР. М.: Изд. АН СССР. 1952. Сб. 1. С. 179 – 225.
- Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X – XVII вв. М.: Наука, 1966.
- Лавров Л.И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 6 – 18.
- Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978.
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982.
- Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии. Ростов, 1926.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС. Т. 3.
- Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Одесса: Изд. П.А. Зеленого, 1882. Вып. 1.
- Лидов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 1 – 58.
- Линден В. Краткий очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 г. Тифлис, 1918. С. 249 – 315.
- Лугуев С.А. Взаимопомощь в хозяйственной деятельности лакцев. (Вторая половина XIX – начало XX в.) // Хозяйство народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1979. С. 69 – 78.
- Лугуев С.А. Гостеприимство и куначество у лакцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1980. С. 57 – 67.
- Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – начале XX в. // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1980. С. 47 – 56.
- Лугуев С.А. Реликты мужских союзов у лакцев // Мат. Всесоюзной конференции по итогам полевых работ 1980 – 1981 гг. Нальчик, 1982. С. 51 – 52.
- Лугуев С.А. Народный календарь и счет времени у ахвахцев. (XIX – нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 5 – 12.
- Лугуев С.А. Одежда дидойцев (XIX – начало XX века) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 1998. С. 117 – 123.
- Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. (XIX – нач. XX в.). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2001.
- Luguev S. Vardish: A survival of the old mannerbund in Dagestan // Iran and Caucasus. Vol. 7, 1 – 2. BRILL, Leiden. 2003. P. 59 – 72.
- Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX – нач. XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ. 2006.
- Лугуев С.А. Традиционные нормы межличностного и группового общения у народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2007.
- Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2008.
- Лугуев С.А. Балхарцы: Историко-этнографическое исследование XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2008.
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бейтинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИЯЛ. 1994.
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2000.
- Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1 – 32.
- Любимова Г.Н., Ханмагомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура. М.: Наука, 1956.
- Магомедов А. Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИЯЛИ, 1999.
- Магомедов А.Р. Исследование общинного землевладения в горных обществах средневекового Дагестана // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 192 – 195.
- Магомедов Д.М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII – начале XIX века // ВИЭД. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 169 – 184.
- Магомедов Д.М. Исторические сведения о дидойцах // ВИД. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 95 – 110.
- Магомедов Д.М. Занятия населения Дидо в XVIII – XIX вв. // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 215 – 242.

- Магомедов Д.М. Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 92 – 116.
- Магомедов Д.М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV – XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981. С. 26 – 43.
- Магомедов Д.М. К вопросу изучения средневековых поселений и их социального строя (Горный Дагестан) // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 133 – 145.
- Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957.
- Магомедов Р.М. Адагы дагестанских горцев как исторический источник. М.: Изд. восточной литературы, 1960.
- Магомедов Р.М. Легенды и факты: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.
- Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969.
- Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. Вып. 1.
- Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. 2.
- Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. Вып. 1.
- Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. Вып. 2.
- Магомедов Р.М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Материалы Региональной научной конференции «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа». Махачкала, 1980. С. 7 – 9.
- Магомедов Р.М. О типах генезиса феодализма в Дагестане (исторические наблюдения) // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 33 – 35.
- Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991.
- Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Т. 1 – 2.
- Магомедова А.Р. Горская средневековая община (к методологии изучения) // ИСКНЦВШ Ростов-на-Дону, 1984. № 4. С. 29 – 34.
- Магомедова А.Р. Исследования общественного землевладения в горных обществах средневекового Дагестана // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. Вып. 3. С. 192 – 195.
- Магомедова А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV – XVII вв. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1985.
- Магомедханов М.М. Дагестанцы: Вехи этносоциальной истории. XIX – XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2007.
- Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968.
- Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII – XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
- Максимов А.Н. Органичение отношений между одним из супругов и родственниками другого // ЭО. 1908. № 12.
- Максимов А.Н. Об одном свадебном обряде // ЭО. 1910. № 1.
- Малинин Л.В. О свадебных платежах и приданном у кавказских горцев // ЭО. 1890. № 3.
- Магомедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку: Илм, 1988.
- Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989.
- Марграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: Изд. С.В. Гурьянова, 1882.
- Марков Е. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. СПб.; М., 1883.
- Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.: Изд. М.В. Вольфа, 1887.
- Марков Е. Очерки Кавказа. СПб.; М., 1904.
- Марковин В.И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
- Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 37 – 78.
- Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тифлис: Изд. Груз. филиала АН СССР, 1938. Вып. 4.
- Материальная культура аварцев. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1967.
- Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы истории Манейского царства // ВДИ. 1948. № 1. С. 38 – 69.
- Меликишвили Г.А. Диаухи // ВДИ. 1950. № 1. С. 22 – 31.

Меликишвили Г.А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. М., 1975. № 6. С. 44 – 53.

Меликишвили Г.А. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке. (Опыт стадийно-типологической классификации классовых обществ) // НАА. М., 1979. № 4. С. 53 – 64.

Меликишвили Л.Ж. Некоторые стороны осетинского свадебного обряда // КЭС. Тбилиси, 1979. Вып. 2. Т. 5.

Меретуков М.А. Об одном пережитке матриархата в семейном быту адыгов // УЗ Адыгского НИИ языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. 8. С. 179 – 188.

Мечмандян Я.Л. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944.

Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии России. Л., 1927. Т. 4. Вып. 1. С. 15 – 76.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X – XI вв. М.: Наука, 1964.

Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ. 1947. № 4.

Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М.: Наука, 1979.

Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1961.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.

Мусаев М.Г. Традиционная физическая культура и спорт в жизни народов Центрального и Западного Дагестана. XIX – начала XX века. Махачкала: Изд. ДИНЭМ. 2008.

Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1995.

Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: Изд. ИИАЭ. 2006.

Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана. (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2007.

Мухаммед-Рафи. Дагестанские летописи: Извлечения из истории Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 9 – 30.

Мухаммед Тахир. Три имама. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990.

Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского края. Тула: Изд. Н.И. Соколова, 1891.

Надеждин П.П. Кавказский край: Природа и люди. Тула: Изд. Е.И. Дружинина, 1895.

Назаревич А.Ф. Отобранное по крупицам: Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958.

Нахшунов И.Р. Прогрессивное влияние России на экономику до-революционного Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1954.

Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956.

Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб.: Тип. Воен. учебн. заведений, 1847.

Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 году. СПб.: Тип. воен. учебн. заведений, 1848.

Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен. учебн. заведений, 1848.

Невская В.П. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа // Мат. региональной научной конференции. Махачкала, 1980. С. 9 – 11.

Невская В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // ИСКНЦ ВШ. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1985.

Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахибского района // СЭ. 1946. № 1.

Никольская З.А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2.

Никольская З.А. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX веке. М., 1948.

Никольская З.А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев в XIX в. // КСИЭ. 1949. Вып. 8. С. 29 – 41.

Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Женская народная одежда аварцев // КСИЭ. 1953. Вып. 18. С. 3 – 32.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.

Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.С. Лягубитова. СПб.: Тип. внешней торговли, 1836. Ч. 4.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: Азиатский способ производства. М.: Наука, 1966.

Общественный строй союзов сельских общин Дагестана XVIII – начале XIX в. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1981.

Общество и природа: Исторические этюды и формы взаимоотношения. М.: Наука, 1981.

Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане, 1843 год // ВС. СПб., 1959. Вып. 5. № 1. С. 107 – 172.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1906.

Ольдерогге Д.А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975.

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1861 год // Русская старина. СПб., 1893. Т. 28. С. 90 – 124.

Омаров А.С. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 4. С. 230 – 261.

Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX века // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1959. Вып. 7. С. 133 – 167.

Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.: Наука, 1965.

Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М.: Наука, 1984.

Османов М.-З.О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1970. Вып. 20. С. 283 – 302.

Османов М.-З.О. О некоторых видах феодальной эксплуатации, связанных с формами скотоводства // Материалы Региональной научной конференции. Махачкала, 1980. С. 50 – 52.

Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1990.

Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1996.

Османов М.-З.О. Традиционные типы и системы земледелия Дагестана в XIX – начале XX века. (С привлечением материалов по всему Кавказу). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2006.

Пантюхов И. Современные лезгины // КК. 1901. № 233.

Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1913.

Пастухов А. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-Даг // К. 1893. № 73, 74.

Першиц А.И. Проблема типологии общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1978.

Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис: Заря Востока, 1934.

Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. Кн. 1. С. 191 – 228.

Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – XIX вв. Л.: Изд. ЛГУ, 1949.

Пигулевская Н.В. К вопросу об азиатском способе производства // ВДИ. М., 1965. № 3. С. 83 – 89.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: Изд. ИИЯЛ. 1967.

Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб.: Изд. Якорь, 1913.

Пирцхелаури К.Н. Восточная Грузия к концу бронзового века. Тбилиси, 1979.

Погорельский П.В. Сельское хозяйство горного Дагестана. М., 1940.

Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: Изд. АН Груз. ССР, 1935.

Полиевктов М.А. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси. 1938. Вып. 4.

Полиевктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу 1800 – 1830 гг. / Отд. оттиск из журнала «Исторический вестник». Тбилиси: Архивное управление МВД Грузинской ССР, 1946.

Попов Н. Кавказские спартанцы: Игры народов Дагестана // М.: Вестник знания, 1926. № 2.

Потебня А.А. Из лекций по истории словесности. Харьков, 1931.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т.2. Вып. 2.

Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // ВС. 1860. Кн. 4. Т. 12. С. 269 – 318.

Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // ВС. 1867. Т. 3. № 9. С. 141 – 192.

Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969.

Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М.: Наука, 1971.

Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968.

Проблемы социально-экономической формации: Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975.

Пронштейн А.П. Некоторые проблемы возникновения и развития феодальных отношений на Северном Кавказе в новейшей советской историографии // *Материалы Региональной научной конференции*. Махачкала, 1980. С. 5 – 7.

Путеводитель по Дагестану. Тифлис: Изд. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1871.

Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л.: Наука, 1990.

Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2001.

Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан. XIX – начало XX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998.

Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956.

Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861 – 1900). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972.

Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане // *УЗ ИИЯЛ*. Махачкала, 1981. Вып. 9. С. 155 – 167.

Рамазанов Х.Х. Прогрессивные последствия присоединения Дагестана к России в области экономики // *Дагестан в составе России*. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1990. С. 124 – 134.

Рамазанова З.Б. Пища народов Нагорного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2003.

Ржевский А. 1845 год на Кавказе // *КС*. Тифлис, 1882. Вып. 6 С. 221 – 277.

Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2001.

Ризаханова М.Ш. Гинухцы. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2006.

Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб.: Изд. В.Ф. Киришбаума, 1903.

Робакидзе А.И. Особенности патронимической организации у народов Горного Кавказа // *СЭ*. 1968. № 1. С. 93 – 104.

Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // *СЭ*. 1978. № 2. С. 15 – 24.

Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л.: Наука, 1984.

Россигов К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан в 1882 году // *ЗКОРГО*. Тифлис, 1883. Т. 13. Вып. 1. С. 278 – 306.

Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения в Дагестане // *ВС*. СПб., 1862. № 8. С. 373 – 404.

Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // *Вопросы истории*. 1974. № 1. С. 3 – 27.

Самурский Н. Дагестан. М.; Л.: Госиздат, 1925.

Свидерский П.Ф. В горах Дагестана: Путевые впечатления, случайность и антропологические заметки. Петровск: Работник, 1903.

Селимханов А.К. К истории просвещения в Дагестане в XIX в. // *УЗ Дагпединститута*. Махачкала, 1957. Вып. 1. С. 137 – 156.

Семейный быт народов Дагестана: Сб. статей. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1980.

Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Семенов Ю.И. О сущности религии // *СЭ*. 1980. № 2. С. 49 – 59.

Сергеева Г.А. Брак и свадьба у народов Дагестана // *КСИЭ*. 1959. Вып. 32.

Сергеева Г.А. Народная одежда арчинцев // *КСИЭ*. 1963. Вып. 38. С. 38 – 58.

Сергеева Г.А. Арчинцы. М.: Наука, 1967.

Сергеева Г.А. Об одежде аварской группы народов Дагестана // *Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – XX веках*. М.: Наука, 1971.

Сергеева Г.А. Типология головных уборов аварок Дагестана конца XIX – начала XX века // *Итоги полевых исследований Института этнографии в 1970 г.* М.: Наука, 1971.

Сергеева Г.А. Материалы по одежде аварок Тлярятинского района Дагестанской АССР // *Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.* М.: Наука, 1972. С. 77 – 89.

Сергеева Г.А. Об одежде аварцев Дагестанской АССР (по материалам экспедиции 1972 г.) // *Новое в этнографических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.* М.: Наука, 1974. Ч. 1.

Сергеева Г.А. Этнографические наблюдения у хваршин // *Новое в этнографии и антропологии. (Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 г.)*. М., 1975. С. 65 – 75.

Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам РИМ) // *КЭС*. М., 1976. Вып. 6. С. 155 – 187.

Сергеева Г.А. Женские головные украшения аварцев Дагестана в конце XIX – нач. XX в. // *ПИИЭ*. М., 1976.

Сергеева Г.А. Женские головные уборы народов аварской группы Дагестана // *ПИИЭ*. М.: Наука, 1977.

- Сергеева Г.А. Основные типы женской верхней одежды у аварской группы народов Дагестана (вторая половина XIX – XX в.) // ПИИЭ. М., 1977. С. 91 – 99.
- Сергеева Г.А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978.
- Сергеева Г.А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX – начала XX века // КЭС. М., 1980. Вып. 7. С. 97 – 131.
- Сергеева Г.А. Вязаная обувь народов Горного Дагестана // КЭС М., 1984. Вып. 8 С. 106 – 140.
- Сергеева Г.А. Традиционная пища народов Северного Кавказа и Дагестана в XX веке // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 133 – 146.
- Сержпутовский А.К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. Вып. 16. С. 200 – 298.
- Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2006.
- Сигорский М. Брак и брачные обычаи на Кавказе // Этнография. 1930. № 30. С. 30 – 52.
- Сидоров В. По России. Кавказ: Путевые заметки и впечатления. СПб.: Изд. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1897.
- Смирнова Я.С. Обычай избегания у адыгов и их изживание в советскую эпоху // СЭ. 1961. № 22. С. 40 – 52.
- Смирнова Я.С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы у народов Кавказа. М.: Наука, 1978.
- Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX вв. М.: Наука, 1983.
- Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941.
- Сокольский В. Арханческие формы семейной организации у кавказских горцев // ЖММП. СПб., 1881.
- Стебницкий У.И. Статистическая таблица Кавказского края с обозначением пространства, числа жителей и плотности населения // ЗКОРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 139 – 151.
- Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М.: Наука, 1989.
- Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. М., 1935. № 5. С. 116 – 137.
- Техов Б.В. Могильники эпохи поздней бронзы // СА. 1960. № 1. С. 162 – 177.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.: Изд. АН СССР, 1941. Т. 2.
- Тихонов Ю.Ф. Генезис плуга в этнографии // СЭ. 1963. № 2. С. 92 – 109.
- Ткавашвили М.Г. Торговля и обмен между Грузией и Дагестаном в первой трети XIX века // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси: Мецниэреба, 1988. С. 266 – 273.
- Ткешелов М.И. О географических и других условиях характера построек применительно к Кавказу // ИКОРГО. Тифлис, 1888. Т. 10. № 1. С. 109 – 121.
- Тогошвили Г.Д. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Материалы Региональной конференции. Махачкала, 1980. С. 15 – 16.
- Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов в XIX – начале XX века. М., 1957.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР. М.: Изд. АН СССР, 1958.
- Токарев С.А. Сущность и происхождение магии // ТИЭ. 1959. Вып. 51. С. 16 – 31.
- Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Наука, 1964.
- Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988.
- Тревер В.И. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959.
- Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902.
- Туземец (Д.Б. Бутаев). Грамотность в горах Дагестана // ЭО. 1900. № 1. С. 110 – 118.
- Тэйлор Э. Первобытная культура. М.: Изд. полит. лит.-ры, 1989.
- Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1973.
- Умаханов М.-С.К. К вопросу о социальной борьбе в союзах сельских обществ Дагестана в XVII веке // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 198 – 228.
- Умаханов М.-С.К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ в Дагестане в XVII – XVIII вв. // Общественный строй

союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 63 – 82.

Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII – начале XIX веков (политический аспект). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2007.

Утверждение Русского владычества на Кавказе / Под ред. В. Потто. Тифлис: Изд. штаба Кавказского военного округа, 1904. Т. 3. Ч. 1.

Фадеев А.В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев в новейших работах советских историков // ВИ. 1958. № 5. С. 130 – 137.

Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Наука, 1958.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1960.

Фёдоров Я.А. Историческая география Северного Кавказа. М.: Наука, 1983.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Изд. полит. литературы, 1986.

Халилов Х.М. Песенные жанры фольклора народов Дагестан. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1979. С. 10 – 15.

Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в.: Материалы к сессии. Махачкала, 1954. (На правах рукописи).

Хашаев Х.-М.О. К вопросу о тухумах, сельских общинах «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1956. Вып. 1. С. 42 – 78.

Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1959.

Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1961.

Хить Г. Дерматоглифика народов СССР. М.: Наука, 1983.

Цаголов Г.М. Охотничий язык и обряды у осетин // ТВ. 1895. № 53.

Цибульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964.

Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. Вып. 2.

Челеби Э. Книга путешествия: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. Вып. 3.

Черепнин Л. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. М., 1958. № 1. С. 63 – 73.

Чибириков Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1976.

Чибириков Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1984.

Чурсин Г.Ф. Культ железа на Кавказе // К. 1901. № 173.

Чурсин Г.Ф. Почитание огня на Кавказе // К. 1904. № 121.

Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: Изд. К.П. Козловского, 1913.

Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // ИКИАИ. Тифлис, 1927. Вып. 5.

Чурсин Г.Ф. Свадебные обычаи аварцев // Бюл. Кавк. историко-археолог. института. Тифлис, 1828. Вып. 4.

Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов // СМОМПК. Тифлис, 1929. Вып. 16. С. 59 – 72.

Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк / Под ред. Р.И. Сефербекова. Изд. 2. Махачкала, Изд. ИИАЭ, 2008.

Чхеидзе С. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей – магометан. Тифлис, 1949.

Шиллинг Е.М. Дагестанские кустари. М., 1926.

Шиллинг Е.М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 32 – 34.

Шиллинг Е.М. Дагестанская экспедиция 1946 г. // КСИЭ. 1848. Вып. 4. С. 31 – 40.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949.

Шихсаидов А.Р. Ислам в Средневековом Дагестане (VII – XV вв.). Махачкала: Изд. ИИЯЛ, 1969.

Шихсаидов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 109 – 115.

Шнирельман В. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд. АН СССР, 1936.

Щербина Ф. Общинный опыт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. № 1. С. 124 – 165.

Эльмурзаева А.Д. Обычай взаимопомощи у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала: Изд. ИИАЭ, 2008.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис: Гуттенберг, 1907.

Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1. С. 65 – 86.

Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке. М.: Изд. Академ. ин-стит. матер. культуры, 1932.

VI. Литература общего характера

Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана (с древнейших времен до конца XV века). Махачкала: Изд. ИИАЭ, 1996.

История Дагестана: В 4-х томах. М.: Наука, 1967. Т. 1; 1968. Т. 2.

История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. Т. 1.

История народов Северного Кавказа в древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) М.: Наука, 1988.

Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968.

Меликишвили Г.А. К истории Древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Народы Дагестана. М.: Наука, 2002.

Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1989. Т. 1.

Очерки истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. 1 – 2.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Список сокращений

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

ВДИ – Вестник древней истории

ВИ – Вопросы истории

ВИД – Вопросы истории Дагестана

ВИЭД – Вопросы истории и этнографии Дагестана

ВС – Военный сборник

ГАИМК – Государственный академический институт материальной культуры

ДГСВК – Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50 гг. XIX в.: Сб. док. Махачкала, 1959.

ДЭС – Дагестанский этнографический сборник

ЖММП – Журнал Министерства местной промышленности

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958.

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской АН

ИИРГО – Известия Императорского русского географического общества

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

ИКИАИ – Известия Кавказского института археологии и истории

ИКОРГО – Известия Кавказского отдела Русского географического общества

ИСКНЦ ВС – Известия Северокавказского научного центра высшей школы

К. – Кавказ (газета)

КОИРГО – Кавказский отдел Императорского русского географического общества

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

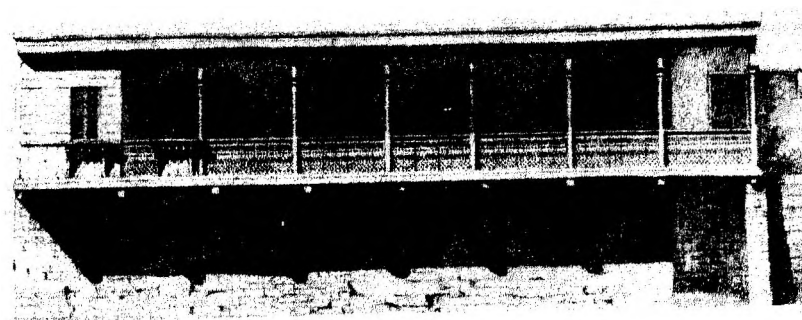
КЭС – Кавказский этнографический сборник

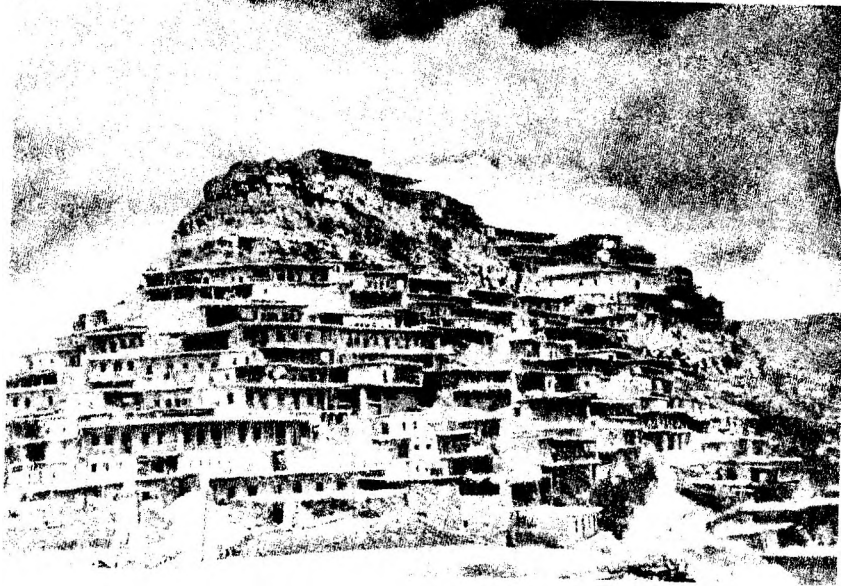
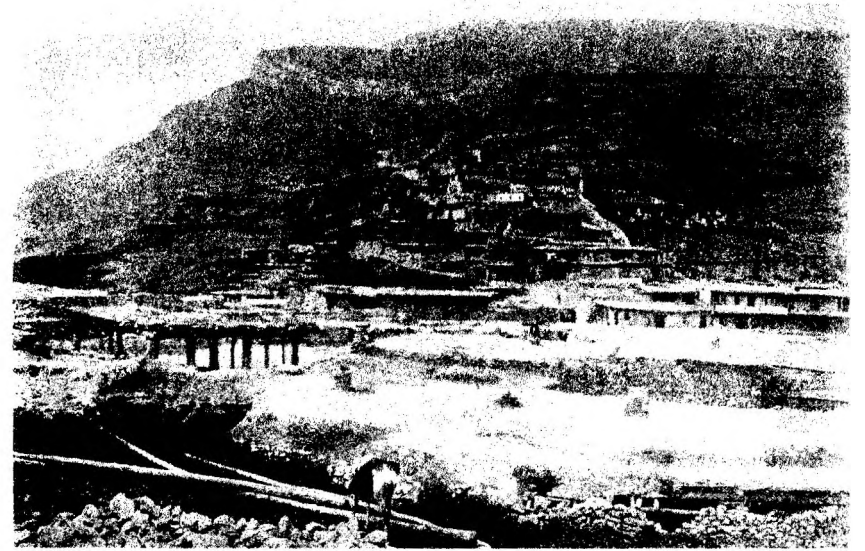
МАД – Материалы по археологии Дагестана

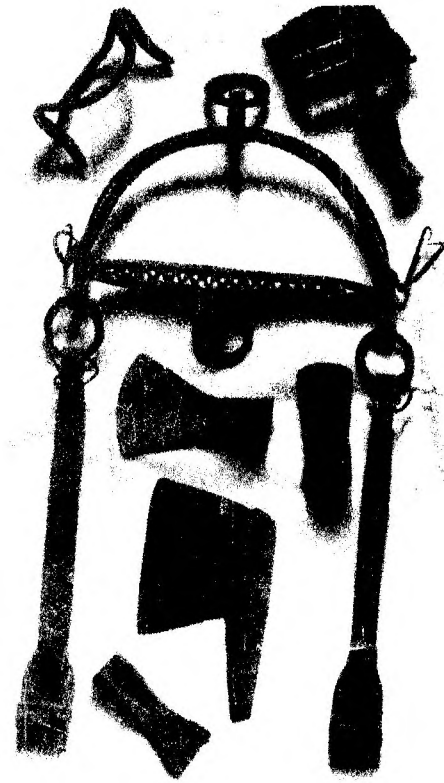
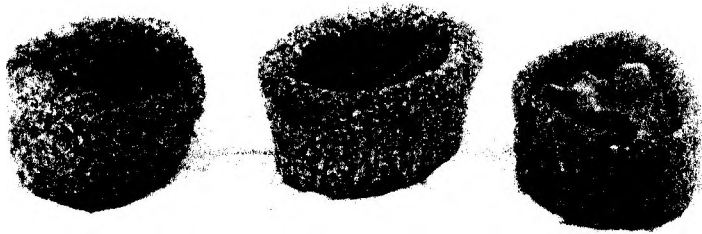
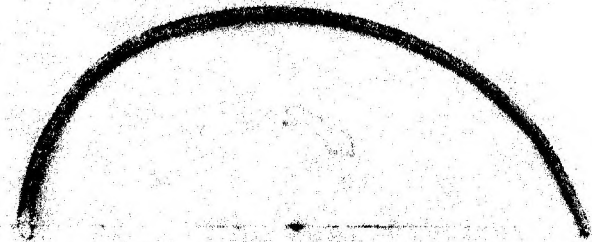
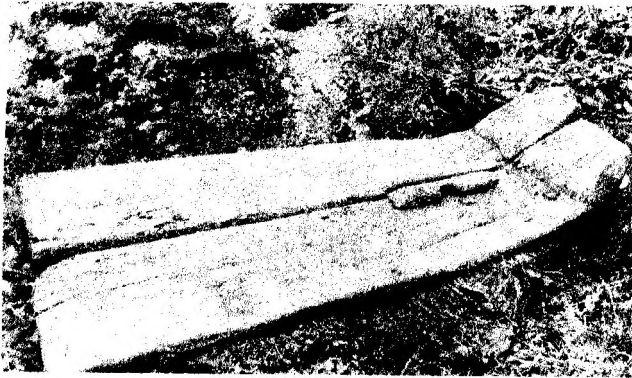
ПИИЭ – Полевые исследования Института этнографии АН СССР

РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской АН

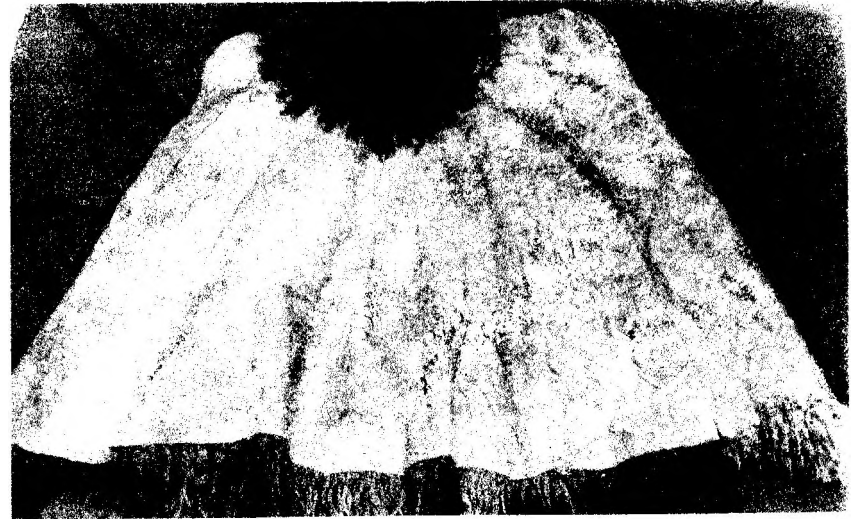
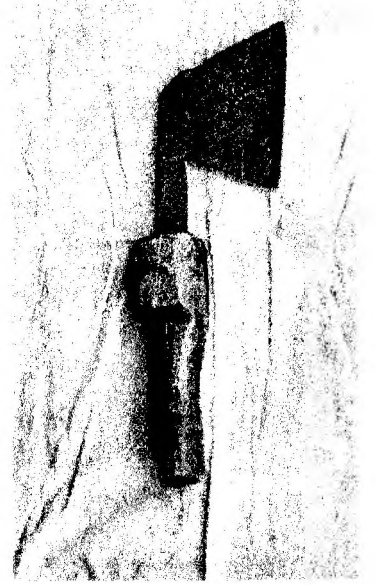
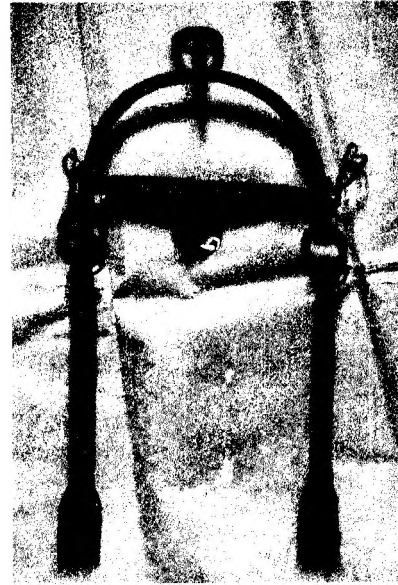
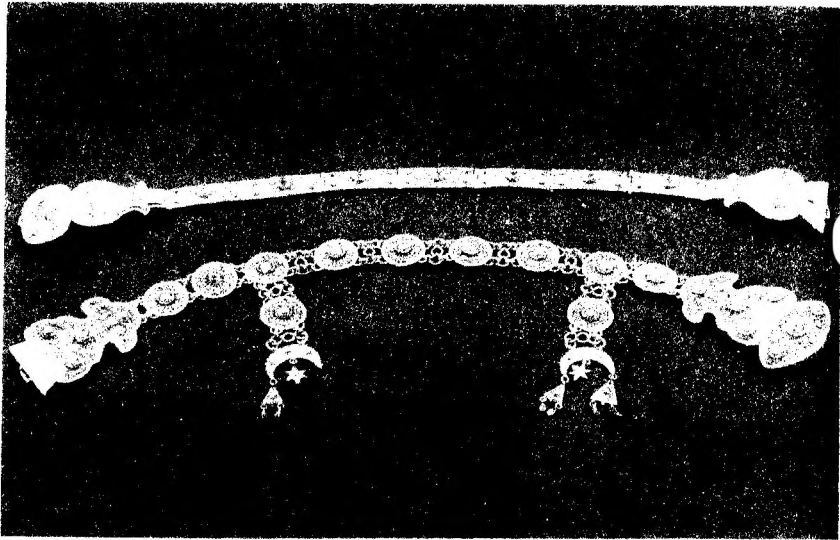
СА – Советская археология
СМОМПК – Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа
ССК – Сборник сведений о Кавказе
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горах
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии
УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Тбилиси
ЭО – Этнографическое обозрение

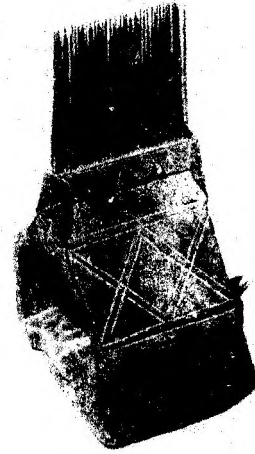
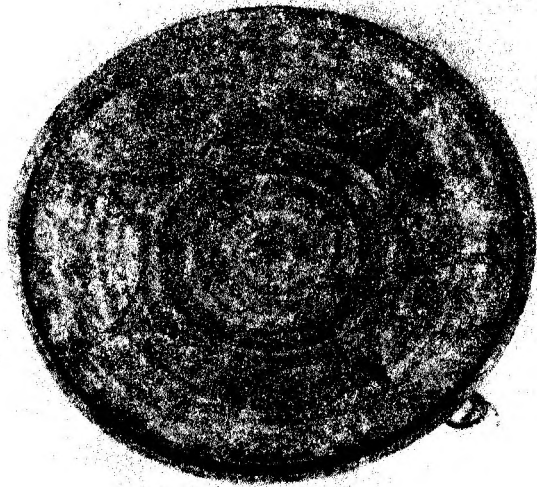

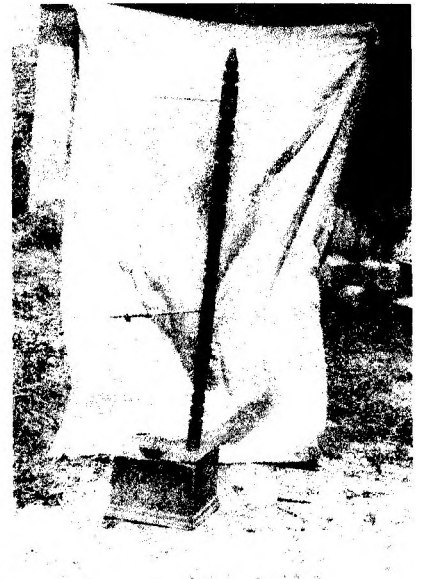
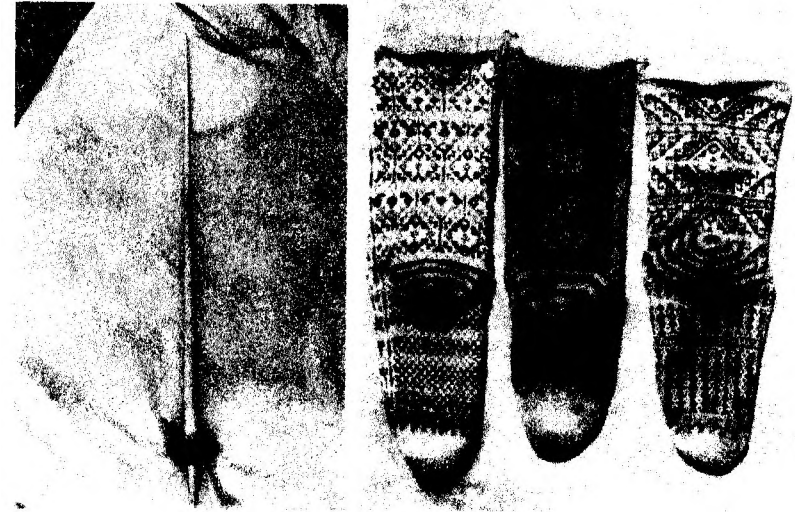
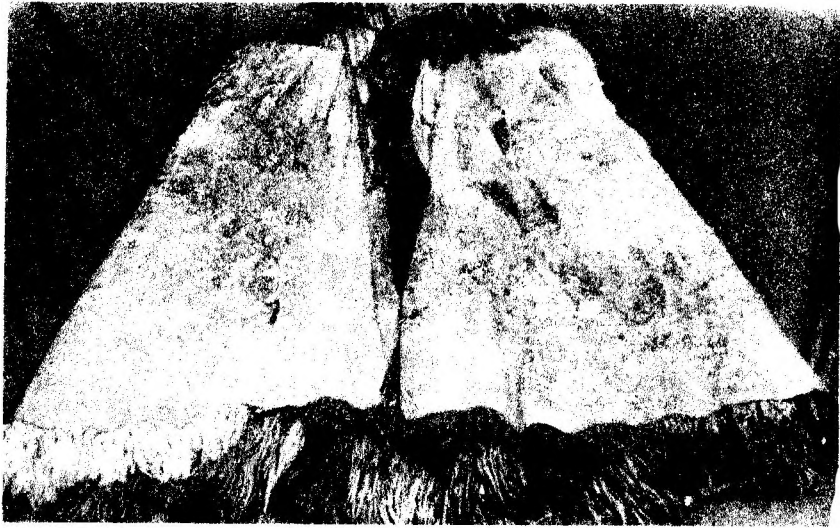

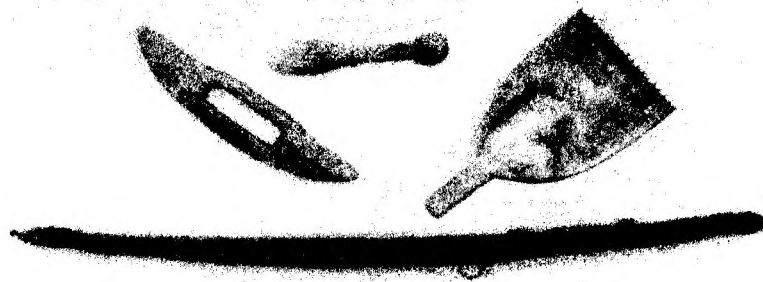

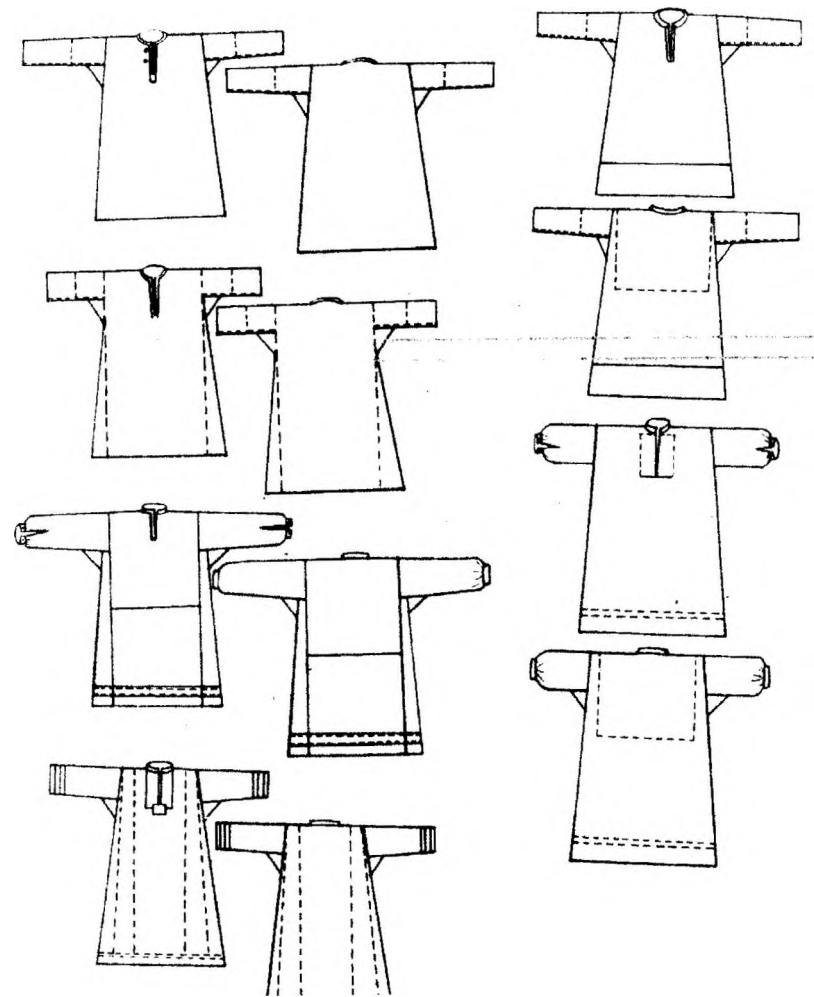
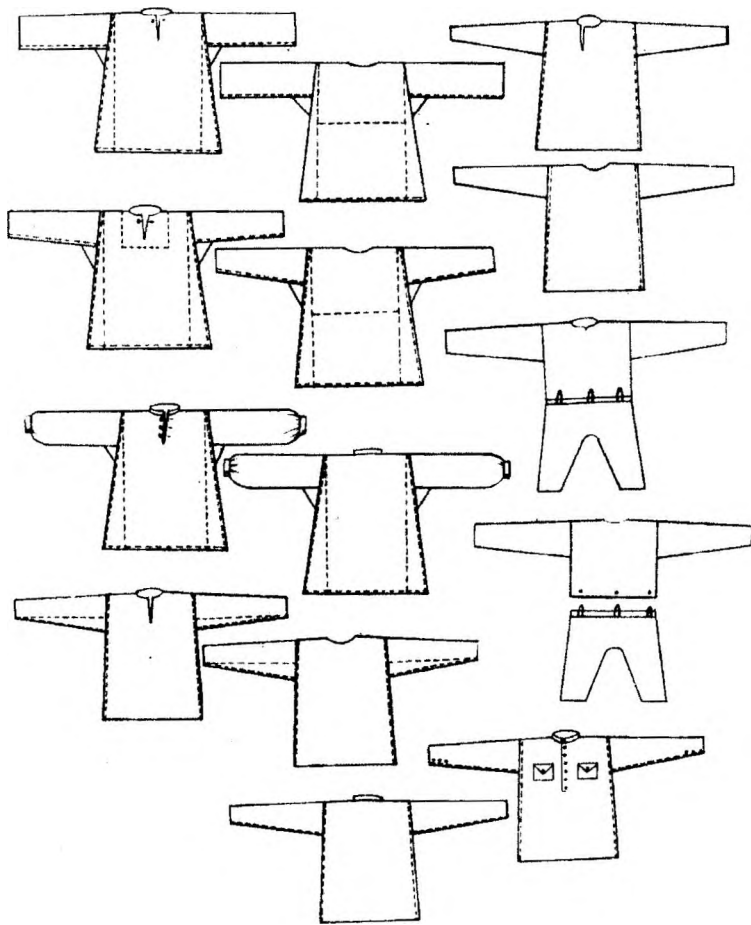

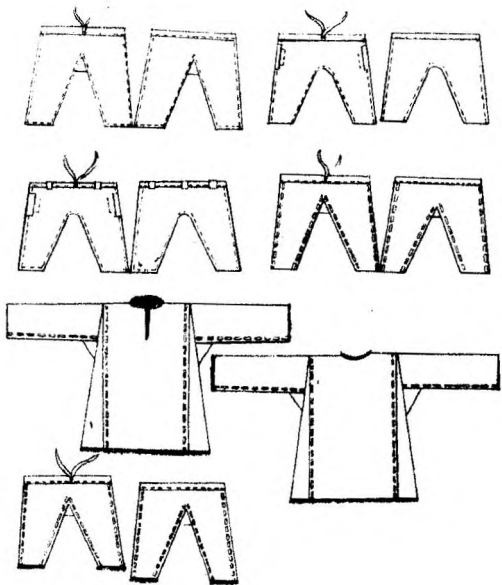
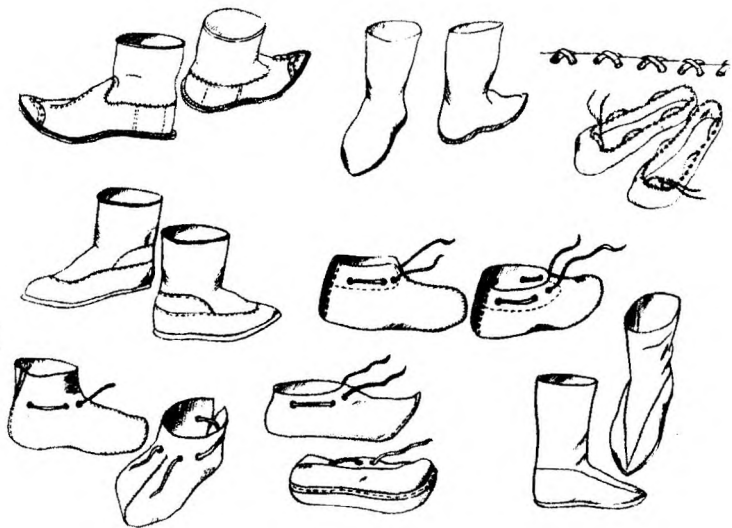

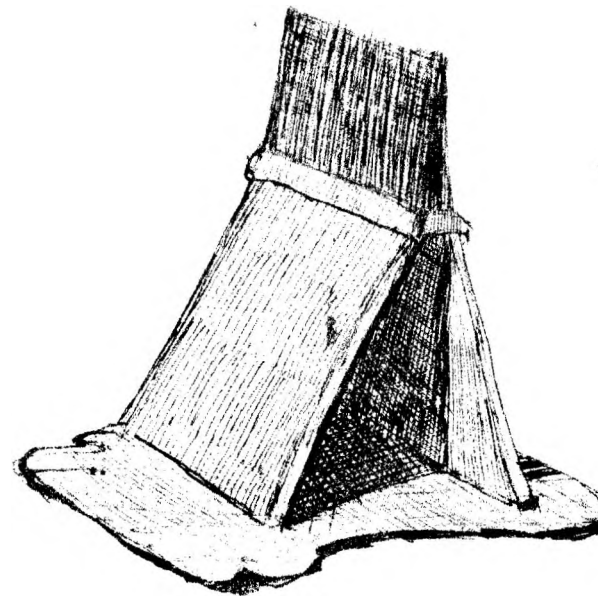
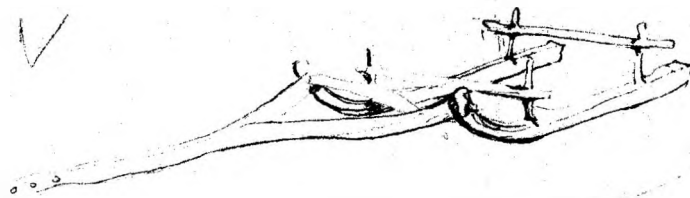

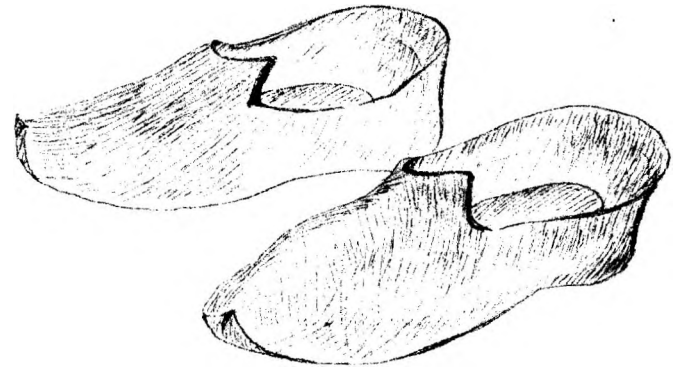
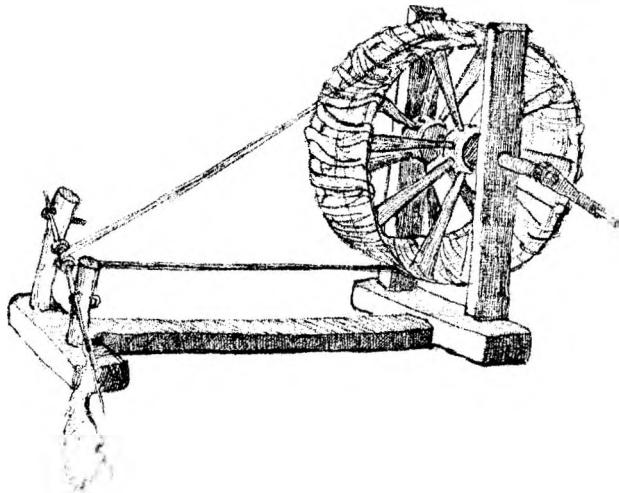
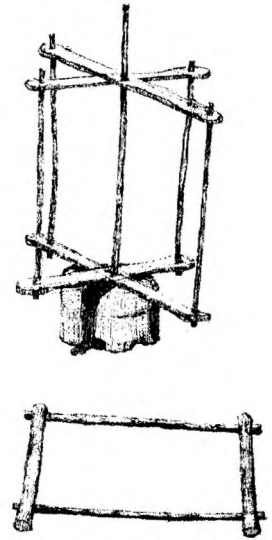
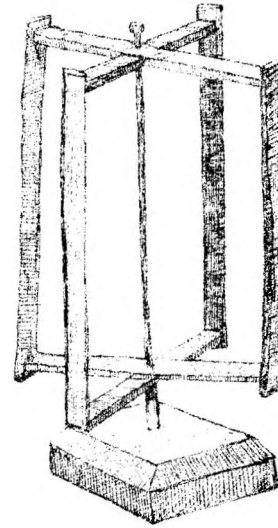
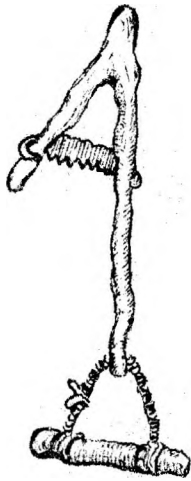

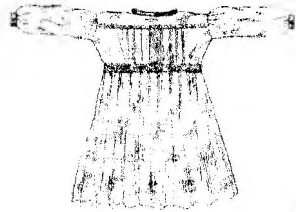
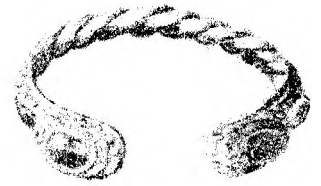
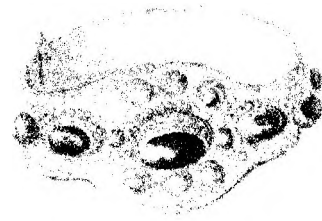
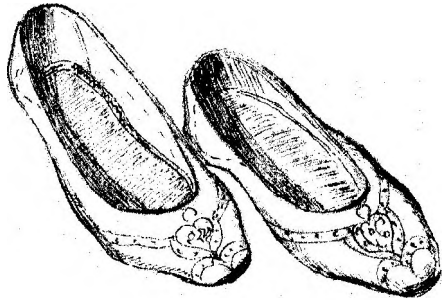

V

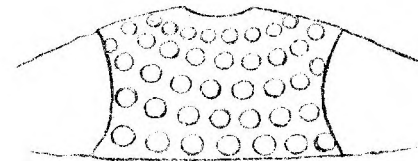
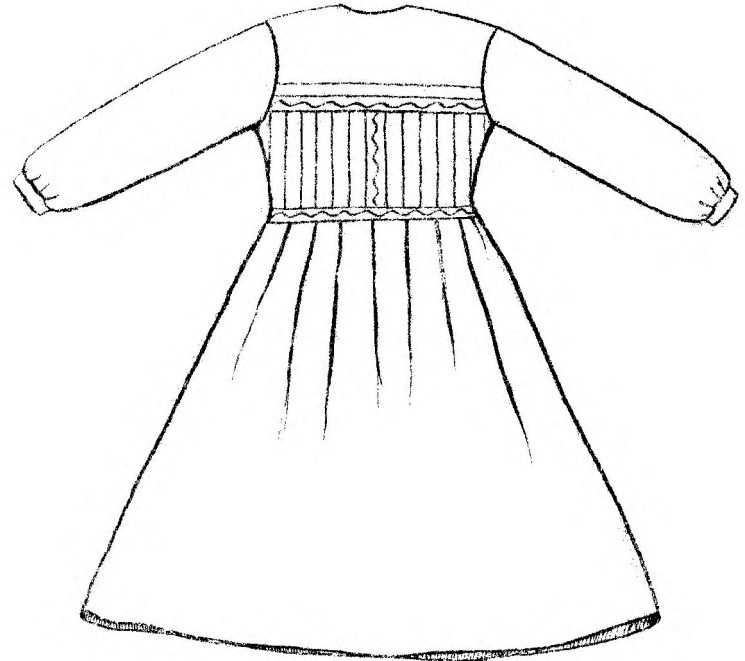

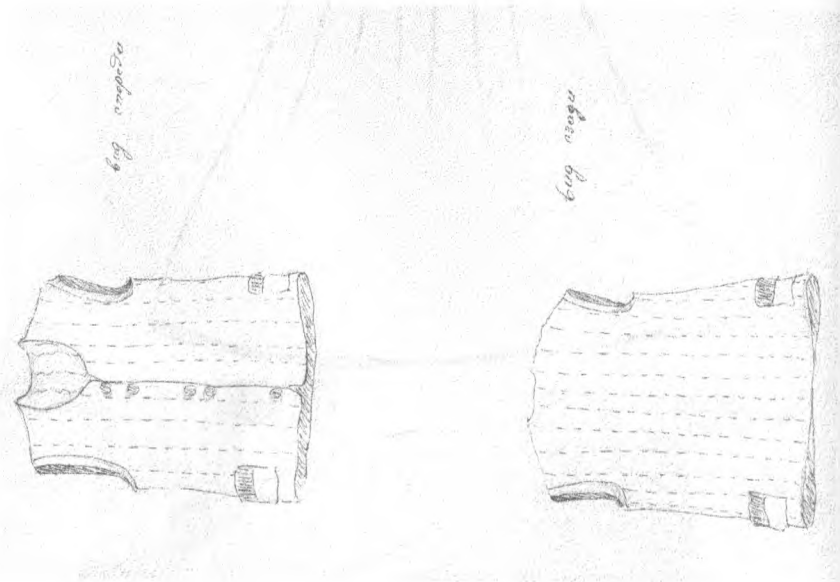
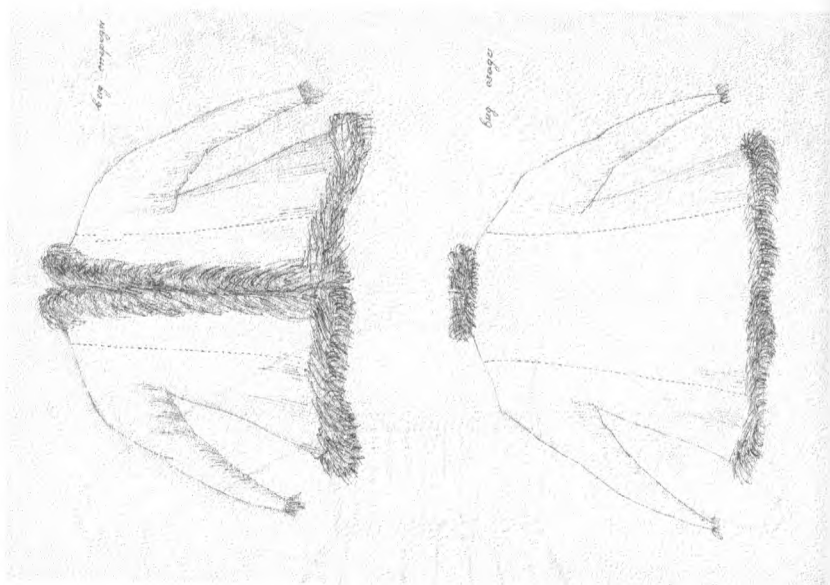

спереди

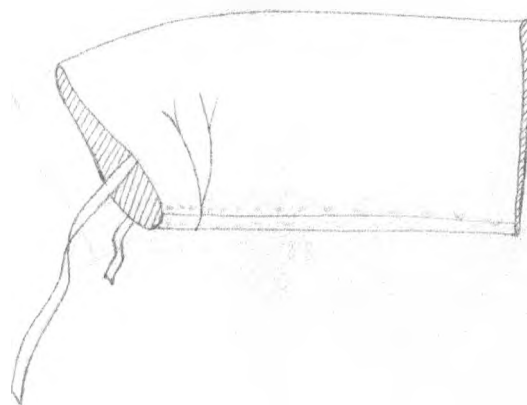
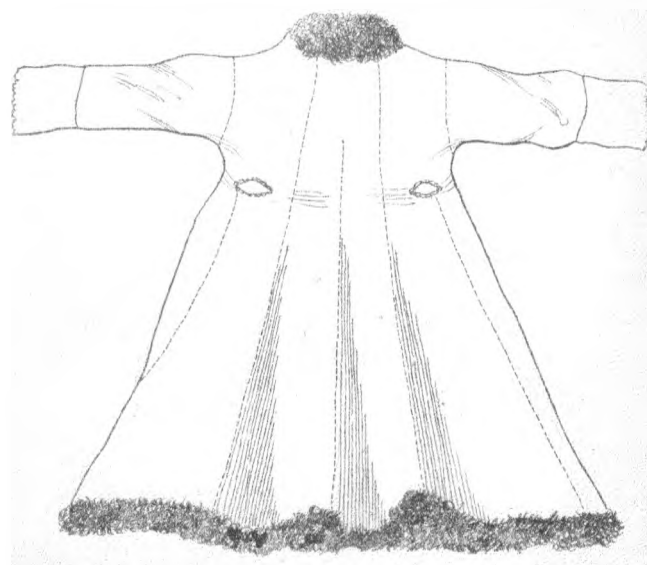
сзади

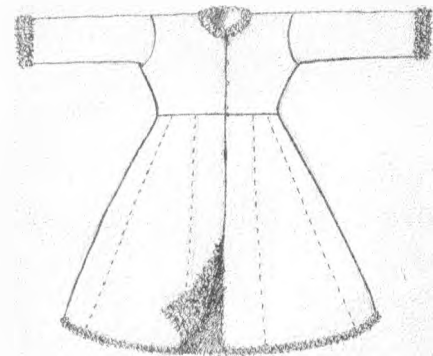
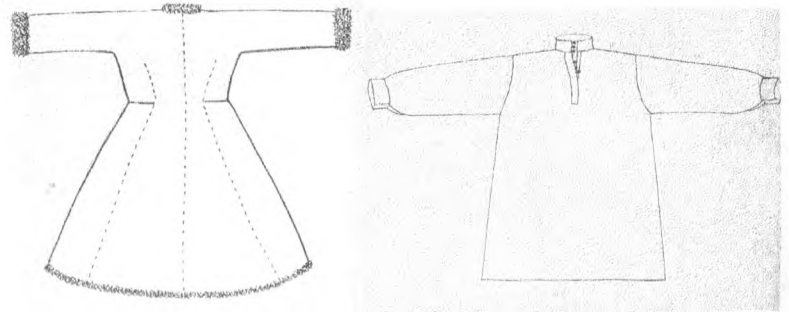
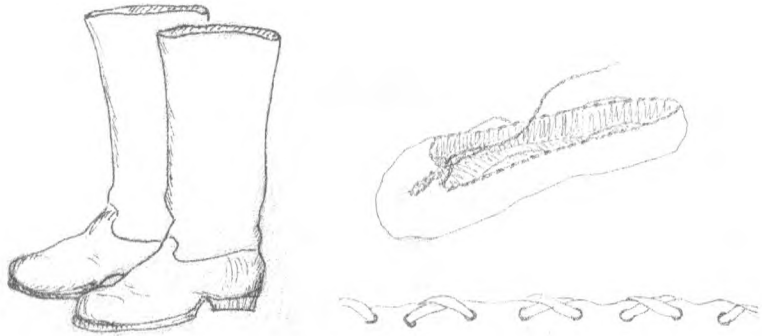

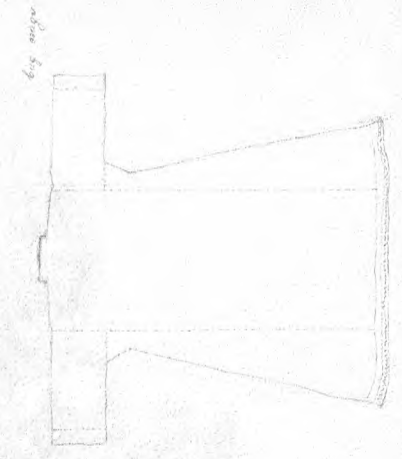
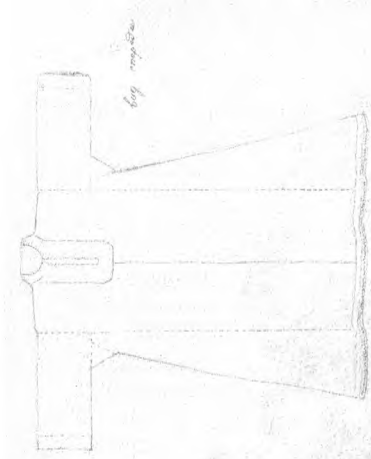
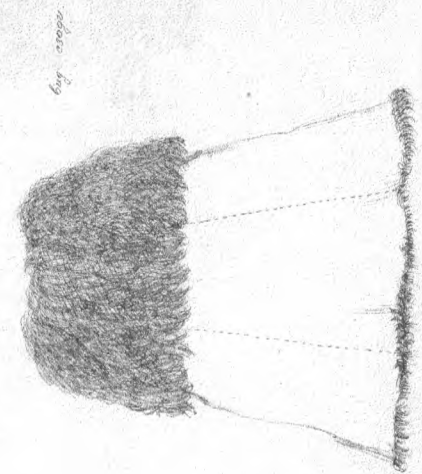
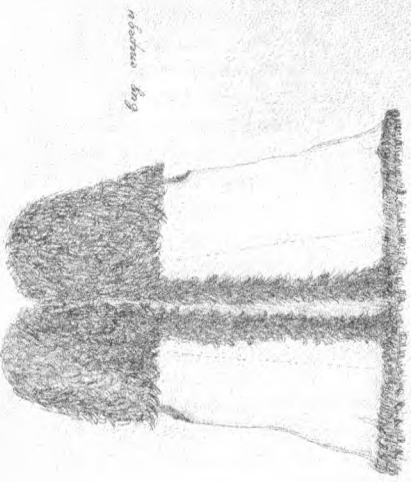
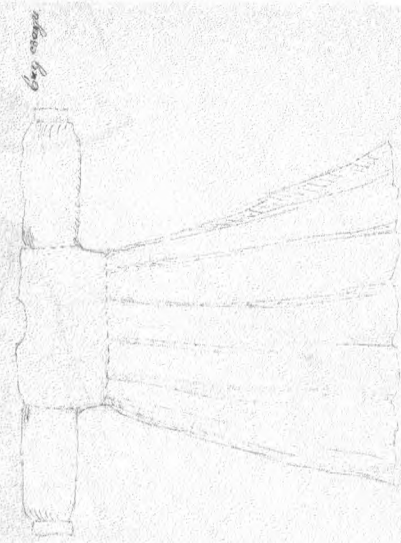
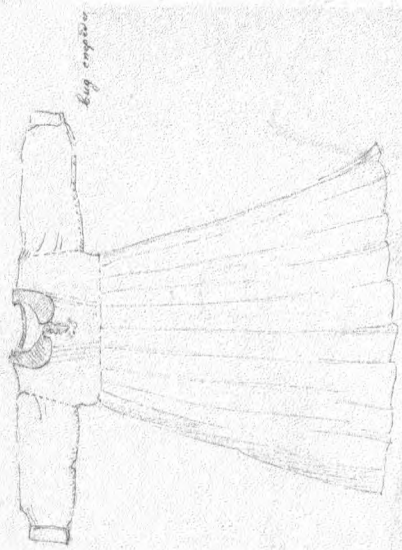
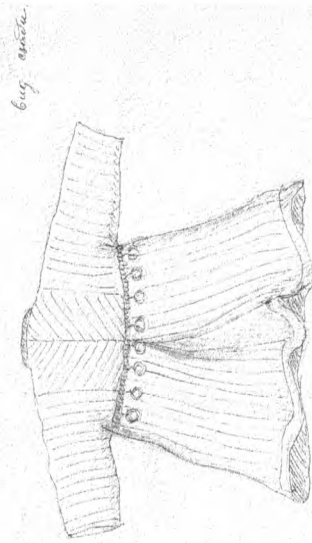
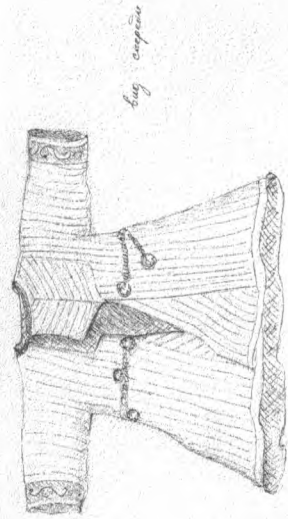

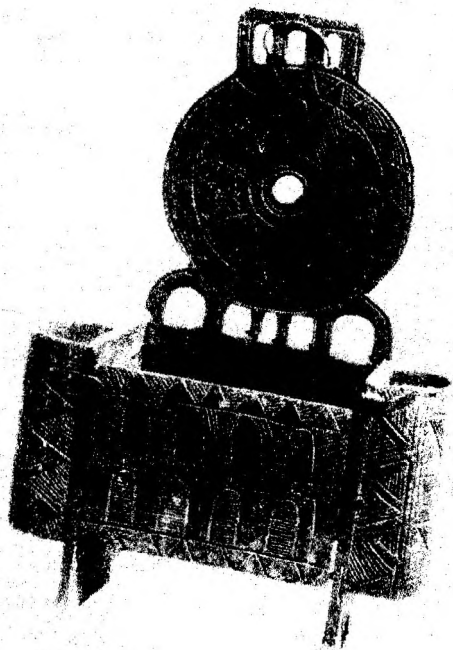

Вид сзади

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Краткий исторический очерк	5
ГЛАВА II. Экономика	40
1. Природные условия и народонаселение	40
2. Земледелие	43
3. Садоводство	78
4. Виноградарство	51
5. Животноводство	56
6. Домашние промыслы	64
7. Торговля и пути сообщения	69
ГЛАВА III. Материальная культура	75
1. Поселение	75
2. Жилища	79
3. Одежда	84
4. Пища	94
ГЛАВА IV. Семья и семейный быт	102
1. Рудименты древних форм семьи	102
2. Малая семья	104
3. Внутрисемейные отношения	104
4. Свадебные обычаи и обряды	107
5. Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, его воспитанием	120
6. Похоронные обычаи и обряды	124
ГЛАВА V. Традиционный общественный быт	128
1. Община (джамаат), тухум	128
2. Управление	129
3. Судостроительство и судопроизводство	133
4. Обычай кровной мести	138
5. Обычай взаимопомощи	142
6. Обычай куначества и гостеприимства	144
ГЛАВА VI. Духовная культура	149
1. Народное образование	149
2. Устное народное творчество	150
3. Народная медицина	156
4. Домоногееистические верования	161
5. Народный сельскохозяйственный календарь	169
6. Народные календарные, религиозные и увеселительные праздники, собрания и игры	173
7. Традиционные нормы межличностного и группового общения	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	184
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	217

Подписано в печать 20.12.2009г.
Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. л. л. 12. Уч.-изд. л. 15. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ. ИП Овчинников М.А.
Тел.: +7-928-264-88-64, +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164

